

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА**

На правах рукописи

Шурыгина Елена Николаевна

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ КОНЦЕПТОВ АМЕРИКАНСКОЙ КАРТИНЫ
МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АМЕРИКАНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА)**

Специальность 10.02.04 – “Германские языки”

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
проф., д.ф.н. Л.Л. Баранова

Москва
2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КОНЦЕПТА КАК БАЗОВОГО ЭЛЕМЕНТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.	13
1.1. Основные положения когнитивной лингвистики.....	13
1.2. Концепт как основной термин когнитивной лингвистики. Различные трактовки понятия «концепт».....	17
1.3. Структура концепта.	21
1.4. Методология исследования и описания концепта.....	23
1.5. Концептуальная и языковая картины мира.	27
1. 6. Методология изучения национальной языковой картины мира применительно к текстам художественной литературы.....	36
Выводы к главе 1.....	40
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА «АМЕРИКАНСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ».	42
2.1. Формирование индивидуализма как философской, политической и социокультурной концепции.	42
2.2. Формирование концепта «американский индивидуализм» и его особенности.	48
2.3. Лингвокогнитивные особенности концепта «индивидуализм» в современном английском языке (на материале словарей и справочно- энциклопедической литературы).....	65
2.4. Лингвокогнитивные особенности концепта «американский индивидуализм» (на материале романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»).....	72
2.4.1. Индивидуализм как противостояние технократическому обществу.	80
2.4.2. Индивидуализм как восстановление связи человека с природой.	89

2.4.3. Индивидуализм как обретение человеком самого себя, самоопределение личности	102
2.4.4. Индивидуализм как осознание человеком своей национально-культурной принадлежности.	107
Выводы к главе 2.....	111
ГЛАВА 3. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА «МАТЕРИАЛИЗМ»	115
3.1. Понятие «материализм» и его интерпретации в справочной литературе.	115
3.2. Освещение роли материализма в американской картине мира в литературе исторического, социологического, культурологического и лингвистического характера.	117
3.3. Лингвокогнитивные характеристики концепта «материализм» (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»).....	121
3.3.1. Материализм как основополагающий компонент «американской мечты».	123
3.3.2. Материализм как фактор разложения общества.....	136
3.3.3. Материализм и его проявления в личной сфере человека.....	141
Выводы к главе 3.....	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	148
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:.....	153

ВВЕДЕНИЕ

В современных гуманитарных науках всё большую актуальность приобретают вопросы, так или иначе связанные с особенностями различных национальных культур и менталитетов. Разумеется, эта тенденция не обошла стороной и науку о языке. Во многом это связано с возрастающим антропоцентризмом современной лингвистики, которая всё чаще ставит в центр внимания не языковые структуры, а «человека говорящего», языковую личность.

Одним из следствий этого стало интенсивное развитие когнитивных наук, а также появление различных смежных дисциплин (в частности, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, и т.д.), что позволяет значительно расширить сферу исследований, постоянно совершенствовать их методы, а также даёт возможность рассматривать явления, связанные с языком и культурой, с различных точек зрения.

Попытка понять и сформулировать суть взаимодействия и взаимного влияния факторов языка и культуры привела к появлению термина «национальная языковая картина мира» (далее – НЯКМ) и его закреплению в терминологической парадигме языкознания. Под национальной языковой картиной мира понимается запечатлённое в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего. Важно отметить, что существует столько же НЯКМ, сколько и языков, каждый из которых является, по словам О.А. Корнилова, отражением результата многовековой работы коллективного этнического сознания над осмыслением и категоризацией человеческого бытия [Корнилов, 2000: 200].

Изучение конкретной национальной языковой картины мира строится вокруг анализа структуры, содержания, когнитивных признаков и способов языкового выражения отдельных концептов, играющих значимую роль в картине мира того или иного лингвокультурного сообщества.

Как известно, концепты выражены в языке [Кубрякова, 1997: 90]. Следовательно, концепты, имеющие культурную специфику, могут рассматриваться как связующее звено между языком и культурой, а их изучение – как попытка найти ключ к пониманию менталитета и мировоззрения населения данной страны. По словам В.А. Масловой, в языке аккумулируются базовые концепты культуры, находя выражение в знаковом воплощении – словах [Маслова, 2004: 53].

Концептуальный анализ предполагает, среди прочего, попытку понять способы категоризации действительности данным сообществом. В когнитивной лингвистике под категоризацией понимается сложный процесс образования и выделения категорий, «членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений» [Кубрякова, 1997: 42].

Данное исследование посвящено лингвокогнитивным особенностям основополагающих концептов американской картины мира. В качестве объектов исследования берутся концепты «американский индивидуализм» и «американский материализм», которые рассматриваются на материале двух культовых произведений американской литературы XX века: романов Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби» соответственно. Работа включает в себя как обзор литературы исторического, социологического, культурологического, лингвистического планов, так и детальный анализ текстов указанных выше произведений.

Объектами данного исследования являются вербализованные национальные культурные концепты «индивидуализм» и «материализм». При этом концепт рассматривается как «квант знания, возникающий в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причём эта информация может включать как сведения об объективном положении дел в этих мирах, так

и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах» [Кубрякова Е.С., 1997: 90].

Предмет исследования заключается в особенностях и способах языкового выражения указанных концептов в американском варианте английского языка (на материале словарных дефиниций и выбранных для анализа произведений американской литературы XX века).

Специфика объекта исследования состоит в том, что в языковой объективации данных концептов отражены и зафиксированы особенности мировоззрения и ценностные установки носителей американского варианта английского языка. При этом стоит отметить, что способы языкового выражения национальных культурных концептов, в свою очередь, оказывают влияние на мнения и ценности носителей данного языка. Это обуславливает необходимость рассмотрения концептов на двух уровнях: 1) на системном уровне, исходя из данных лексикографических источников; 2) на контекстуальном уровне (изучение выбранных языковых контекстов).

Актуальность данного исследования определяется общей направленностью современной гуманитарной научной парадигмы, в рамках которой вопросы национальных языковых картин мира обретают всё большую важность.

Говоря о роли и месте культуры в современном мире, можно условно выделить две противоположные тенденции. С одной стороны, в настоящее время, безусловно, происходит процесс глобализации, которому сопутствует некоторая культурная унификация. Однако эти явления не только не умаляют значимость национальных особенностей жителей различных стран, но и, напротив, обостряют интерес к ним. Более того, глобализация и связанное с ней всевозрастающее международное сотрудничество в экономических и социально-политических сферах обуславливают необходимость выстраивания грамотной и эффективной межкультурной коммуникации, что представляется

невозможным без понимания специфики национального менталитета того или иного языкового коллектива.

Научная новизна работы заключается в том, что в исследовании вышеуказанные концепты впервые рассматриваются на материале произведений художественной литературы. Несмотря на то, что национальные концепты уже рассматривались в ряде исследований¹, материалом в них являлись общественно-политические тексты, словарные статьи, устные интервью и т.д.

Следует добавить, что в данной диссертации впервые предпринята попытка проведения комплексного исследования на стыке когнитивного подхода к изучению языка и лингвокультурологии, с привлечением методов лингвостилистического и лингвопоэтического анализа.

Цель данного диссертационного исследования состоит в описании лингвокогнитивных характеристик концептов «американский индивидуализм» и «американский материализм», опираясь на анализ языкового выражения данных концептов в текстах выбранных художественных произведений. Для достижения сформулированной цели ставятся следующие задачи:

¹См. Т.А. Комова. Основы сопоставительной культурологии. М.: Изд-во МГУ, 2000; Т.Ю. Ма. Национальное самосознание в контексте языка и культуры: (На материале амер. варианта англ. яз.): Дис. ... канд. филол. наук. М.: 2001; Л. Л. Баранова. Концепт «американская мечта»: его структура и реализация в языковой деятельности людей // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. — М.: Рязань, 2007. Вып. 5. -С. 78-84; Т.А. Пашутина. Ключевые концепты американской культуры "PRIVACY" и "PATRIOTISM" и особенности их языковой репрезентации в различных типах дискурса. Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород: 2009; Г.Г. Слышкин. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград: 1999; И.В. Адонина. Концепт "успех" в современной американской речевой культуре. Дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2005; Н.Э. Агаркова. Концепт "Деньги" как фрагмент английской языковой картины мира: На материале американского варианта английского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.

- определить теоретические и методологические основы описания концептов, а также связанные с ними ключевые понятия;
- выделить и описать особенности национальных культурных концептов «индивидуализм» и «материализм» как составляющих американской национальной языковой картины мира;
- изучить исторические, социологические, психологические, культурные аспекты указанных концептов для получения как можно более полного представления об их роли в американской картине мира;
- провести комплексное многоаспектное исследование концептов «американский индивидуализм» и «американский материализм», включающее:

- анализ словарных дефиниций лексических единиц “individualism” и “materialism” с целью выявления базовых когнитивных признаков соответствующих концептов в американском варианте английского языка;

- контекстуальное исследование указанных концептов на материале произведений американской художественной литературы XX века – романов Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби»;

- выявление языковых средств, использующихся в выбранных художественных текстах для языкового выражения данных культурных концептов;

Теоретическая значимость данной работы заключается в дальнейшей разработке понятийного аппарата лингвокультурологии применительно к национальным культурным концептам, построении моделей концептов «индивидуализм» и «материализм» и выведении их ключевых лингвокогнитивных характеристик на основе анализа текстов американской художественной литературы. В конечном итоге, проведённое исследование вносит вклад в развитие такого более общего направления в современной лингвистике, как филологическая герменевтика.

Практическая значимость работы состоит в том, что на её основе могут быть разработаны лекционные и практические курсы по культурологии, страноведению, основам межкультурной коммуникации, анализу художественного текста применительно к изучению культурных концептов той или иной картины мира, а также спецкурсы по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Кроме того, исследование культурных концептов на материале произведений национальной художественной литературы позволяет сформировать более или менее целостное и полноценное представление о культуре страны изучаемого иностранного языка и национальном характере живущих в ней людей.

Материалом для исследования послужили не только указанные выше тексты произведений американской литературы XX века (романы Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби»), но и работы исторического, социологического, лингвистического, психологического, культурологического характера, а также словари: лингвистические и энциклопедические.

Работа основывается на лингвокогнитивном подходе к изучению концепта, подкреплённом методами лингвостилистического и лингвопоэтического анализа художественного текста. Другими словами, упомянутые методы исследования призваны наиболее полно раскрыть функции различных языковых средств в рассматриваемом материале.

Данная работа базируется на следующих положениях, широко освещённых в научной литературе:

1. Каждому языку свойственна та или иная картина мира, которая представляет собой, по словам О.А. Корнилова, «запечатлённое в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего» [Корнилов, 2000: 200]. Принято выделять концептуальную и языковую картины мира (Ю.Н. Караулов,

Г.В. Колшанский, В.Н. Телия, В.А. Маслова, С.Г. Тер-Минасова, Е.С. Кубрякова, О.А. Корнилов и др.)

2. Составляющими языковую картину мира и, в то же время, базовыми единицами культуры являются концепты. Важные культурные концепты непременно выражены в языке (Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, С.А. Аскольдов, И.А. Стернин, В.И. Карасик, Ч. Филмор, Дж. Лакофф, М. Фоконье и др.)

3. «Индивидуализм» и «материализм» являются традиционными американскими культурными концептами, составляющими неотъемлемую часть американской картины мира (А. де Токвиль, Р.У. Эмерсон, Р.Б. Перри, Э.Л. Годкин, Дж. У. Дрейпер, С. Льюкс, И. Ариели, М. Рищин, Л.Л. Баранова, Т.А. Ма и др.)

На защиту выносятся следующие положения:

1. Являясь сложными культурными концептами, составляющими важнейшую часть американской картины мира и американской ментальности, концепты “individualism” и “materialism” имеют сложную структуру и находят отражение через языковые средства американского варианта английского языка на разных языковых уровнях в рассматриваемых произведениях художественной литературы XX века.

2. В изучении лингвокогнитивных характеристик культурных концептов может плодотворно использоваться когнитивный подход к языку в сочетании с методами лингвостилистического и лингвопоэтического анализа текста.

3. Анализ словарных дефиниций может служить основой для выделения ключевых характеристик концепта «американский индивидуализм». В художественном тексте (в данном случае в тексте романа Кена Кизи "Пролетая над гнездом кукушки") данный концепт может иметь более сложную структуру, что во многом

связано с особенностями и выразительными возможностями произведения словесно-художественного творчества.

4. Концепт «американский материализм» тесно связан со сложным национальным концептом «американская мечта». «Американская мечта» не является однородным явлением и, в зависимости от разного рода факторов, может быть разделена на несколько подвидов. В соответствии с этим, концепт «материализм» может рассматриваться по-разному, что находит отражение и в тексте художественного произведения.

5. Анализ дефиниций англоязычных словарей позволяет выделить базовые характеристики концепта «материализм» в его американском варианте. Как и в случае с концептом «американский индивидуализм», в контексте анализируемого художественного произведения концепт «материализм» может иметь более сложную структуру.

6. Произведения словесно-художественного творчества могут служить ценным материалом для изучения национальных культурных концептов и их языкового выражения. В этой связи представляется, что методы лингвостилистического и лингвопоэтического анализа текста обладают значительным когнитивным потенциалом, который может быть использован при изучении различных национальных языковых картин.

Апробация работы: результаты исследования обсуждались на аспирантских семинарах (2011 – 2013 гг.), на XVIII, XIX и XX международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (2011, 2012, 2013 г.г.), XI международной конференции Лингвистической ассоциации преподавателей английского языка МГУ имени М.В. Ломоносова (LATEUM 2013).

Объём и структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка цитируемой литературы.

Во Введении обосновывается выбор темы, её актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методы исследования, а также описывается структура работы.

В Первой главе «Общетеоретические основы исследования лингвокогнитивных характеристик концепта как базового элемента национальной языковой картины мира» освещаются основные теоретические положения, связанные с темой данного исследования.

Во Второй главе «Лингвокогнитивные характеристики концепта «американский индивидуализм» приводятся базовые признаки концепта «индивидуализм» в американском варианте английского языка на основе словарных дефиниций; даётся краткий обзор исторической, социологической, культурологической литературы, поясняющей роль данного концепта в американском национальном сознании, а также проводится анализ текста романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки».

Третья глава «Лингвокогнитивные характеристики концепта «американский материализм» посвящена рассмотрению концепта «материализм», его роли в американской картине мира и его языковому выражению в американском варианте английского языка. В качестве материала берутся данные различных словарей, а также текст романа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби».

В Заключении подводятся итоги данного исследования и освещаются перспективы дальнейшего изучения вопроса.

ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КОНЦЕПТА КАК БАЗОВОГО ЭЛЕМЕНТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.

1.1. Основные положения когнитивной лингвистики.

Начиная с 80-х годов XX века термин «когнитивная лингвистика» обретает всё большую и большую популярность в контексте современных языковых исследований. В настоящее время она считается одним из наиболее перспективных и популярных направлений в науке о языке.

Разработкой основных положений и направлений когнитивной лингвистики занимались такие лингвисты, как Джордж Лакофф, Рональд Лэнекер, Рэй Джакендорф, Леонард Талми, Чарльз Филлмор, Анна Вежбицкая и др. Что касается российских ученых, внесших вклад в развитие когнитивистики, следует упомянуть Е.С. Кубрякову, Ю.С. Степанова, В.А. Маслову, О.В. Александрову, Т.А. Комову, Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука, О.Д. Вишнякову, В.В. Красных, Е.В. Рахилину, Е.О. Менджерицкую и др.

Являясь самостоятельной научной дисциплиной, когнитивная лингвистика составляет важную часть так называемой когнитивной науки (англ. cognitive science). Сам термин «когнитивный» пришел в международный научный словарь из латыни (лат. cognitio– «познание»). В соответствии с этим, когнитивная наука понимается как совокупность наук, основной объект которых составляют «человеческий разум и мышление и те ментальные (психические, мыслительные) процессы, которые с ними связаны» [Кубрякова, 1997: 78]. Это общий термин, объединяющий различные науки на основании того, что человеческий разум представляет собой очень сложное и неоднозначное явление, которое требует изучения с разных сторон и точек зрения. Как отмечает Е. С. Кубрякова, у истоков когнитивной науки стояли психология и лингвистика.

Е.С. Кубрякова приводит следующее определение когнитивной лингвистики: «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [Кубрякова, 1997: 53].

Таким образом, исследования в рамках когнитивной лингвистики сосредоточены на процессах восприятия информации и ее обработки человеческим мозгом, а также на механизме передачи информации посредством речи. Важно также учитывать, что в свете когнитивного подхода к лингвистике речь понимается, прежде всего, как познавательный процесс. К основным задачам рассматриваемой научной дисциплины относят разработку теоретической базы для объяснения процесса мышления человека в его тесном взаимодействии с различными языковыми явлениями и механизмами.

В.А. Маслова отмечает, что в когнитивистике основное внимание уделяется «ментальным репрезентациям» наблюдаемых действий. По ее словам, поведение и деятельность человека протекают при активном участии языка, который образует речемыслительную основу любых процессов, связанных с человеческой деятельностью [Маслова, 2004: 7].

К оперативным инструментам когнитивной лингвистики автор причисляет фреймы, понимаемые как базовые единицы памяти, «стереотипные ситуации, сценарии», концепты («совокупность всех смыслов, схваченным словом») и гештальты («целостные допонятийные образы фрагментов мира»). На основе этого автор приходит к важному заключению, что «когнитивная лингвистика нацелена на моделирование картины мира, на моделирование устройства языкового сознания» (Маслова, 2004: 10).

Как отмечает Е.В. Пичугина, данное направление языкознания дает возможность выделить ключевые когнитивные структуры, «закодированные» с помощью языковых форм. По словам автора, когнитивные языковые исследования позволяют объяснять функционирование языковых единиц с

точки зрения ментальных процессов, а также понять механизм порождения и восприятия текста, учитывая особенности менталитета, специфику реакций на факты действительности, правила языковой коммуникации, ценностную картину мира [Пичугина, 2002: 7].

По словам Т.А. Ма, важным преимуществом когнитивного подхода к языку стало расширение объекта лингвистического исследования: для исследования языка как части концептуальной системы человека стали привлекаться не только знания о механизмах памяти, о физиологических, психологических и психофизиологических свойствах личности, но и разнообразные другие экстралингвистические факторы – сведения о культурном, историческом, социально-политическом контекстах высказывания [Ма, 2001: 12].

Представление о языке как об аспекте когнитивной деятельности человека было бы невозможно без сведений о процессе *категоризации* – «членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений» [Кубрякова, 1996: 42].

По словам Леонарда Талми (Leonard Talmy), когнитивная лингвистика обращается к базовым концептуальным категориям (например, пространство и время, место действия и события, сущности и процессы, движение и положение) через язык. В рамках данного раздела языкознания производится структурирование основных мыслительных и эмоциональных категорий, таких как внимание и перспектива, волеизъявление и намерение:

“It addresses within language the structuring of basic conceptual categories such as space and time, scenes and events, entities and processes, motion and location, force and causation. It addresses the structuring of ideational and affective categories attributed to cognitive agents, such as attention and perspective, volition and intention” [Talmy, 2000: 3].

Категоризация представляется крайне важным явлением в контексте лингвокогнитивных исследований, поскольку, как подчеркивает Е.С. Кубрякова, она связана практически со всеми познавательными способностями и системами, а также с базовыми операциями, происходящими в процессе мышления – сравнением, отождествлением, установлением сходства и подобия и т.д. [Кубрякова, 1997: 42].

Таким образом, исследование в рамках данной работы предполагает, прежде всего, когнитивный подход к языку. Для наглядности попытаемся кратко сформулировать основные тезисы когнитивной лингвистики, существенные для данного исследования:

- 1) язык представляет собой когнитивный механизм, составляющий часть когнитивной системы человека;
- 2) речь рассматривается как обработка информации, которая закодирована с помощью языковых средств разного уровня;
- 3) в соответствии с принципом антропоцентризма, человек, личность рассматривается как активное начало, воспринимающее и продуцирующее информацию;
- 4) одной из основополагающих целей лингвистических исследований является объяснение того, каким образом мыслительные процессы определяют функционирование языковых единиц;
- 5) когнитивный подход к языку тесно связан с процессом категоризации – одним из ключевых понятий науки о мыслительной деятельности человека, в результате которой явления внеязыковой действительности разбиваются на ряд классов (категорий).

Таким образом, мы видим, что когнитивный подход существенно расширяет границы языковых исследований, вовлекая в себя такие сферы, как психология, антропология, философия, нейронауки, социология и т.д. Что также немаловажно, когнитивные исследования позволяют по-новому взглянуть на различные явления и процессы, как лингвистического, так и

экстралингвистического характера. Междисциплинарный характер когнитивной лингвистики делает ее чрезвычайно популярной в настоящее время, а также позволяет привлекать к лингвистическим исследованиям довольно широкий спектр материалов.

1.2. Концепт как основной термин когнитивной лингвистики. Различные трактовки понятия «концепт».

Как отмечает В.А. Маслова, языковые выражения обязательно соотносятся с определенным *концептом* [Маслова, 2004: 13]. Концепт является основным объектом изучения когнитивной лингвистики. Изначально понятие концепта пришло из философии и логики, но в последние годы оно стало занимать важное место в терминологическом аппарате науки о языке.

Существует множество определений концепта. Несмотря на отсутствие единства в трактовке данного термина, большинство исследователей интерпретируют концепт как ментальную репрезентацию явлений действительности в сознании носителей языка, как некие сгустки смысла, передающие важную культурную информацию и выраженные в виде языковых знаков [Жданова, 2006: 52].

Е.С. Кубрякова называет концепт «оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996: 90].

С таким определением концепта созвучна и трактовка О.Д. Вишняковой. Автор также рассматривает концепты как некие единицы, посредством которых человек мыслит, воспринимает окружающую действительность и взаимодействует с внешним миром. Существенным для данного исследования является также положение о том, что наиболее важные концепты непременно выражены через языковые средства [Вишнякова, 2002: 33].

Понимание концепта как базовой ментальной единицы является общим для отечественной и зарубежной лингвистики. Так, по словам Джорджа Лакоффа (George Lakoff) и Марка Джонсона (Mark Johnson), авторов известной книги «Метафоры, которыми мы живём» (*Metaphors We Live by*), концепты помогают структурировать ощущения человека, его поведение, отношение к миру. Иными словами, наша концептуальная система играет ключевую роль в определении реалий окружающей действительности [Лакофф, Джонсон, 2004: 25].

В.А. Маслова рассматривает концепт как некое «ментальное национально-специфическое образование». Его содержание включает в себя всю совокупность накопленных знаний о том или ином объекте, а план выражения является совокупностью языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.) [Маслова, 2004: 27]

В.Н. Телия называет концептом «все, что мы знаем об объекте», то есть «знание об обозначаемом во всех его связях и отношениях» [Телия, 1996: 100].

Концепты обеспечивают способность отождествлять и различать объекты, то есть играют ключевую роль в процессах мышления человека.

Интересным представляется также определение концепта, данное А.П. Бабушкиным: «Дискретная содержательная единица коллективного сознания или идеального мира, хранящаяся в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин, 1996: 13]. В данном определении подчёркивается связь концепта и национального менталитета, с одной стороны, и концепта и языкового выражения, с другой стороны.

Особую важность для данного исследования представляет вопрос о взаимосвязи концепта с культурой. По мнению Т.Ю. Ма, концепт может и должен рассматриваться как связующее звено между языком и культурой, «мировидением народа» [Ма, 2001: 21]. В настоящей работе данная точка зрения принимается как исходная.

В связи с вопросами о взаимосвязи языка и культуры и роли концепта, значимым является также высказывание В. Н. Телия о том, что концепт отражает «не просто существенные признаки объекта, а все, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [Телия, 1996: 96]. Таким образом, по мысли автора, концепт в той или иной степени обладает культурной и национальной спецификой.

Ю.С. Степанов в своей работе «Константы: словарь русской культуры» называет концепт «сгустком культуры в сознании человека»: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 2004: 43]. Таким образом, автор рассматривает концепт как базовую единицу культуры, точку её соприкосновения с языком.

Рассматривая различные трактовки и дефиниции понятия «концепт», Е.В. Пичугина выделяет четыре основных направления: философское (Ж. Делез, Ф. Гваттари), культурологическое (Ю.С. Степанов, В.А. Маслова), когнитивное (Е.С. Кубрякова, А.А. Худяков, И.А. Стернин) и лингвистическое (С.А. Аскольдов, Е.В. Пичугина). Такая разная направленность толкований данного явления вызвана тем, что концепт обладает сложной структурой и является одновременно как языковым, так и внеязыковым (философским, ментальным) явлением.

Философская трактовка концепта находится вне рамок данного исследования, поэтому остановимся более подробно на остальных трёх. Представители лингвистического направления понимают концепт как всю сумму компонентов значения слова (в том числе и коннотативных). Так, по словам Д.С. Лихачёва, концепт является «своего рода «алгебраическим» выражением значения (или «алгебраическим обозначением»), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей

его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.)» [Лихачёв, 1993: 4].

Представители когнитивного подхода трактуют концепт как явление преимущественно ментального характера. К примеру, Е.С. Кубрякова предлагает трактовку концептов как неких смыслов, которыми человек оперирует в процессе мышления. По словам автора, концепты отражают опыт и знания, а также результаты всей человеческой деятельности и процессы, связанные с познанием мира [Кубрякова, 1996: 90].

Согласно приверженцам культурологического направления трактовки природы концепта, концепт является единицей культуры в сознании человека или языкового коллектива. Как уже было отмечено выше, Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека», а В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин в статье «Лингвокультурный концепт как единица исследования» указывают на детерминирующую роль культуры и интерпретируют концепт как «ментальную проекцию элементов культуры» [Карасик, Слышкин, 2001: 76]. Таким образом, культурный компонент концепта признается обязательным в его структуре.

Стоит также отметить, что между вышеперечисленными тремя направлениями не существует радикальных противоречий. Представители каждого из них, как правило, выносят на первый план один из аспектов концепта, не отрицая при этом другие. В данном исследовании осуществляется попытка изучения концепта с учётом всех его аспектов (лингвистического, ментального и культурного). Однако, поскольку объектом для анализа были выбраны культурно- и национально- специфические концепты, исследование во многом базируется на культурологическом понимании данного явления.

Изучение концептов представляется крайне важным для понимания той или иной культуры, поскольку именно через проникновение в концептосферу

того или иного языкового коллектива можно наиболее верно понять особенности мировоззрения и поведения его представителей, а также универсальные и культурно-специфические характеристики концептосфер.

1.3. Структура концепта.

В связи со сложностью и неоднозначностью понятия «концепт», а также в связи с разными подходами к его пониманию, на данный момент не существует и единого представления о его структуре.

Обобщая написанные ранее работы о структуре концепта, Н.В. Жданова говорит о следующих его составляющих: понятийная (основные и «исторические» признаки, внутренняя форма), образная (узуальная метафорическая сочетаемость, гештальты) и значимостная (парадигматические, синтагматические и словообразовательные компоненты). При этом, как отмечает автор, любой из этих аспектов может выходить на первый план в исследовании [Жданова, 2006: 52].

В.А. Маслова также указывает на многомерность концепта и его сложную структуру. Она выделяет понятийную основу и социо-психо-культурную часть, которая не обязательно осмысливается, но всегда переживается носителем языка (сюда входят присущие той или иной культуре образы, ассоциации, оценочные суждения и коннотации) [Маслова, 2004: 36].

З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют три базовых структурных компонента концепта: *образ, информационное содержание и интерпретационное поле*. В западной лингвистической традиции термину «образ» соответствует термин «прототип» (Дж. Лакофф, Э.Рош). Как отмечают авторы, *образ* кодирует концепт, «формируя единицу универсального предметного кода» [Попова, Стернин, 2010: 106]. Образ также имеет неоднородную структуру. Он состоит из перцептивных когнитивных признаков (формируются в сознании носителя языка в результате восприятия им окружающего мира через органы чувств) и образных признаков (формируются в результате метафорического осмысления явления или предмета).

Информационное содержание определяет сущность концепта и включает в себя только основные отличительные черты концептуализируемого предмета и явления. Что же касается *интерпретационного поля*, оно включает в себя когнитивные признаки, которые интерпретируют или оценивают информационное содержание концепта, представляя собой некоторое «выводное знание» [Попова, Стернин, 2010: 110]. Интересно, что интерпретационное поле, в свою очередь, также неоднородно. В его составе авторы выделяют несколько зон – участков, объединяющих схожие по содержанию когнитивные признаки: оценочная зона (объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку); энциклопедическая зона (объединяет признаки, требующие изучения или ознакомления на основе опыта); утилитарная зона (объединяет признаки, выражающие прагматическое отношение к денотату концепта); регулятивная зона (объединяет признаки, которые носят предписательный характер); социально-культурная зона (объединяет когнитивные признаки, отражающие связь концепта с культурой носителей данного языка); паремиологическая зона (совокупность признаков, отражаемых в пословицах, поговорках и афоризмах) [Попова, Стернин, 2010: 106 – 113].

Авторы также отмечают, что для концепта свойственна полевая организация. В его поле выделяют ядро и периферийные признаки. При этом, по словам авторов, не существует строгого соотношения между участками поля концепта и его базовыми структурными компонентами.

З.Д. Попова и И.А. Стернин также настаивают на необходимости разграничивать *структуру* концепта и его *содержание*. Содержание концепта представляет собой совокупность когнитивных признаков предмета или явления. Оно устроено по полемому принципу: ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность признака к той или иной зоне определяется, прежде всего, тем, насколько важен и ярок данный признак в сознании носителя языка [Попова, Стернин, 2010: 115].

Рассуждая о структуре концепта, Ю.С. Степанов выделяет в нём понятийную, обиходную составляющую, с одной стороны, и этимологическую составляющую с другой. Обиходная составляющая является общеизвестной для носителей языка. Этимологическая, или историческая составляющая концепта и делает его фактом культуры. Это «сжатая до основных признаков содержания история, современные ассоциации, оценки и т.д.» [Степанов, 2004: 43]

О компоненте концепта, включающем оценки и ассоциации, говорит и В. И. Карасик. Автор выделяет в концепте образно-перцептивный компонент, понятийный компонент и ценностную составляющую. Ценностная сторона концепта отражает его значимость в глазах индивидуума или целого языкового коллектива [Карасик, 2002: 107].

Поскольку предметом данного исследования является языковое выражение культурных концептов, основное внимание уделяется этимологической составляющей (по Ю.С. Степанову), интерпретационному полю (по З.Д. Поповой и И.А. Стернину), или ценностной составляющей (по В.И. Карасику).

1.4. Методология исследования и описания концепта.

Поскольку не существует единого и строгого определения концепта и его структуры, когнитивная наука не выработала и единую методологию его изучения и описания.

Описание структуры концепта и выявление различных его аспектов применительно к лексической системе языка входит в компетенцию когнитивной семантики – направления, являющегося частью когнитивной лингвистики. А. Вежбицкая определяет основную цель когнитивной семантики как «описание структуры концепта, наличие которого лежит в основе и объясняет название вещей и объектов закреплёнными за ними в лексической системе языка именами, описание идеи, а не просто чувственного типичного представителя вида объектов, иными словами, описание прототипа» [Вежбицкая, 1985: 19].

«Прототип» является важным понятием для современной когнитивной семантики. Одним из основоположников теории прототипов является Элеонора Рош. По словам Е.В. Рахилиной, суть теории прототипов заключается в том, что в любой семантической категории человек подсознательно выделяет центр и периферию. Иными словами, каждая семантическая категория имеет «более прототипических» и «менее прототипических представителей». В качестве примера, ссылаясь на работы Э. Рош, она приводит пример малиновки и воробья как «прототипических птиц» в сознании большинства [Рахилина, 1998: 286].

Теория прототипов поддерживается противопоставлением фигуры и фона (figure and ground), которое было введено американским лингвистом Леонардом Талми. В своей работе *Towards a Cognitive Semantics* Талми выделяет в лексической системе языка фигуру (figure) и фон (ground) как две базовые когнитивные функции [Talmy, 2000: 311]. Как отмечает Е.В. Рахилина, восприятие действительности человеком неравномерно, поскольку какая-то часть информация является исходной, изначально известной, тогда как другая часть воспринимается как новая и наиболее значимая в настоящий момент. Таким образом, фигура является «движущимся или потенциально движущимся объектом», тогда как фон рассматривается как «неподвижный» объект [Рахилина, 1998: 289].

Представляется возможным применить эти сведения об особенностях восприятия действительности когнитивным аппаратом человека и к анализу культурно-специфических концептов.

Основной проблемой концептуального анализа является недостаточно чёткая методология. В статье «Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология?» Р.М. Фрумкина осуществляет попытку обобщить и систематизировать существующие подходы к концептуальному анализу, предлагая следующую группировку:

1. Анализ сложных ментальных образований (например, *мнение, знание, сходство, подобие*). Анализ проводится на основе различных контекстов, в том числе, философских. Языковой материал при этом не играет первостепенной роли и воспринимается как вспомогательный, иллюстративный, нужный лишь для подтверждения ранее сложившейся позиции [Фрумкина, 1995: 97]. В качестве примера успешных исследований данного типа автор приводит работы Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1988).
2. Второй тип концептуального анализа имеет схожий с первым объект исследований. Однако, в отличие от концептуального анализа первого типа, в таких исследованиях применяется более широкий спектр диагностических контекстов, сами контексты являются более обширными, расширяется ареал привлекаемых фактов, добавляются новые точки зрения на материал. Несмотря на то, что описание материала лежит в рамках лингвистической традиции, формулировка самих концепций тяготеет скорее к логике, чем к лингвистике.
3. Материалом для анализа третьего типа может являться любой языковой материал без каких-либо ограничений. Методом анализа является интроспекция исследователя. В рамках данного подхода гораздо большее внимание уделяется результату исследования, нежели описанию его методологии. К работам этого типа Р.М. Фрумкина относит исследования И.А. Мельчука, Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой.

Как отмечает Е. В. Пичугина, метод анализа концептов во многом зависит от понимания самого термина «концепт» и от представления о его структуре [Пичугина, 2002: 20]. В своей работе автор выделяет *полевой подход* к изучению концепта, который базируется на описанной выше (см. пункт 1.3) трактовке концепта как сложного образования, состоящего из ядра и периферийной части [Попова, Стернин, 2010].

Данный подход предполагает выделение лексико-семантических полей, которое также может проводиться с помощью разных методов: структурного (дистрибутивного), психофизиологического, психолингвистического, статистического и логико-семантического. Из этого перечня автор подробно останавливается на логико-семантическом методе, который основан на предложенном Ш. Балли принципе идентификации. Во главе поля стоит слово-идентификатор, которое выражает смысл, общий для входящих в поле слов, в наиболее объективной и наименее эмоциональной форме [Пичугина, 2002: 36].

Хотя автор отмечает некоторые недостатки логико-семантического метода (к примеру, некоторую непоследовательность, связанную с разными традициями толкования слов в словарях), к его достоинствам она относит тот факт, что на основе данного метода можно установить не только элементы группы, но и их иерархические отношения [Там же: 37].

В.И. Карасик приводит более конкретные примеры процедур описания концепта: 1) дефинирование; 2) контекстуальный анализ; 3) этимологический анализ; 4) паремиологический анализ; 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование [Карасик, 2002: 92].

Интересными и важными для данного исследования представляются замечания В.И. Карасика о лингвокультурном и лингвокогнитивном подходах к пониманию культурного концепта. Суть лингвокультурного подхода состоит в том, что концепт понимается как основная единица культуры, её концентрат (в этом пункте автор ссылается на Ю.С. Степанова). Что касается лингвокогнитивного подхода, в его рамках концепт рассматривается на основе его языкового выражения. Как отмечает автор, данные два подхода к изучению концепта нисколько не противоречат друг другу: концепт как ментальная единица в сознании отдельного носителя языка дает возможность проникнуть в концептосферу всего социума, а следовательно, и в культуру. Другими словами, данные подходы предполагают противоположные векторы по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт подразумевает

направленность от сознания индивида к культуре, а лингвокультурный концепт, напротив, представляет собой направление от культуры в целом к индивидуальному сознанию [Карасик, 2002: 97].

1.5. Концептуальная и языковая картины мира.

Говоря о концептах, характерных для определенной культуры и, соответственно, обуславливающих ее специфические черты, мы сталкиваемся с таким понятием, как «картина мира».

На сегодняшний день картина мира (далее – КМ) является одним из базовых понятий во многих сферах гуманитарного знания. Она изучается в философии, психологии, социологии, антропологии. В последнее время КМ всё прочнее укрепляет свои позиции и в терминологическом аппарате филологических и смежных с ними дисциплин (социолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, когнитивная лингвистика). Безусловно, каждая из упомянутых дисциплин рассматривает понятие КМ под особым углом, что иногда приводит к разным и порой даже противоречивым трактовкам КМ.

Термин «картина мира» (КМ) появился в конце XIX века – начале XX веков. Одним из первых его употребил немецкий физик Герман Герц применительно к физической картине мира, трактуемой им как «совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов» [Герц, 1959: 208].

Таким образом, изначально понятие «картина мира» относилось только к области естественнонаучных знаний о мире. Однако с течением времени «картина мира» стала частью различных дисциплин человеческого знания и обретала в связи с этим новые трактовки.

Говоря о картине мира, мы, как правило, имеем в виду образ, или, скорее даже, систему образов, формирующую некое специфическое представление о том, что мы видим вокруг себя. Картина мира – это то, как мы воспринимаем мир и себя в нём, это отражение окружающих нас явлений в сознании. Это

результат нашего взаимодействия с окружающим миром. В.А. Маслова отмечает, что КМ является одним из наиболее важных понятий, описывающих человеческое бытие [Маслова, 2004: 47].

Создание картины мира – неотъемлемая часть человеческого мышления. Согласно Эйнштейну, человеку свойственно стремление каким-то образом создать в своём ментальном мире простую и ясную картину мира, чтобы в известной степени попытаться заменить в своём сознании данной картиной окружающий мир. По словам Эйнштейна, каждый человек (к примеру, художник, поэт, философ, естествоиспытатель) создаёт картину мира по-своему и переносит на этот процесс центр тяжести своей духовной жизни [Эйнштейн, 1976: 136].

Более конкретно эту мысль сформулировал Мартин Хайдеггер – один из крупнейших философов XX века. Именно с его именем связано формирование понятия картины мира в его современном виде. В статье «Время картины мира» Хайдеггер подчёркивает, что при слове «картина» мы в первую очередь думаем об отображении чего-либо. Являясь изображением, она предполагает фиксацию черт, которые мы считаем наиболее важными, значимыми. По М. Хайдеггеру, «картина мира – обозначение сущего в целом», она «означает... не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [Хайдеггер, 1993: 49-50].

В.А. Маслова предостерегает против узкого понимания КМ как некоего набора представлений, или «фотографий». По словам автора, в картину мира обязательно входит точка зрения субъекта, его восприятие объектов окружающего мира, причём эта точка зрения настолько же реальна, как и сами объекты. В.А. Маслова также подчеркивает, что человек не воспринимает объекты окружающего мира пассивно, он способен их изменить. Вследствие этого, вполне естественным представляется тот факт, что совокупность взглядов, отношений, оценок отображается с помощью знаков системы

национального языка и принимает непосредственное участие в формировании языковой картины мира [Маслова, 2004: 50].

Таким образом, В.А. Маслова определяет картину мира как «целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром» [Маслова, 2004: 50].

В.Г. Колшанский рассматривает формирование картины мира в связи с постепенным усложнением человеческого мышления. Автор отмечает, что по мере того, как увеличивалась способность человека к абстрактному восприятию явлений действительности и фиксации ключевых, универсальных свойств данных явлений, вырабатывались определенные категории, помогающие ему ориентироваться в окружающем мире. Это существенно повлияло на характер человеческого языка, который, по мнению ученого, имеет «генетически единый» характер с процессом мышления [Колшанский, 2005: 11].

Мысль о тесной взаимосвязи языка и мышления отражается в данном В.Г. Колшанским определении картины мира: «Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме». Этой материальной формой выступает язык, посредством которого происходит объективация сознания индивида как отдельной «монады мира» [Колшанский, 2005: 15].

Выдающийся немецкий лингвист, основатель современного европейского неогумбольдтианства, Йохан Л. Вайсгербер приписывает языку несколько более активную функцию. По мнению данного исследователя, родной язык является средством реконструкции внешнего мира. Эта идея легла в основу разработанной им концепции *Worten der Welt* («воссоздание мира посредством слова»): «Язык является по своим возможностям процессом воссоздания мира посредством слова конкретным языковым сообществом, то есть созданием духовных подходов, благодаря которым мир бытия становится сообща

постижимым для совокупности членов данной группы» [Вайсгербер, 2004: 151].

Эту идею поддерживает и С.Г. Тер-Минасова, которая пишет о том, что язык не просто отражает национальный характер, но и активно участвует в его формировании [Тер-Минасова, 2000: 135].

Исходя из представления о тесной связи языка и мышления, исследователи выделяют так называемую «языковую картину мира» (далее – ЯКМ). Ю.Н. Караулов определяет ЯКМ как «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [Караулов, 1976: 246]. Е.С. Яковлева предлагает понимать языковую картину мира как некую схему восприятия действительности, зафиксированную в языке и специфическую для представителей данного языкового коллектива [Яковлева, 1994: 9].

В.А. Маслова отмечает, что, говоря о языковой картине мира, мы должны понимать, что данный термин представляет собой некую «метафору», поскольку особенности определенного языка, отражающие уникальный культурный, исторический и социально-политический опыт того или иного языкового сообщества, не составляют отдельную, самостоятельную картину мира, а передают лишь особое восприятие («окраску») этого мира, обусловленное специфической для носителей каждой национальной культуры значимостью предметов, явлений, процессов и их оценкой, что порождается особенностями условий и образа жизни, а также национальной культуры данного народа [Маслова, 2004: 52-53].

В качестве аспекта языковой картины мира В.И. Карасик в работе «Языковой круг: личность, концепт и дискурс» предлагает модель *ценностной картины мира*. Ценностная картина мира складывается из совокупности концептов, рассматриваемых с ценностной точки зрения [Карасик, 2002: 107]. Ценностная картина мира реконструируется на основе взаимосвязанных оценочных суждений, относящихся к различным аспектам культуры и быта данного языкового коллектива. По словам автора, между оценочными

суждениями существуют отношения «включения и ассоциативного пересечения». Анализируя их, можно установить «ценностные парадигмы» соответствующей культуры. В ценностной картине мира также выделяются *культурные доминанты* – смыслы, обладающие наибольшей значимостью для данной культуры. Совокупность культурных доминант определяет данный тип культуры, который выражается в языке [Там же: 117-118]. Ю.С. Степанов использовал в этом случае термин «константы культуры» [Степанов, 2004].

Современное понимание языковой картины мира во многом базируется на идеях В. Гумбольдта, который называл язык «духом народа». По Гумбольдту, язык «есть орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления». Как отмечает учёный, язык неразрывно связан с народным духом, и именно эта связь во многом определяет развитие языка [Гумбольдт, 1984: 324].

Значительное развитие данная мысль получила уже в XX веке в рамках так называемой «гипотезы лингвистической относительности», сформулированной американцами Э. Сепиром и Б. Уорфом (Sapir-Wharf hypothesis). Эта гипотеза основана на утверждении, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка. В немалой степени язык обуславливает способ мышления говорящего на нем народа.

Так, Б. Уорф предостерегал против ограниченного понимания языка как просто средства воспроизведения мыслей. Он утверждает, что грамматика сама активно участвует в формировании мысли, являясь программой и руководством мыслительной деятельности человека, а также инструментом для анализа его впечатлений. По мысли автора, мы расчлняем в нашем сознании окружающий мир так, как подсказывает нам наш родной язык. Согласно концепции Уорфа, мир представляет собой некий «калейдоскопический поток впечатлений», организованный нашим сознанием. Иными словами, языковая система, являющаяся частью нашего сознания, играет важнейшую роль в процессе категоризации явлений окружающего мира [Уорф, 1960:174].

Многие лингвисты (Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, В.Н. Телия, В.А. Маслова, С. Г. Тер-Минасова, Е.С. Кубрякова, О.С. Корнилов и др.) наряду с языковой картиной мира (ЯКМ) выделяют концептуальную картину мира (ККМ) и настаивают на разграничении этих двух понятий.

Так, Е.С. Кубрякова подчёркивает, что ККМ – гораздо более широкое и объёмное понятие, чем ЯКМ. По мнению автора, ЯКМ является лишь частью концептуального мира человека, которая связана с языком и выражается через многообразие языковых средств и форм [Кубрякова, 1988: 142].

В.А. Маслова указывает на общность концептуальных картин мира представителей разных этносов и на вторичность ЯКМ по отношению к ККМ. Она отмечает, что концептуальные картины мира разных людей в той или иной степени одинаковы, поскольку человеческое мышление устроено более или менее единообразно. Что же касается национальных языковых картин мира, они представляют собой просто разное «расцветивание» концептуальных картин мира представителей разных языковых коллективов. Таким образом, языковая картина мира является отражением национальной картины мира и может быть выявлена через анализ языковых единиц, принадлежащих к разным уровням [Маслова, 2004: 51].

Г.А. Брутян, рассматривая процесс формирования картины мира в человеческом сознании, оперирует терминами «концептуальная (логическая) и языковая модели мира» (КММ и ЯММ), или, иначе, «понятийная» и «словесная» модели мира. Под КММ понимается совокупность знаний и представлений о мире, получаемых индивидом как через мыслительные процессы, так и с помощью чувственного опыта. Что касается ЯММ, под этим термином понимается «информация о мире, закреплённая средствами живых, разговорных языков» [Брутян, 1973: 108-111]. Как указывает Е.В. Пичугина, ядро КММ составляют понятия и сверхпонятия (по Ю.Н. Караулову), а ядром ЯММ являются знания, закреплённые в словах и словосочетаниях [Пичугина, 2002:13].

О.А. Корнилов вообще отказывается рассматривать словосочетание «картина мира» как самостоятельный термин. Он выделяет научную картину мира (НКМ) и языковую картину мира (ЯКМ). НКМ понимается автором как «вся совокупность научных знаний о мире, выработанная всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества». Научная картина мира, являясь отражением реального знания человека об окружающем мире, закреплена в терминологиях частных наук [Корнилов, 2000: 28].

Что касается ЯКМ, это «субъективное представление реальности, в которое входят не только представления о существующих объектах, но и о вымышленных, несуществующих» [Там же: 47]. Важным представляется также замечание о том, что ЯКМ всегда является субъективной, поскольку она отражает и фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира представителями данного этноса не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, т.е. на этапе «первичного, донаучного познания мира» [Там же: 35]. Как отмечает О.Н. Корнилов, ЯКМ представляет собой не что иное, как результат преломления объективного мира через обыденное (языковое) сознание представителей конкретного языкового коллектива [Там же: 163].

При этом автор указывает на множественность языковой картины мира. Это связано с тем, что человеческое сознание существует в разных формах: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание. Особенности осмысления и восприятия мира каждым из этих видов сознания фиксируется в языке по-разному. В этой связи О.Н. Корнилов выделяет «научную языковую картину мира», «ЯКМ национального языка», «ЯКМ отдельного человека».

Е.С. Яковлева говорит о том, что в большинстве случаев можно говорить о противопоставлении «научных» и «наивных» понятий. «Научные» понятия функционируют как термины в различных дисциплинах, тогда как «наивные» используются человеком «независимо от его знаний тех или других научных

дисциплин и владения научной картиной мира» [Яковлева, 1994: 9]. Ссылаясь на Ю.Д. Апресяна, автор подчеркивает, что научная и наивная картины мира имеют существенные различия: «Образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [Апресян, 1986: 5].

Возможность понимания ЯКМ как ЯКМ национального языка даёт основание для использования термина «национальная языковая картина мира» (НЯКМ).

В своей диссертации «Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов» Корнилов даёт довольно полное определение НЯКМ: «Национальная языковая картина мира – это запечатлённое в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего, где в слово видение вкладываются понятия и логическое осмысление, и чувствование, и оценивание, а в понятие сущего – не только реальный материальный мир, но и всё привносимое в него человеческим сознанием. НЯКМ столько же, сколько языков, каждый из которых отражает уникальный результат многовековой работы коллективного этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека во Вселенной» [Корнилов, 2000: 200].

Следует отметить, что изучению национальных картин мира в последнее время придается довольно большое значение. Представляется, что это связано, прежде всего, с происходящими в мире геополитическими процессами. Глобализация и связанная с ней возрастающая политическая и культурная унификация не ослабили интереса к национальным культурам, к чертам, которые в своей совокупности образуют некое мировоззрение, представление о мире, объединяющее членов того или иного лингвокультурного сообщества и выделяющее его среди других. В этой связи исследования, связанные с национальными картинами мира, приобретают особую актуальность.

Говоря о картине мира, некоторые исследователи выделяют «наивную языковую картину мира». По словам Е.А. Балашовой, такое представление во многом основано на идее А.А. Потебни о необходимости разграничения «ближайшего» (собственно языкового) и «дальнейшего» (соответствующего данным науки) значений слова [Балашова, 2006: 1].

Согласно Ю.Д. Апресяну, «наивная языковая картина мира» представляет собой совокупность способов концептуализации окружающего мира, получающих отражение в языке. При этом ключевые культурные и языковые концепты образуют некое единое мировоззрение, своего рода коллективную систему взглядов, которая является частью мышления и восприятия мира всех носителей данного языка. Автор связывает наивную картину мира, прежде всего, с лексическим составом языка, с общеупотребительными значениями слов (в противоположность научным) [Апресян, 1995: 39].

В.Н. Телия понимает наивную языковую картину мира как «языковленное сочленение знаний обычного человека о мире, в котором он живет и действует» [Телия, 2002: 91].

Таким образом, мы видим, что не существует единой трактовки понятия «языковая картина мира» и единого видения его соотношения с понятийной (концептуальной) картиной мира. Учитывая всё изложенное выше, следует отметить, что особую значимость для данного исследования имеют следующие положения:

1. Картина мира является основой восприятия мира индивидом.
2. Под языковой картиной мира в данном исследовании понимается отражение явлений, процессов и объектов окружающего мира в сознании человека, выраженное в языке.
3. В данной работе рассматривается языковое выражение конкретной (а именно американской) национальной языковой картины мира на материале анализа текстов художественной литературы. Поэтому говоря о картине мира, мы имеем в виду именно национальную

языковую картину мира, которая понимается в настоящем исследовании не только как отражение понятийного усвоения мира членами данного культурно-языкового сообщества, но и как фактор, влияющий на пути и способы этого усвоения.

1.6. Методология изучения национальной языковой картины мира применительно к текстам художественной литературы.

Как уже было упомянуто, язык, являясь неотъемлемой частью культуры и одним из её основных орудий, играет огромную роль как в выражении, так и в формировании национальной картины мира. По словам В.А. Масловой, именно через языковые средства происходит вербализация культуры народа, поскольку язык аккумулирует ключевые культурные концепты культуры и реализует их в виде знаков, т.е. в словах. Модель мира, формируемая языком, является субъективным образом объективного мира и включает в себе элементы антропоцентризма, который пронизывает весь язык [Маслова, 2004: 53].

В связи с возрастающей популярностью исследований, связанных с изучением национальных языковых картин мира, возникает вопрос о методологии. Е.С. Яковлева во введении к своей книге «Фрагменты русской языковой картины мира» говорит о том, что возможных методов изучения ЯКМ существует великое множество и ссылается на работы Ю.Д. Апресяна, В.И. Постоваловой и Т.В. Цивьян, где вопросы истории и способов изучения языковой картины мира освещены более подробно.

Е.С. Яковлева выделяет следующие два метода исследования (Яковлева, 1994: 9):

1. типологические исследования (например, славянская языковая картина мира (В.Н. Топоров), балканская модель мира (Т.В. Цивьян) и т.д.);
2. исследование отдельно взятых сторон языка (например, исследования, связанные с метафорой (Н.Д. Арутюнова); отражение языковой картины мира в семантике и прагматике (Ю.Д. Апресян);

Автор останавливается на данных двух методологиях, поскольку они основаны на «выявлении национально-своеобразных черт описываемых языков» и, исходя из этого, основываются на языковых универсалиях [Яковлева, 1994: 9].

Что касается данного исследования, его целью является изучение лингвокогнитивных особенностей концептов «материализм» и «индивидуализм», которые, являясь специфическими для американской картины мира, входят в основу американского национального характера (А. де Токвиль, Р.У. Эмерсон, У. Уитмен, Р.Б. Перри, Э.Л. Годкин, Дж. У. Дрейпер, С. Льюкс, И. Ариели, М. Рицин, Л.Л. Баранова, Т.А. Ма и др.). Поскольку материалом для настоящей работы служат произведения американской художественной литературы, представляется необходимым сказать несколько слов о методологии исследования данного материала, связанной со спецификой художественного текста.

Как уже было сказано выше, настоящее исследование основано на когнитивном подходе к изучению языка. В данном случае когнитивный подход дополнен методами *лингвостилистического* и *лингвопоэтического* анализа художественного текста.

В рамках московской лингвистической школы теоретические основы упомянутых выше методов широко и полно освещены в работах В.Я. Задорновой и А.А. Липгарта.

Говоря о соотношении лингвостилистического и лингвопоэтического методов анализа текста, профессор В.Я. Задорнова подчёркивает как тесную взаимосвязь этих методов, так и существенное различие между ними.

Как отмечает автор, анализ текста может проводиться на трёх уровнях. Лингвостилистическое исследование начинается с рассмотрения слов и словосочетаний на *семантическом* уровне, который предполагает «анализ единиц языка как таковых, в их прямом значении: анализ лексики, морфологии, синтаксиса – всех возможных аспектов данного текста» [Задорнова, 1984: 8].

Однако анализ языковых единиц на семантическом уровне, который автор называет «прелюдией» к собственно стилистическому анализу, не может обеспечить полноценного изучения текста. Для этого исследователю необходимо понимать то, каким образом данные языковые единицы функционируют в тексте. Здесь мы имеем дело с *метасемиотическим* уровнем. Как отмечает В.Я. Задорнова, на этом этапе исследователь сталкивается с «двойственной» природой языковой единицы в тексте, ее способностью наполняться новым «поэтическим» содержанием. По словам автора, именно это новое содержание, которое единицы языка обретают в контексте, и является предметом исследования на метасемиотическом уровне [Там же: 8].

Примечательно, что упомянутые выше два уровня анализа текста (семантический и метасемиотический) носят практически универсальный характер, поскольку могут быть применены к текстам любого регистра и жанра. Именно они, по словам В.Я. Задорновой, «входят в компетенцию лингвостилистики» [Там же: 9]. Однако, если речь идёт об исследовании художественного текста, то лингвостилистическое исследование может служить лишь предварительным этапом.

Таким образом, мы подходим к третьему уровню анализа художественного текста – *метаметасемиотическому*. Сам термин «метаметасемиотический» предполагает некое обобщение, взгляд на объект, охватывающий более широкую картину. Анализируя текст на метаметасемиотическом уровне, исследователь должен установить связь между конкретным рассматриваемым фрагментом и произведением в целом, выявить функцию и значение данного отрывка в контексте всего произведения и замысла автора. Анализ на данном уровне может осуществляться только на основе художественного текста.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о разграничении лингвостилистики и лингвопоэтики. По словам В.Я. Задорновой, целью лингвостилистического анализа произведения является обнаружение

стилистической дифференциации единиц всех языковых уровней². Что же касается лингвопоэтического анализа текста, то он может относиться лишь к сфере словесно-художественного творчества. Как отмечает В.Я. Задорнова, цель данного вида анализа состоит в определении того, каким образом та или иная единица языка (слово, словосочетание, грамматическая форма, синтаксическая конструкция) «включается автором в процесс идейно-художественного творчества, каким образом то или иное своеобразное сочетание языковых средств приводит к созданию данного эстетического эффекта» [Задорнова, 1992: 20]. Если лингвостилистический анализ предполагает выявление стилистических средств в тексте любого жанра, то лингвопоэтический метод используется для выявления инструментов эстетического воздействия текстов художественной литературы.

Разработка методологии и принципов лингвостилистического и лингвопоэтического видов анализа текста получили дальнейшее развитие в работах А.А. Липгарта. В своём диссертационном исследовании «Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика» автор отмечает, что при лингвопоэтическом рассмотрении текста учитываются данные лингвостилистики, которые позволяют выявить функционально-стилистический статус языковых единиц. По словам А.А. Липгарта, цель лингвопоэтического исследования художественного текста заключается в выявлении роли стилистически маркированных языковых единиц в раскрытии идейно-художественного содержания текста³.

Анализ материала настоящей работы предполагает работу в рамках как лингвостилистики, так и лингвопоэтики. Исследование материала с точки зрения лингвостилистического анализа едва ли может позволить исследователю установить связь рассматриваемого контекста с выбранными концептами

² См. Задорнова В.Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования. Авторферат. дисс... доктора филологических наук. М.: 1992. С.14

³ См. Липгарт А.А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы 16-20 вв. Автореф. дисс-и ... д-ра филол. Наук. М.:1996. С. 14

национальной языковой картины мира. Национально-специфический концепт представляет собой явление довольно абстрактного и обобщенного характера, и изучение этого явления предполагает не просто анализ языковых единиц как таковых и их функций в рамках текста, но и выход на «надтекстовый» уровень, понимание смысла произведения, а также рассмотрение исторических, политических, социо-культурных факторов, которые сопровождали данное произведение художественной литературы. Иными словами, лингвопоэтический анализ текста является чрезвычайно важной частью данного лингвокогнитивного исследования.

Выводы к главе 1.

1. Данное исследование лежит в русле когнитивной лингвистики. Это означает, что язык рассматривается как неотъемлемая часть познавательной, когнитивной деятельности человека. Языковые явления изучаются в тесной связи с ментальными процессами, а языковые формы выступают как отражение когнитивных структур.
2. Базовым понятием для данного исследования является «концепт». Концепт представляет собой явление со сложной структурой, принадлежащее к разным сферам знания одновременно. Будучи явлением абстрактного характера, концепт реконструируется на основе своего языкового выражения.
3. Концепт имеет полевою структуру. Он состоит из ядра (наиболее существенных признаков) и периферии (наименее существенных признаков).
4. Предметом данного исследования являются концепты, являющиеся национально- и культурно-значимыми для выбранного культурно-языкового сообщества. Исходя из этого, такие концепты должны рассматриваться с учетом не только лингвистических, но и экстралингвистических (культурных, социально-исторических) факторов.

5. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотрения языкового выражения концептов, составляющих основу американской картины мира. Национальная языковая картина мира понимается здесь как специфическое для представителей рассматриваемого сообщества языковое отражение явлений действительности и культурно-исторического опыта, являющегося общим для членов данного языкового коллектива.
6. Данное исследование проводится на материале произведений американской художественной литературы, поэтому когнитивный подход к анализу языковых единиц подкрепляется здесь лингвостилистическим и лингвопоэтическим методами анализа текста.

ГЛАВА 2

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА «АМЕРИКАНСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ».

2.1. Формирование индивидуализма как философской, политической и социокультурной концепции.

Индивидуализм – это широкое и многогранное понятие, которое может интерпретироваться как явление повседневной жизни человека и как политическая, социальная, идеологическая, этическая, философская концепция. В соответствии с этим, можно выделить два подхода к рассмотрению индивидуализма: 1) практический, выражающий жизненную позицию человека; 2) концептуальный, затрагивающий совокупность различных социальных, исторических, философских, культурных, политических, психологических факторов.

Рассмотрение роли и места концепта «индивидуализм» в американской картине мира было бы неполным без учёта разнообразных экстралингвистических факторов, в частности, без обращения к истории развития и формирования индивидуализма и как понятия, и как явления в западноевропейской истории философии в целом и истории Соединённых Штатов Америки в частности.

Проблема соотношения личности и общества является одной из главных в истории философской мысли. Именно данный вопрос и различные подходы к нему лежат в основе разнообразных философских, политических и идеологических учений и нередко определяют курс политического, экономического и социокультурного развития страны.

Данной теме посвящено множество работ, относящихся к совершенно разным сферам. Для выведения более или менее чёткой формулировки концепта «индивидуализм» как объекта данного исследования представляется

уместным привести краткие сведения об основных этапах развития индивидуализма как философского и социокультурного понятия.

Сам термин «индивидуализм» имеет латинское происхождение (лат. *individuum* – неделимое). Он появился относительно недавно, хотя обозначаемое им явление имеет гораздо более длинную историю. Индивидуализм начинает возникать в результате отделения человека от коллектива и осознания им себя как личности, отдельной от группы. Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», такое осознание не было возможным на ранних стадиях развития человечества, поскольку в таких обществах индивиды являются несамостоятельными частями социального целого (ФЭС: 206).

Как социально-этический феномен индивидуализм начал формироваться (хотя, как уже было сказано, само слово появилось гораздо позже) и получать распространение в эпоху эллинизма (4 в. до н.э. - начало 1 в. н. э.), в частности, в учениях Эпикура, стоиков и скептиков. Древнегреческий мыслитель Эпикур (341-270 гг. до н.э.), основатель эпикуреизма как философской школы, выделяет «мудрых людей» и «толпу» и противопоставляет их друг другу. Согласно Эпикуру, мудрец должен отделиться от толпы, а для этого ему следует избегать участия в общественных и политических делах. Он считал, что справедливые законы направлены на ограждение и защиту мудрых людей от толпы [Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура: 179-236]. Таким образом, можно утверждать, что, с современной точки зрения, учение Эпикура носит индивидуалистический характер.

Однако же, в целом, едва ли можно говорить о существовании индивидуализма в его более или менее современном виде в эпоху античности. Как отмечает А.Ф. Лосев в работе «История античной эстетики», античное сознание не предполагает самостоятельной ценности человеческой личности [Лосев, 1963: 63]. Согласно Лосеву, право на свободу воли, независимость и

нарушение общественных норм признаётся исключительно за выдающимися, героическими личностями (к примеру, Ахилл в «Илиаде» Гомера) [Там же: 66].

Вопрос о положении человека в обществе и его значимости оказался крайне важным в эпоху Возрождения, которая в центр мироздания поставила именно личность. Одной из концептуальных основ Ренессанса стала идея о самодостаточности человеческой личности (как в физическом, так и в духовном плане) и её творческом начале. Манифестом индивидуализма эпохи Возрождения, стремления человека к освобождению от жёстких догм сословного общества и церкви стал трактат итальянского мыслителя Джованни Пико делла Мирандолы «О достоинстве человека» (1487). Особенно важной стала мысль о сотворении человеком самого себя. По словам Мирандолы, созданный Богом человек должен свободно и по своей воле утверждать себя в мире и стремиться к самосовершенствованию: «Тогда принял Бог человека как творение неопределённого образа и, поставив его в центре мира, сказал: <...> Ты же, не стеснённый никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя представляю. <...> Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочитаешь» [Мирандола. Речь о достоинстве человека. Пер. Л. Брагиной: 506].

В качестве самостоятельной концепции индивидуализм получил значительное развитие в трудах мыслителей эпохи Просвещения. Наиболее важный вклад в развитие индивидуализма как философского и политического учения внесли такие мыслители, как Джон Локк, Жан-Жак Руссо, Дени Дидро, Иоганн Готлиб Фихте, Дэвид Юм, Клод Адриан Гельвеций, Поль Анри Гольбах. Все они в той или иной степени утверждали идею ограничения давления на личность со стороны общества.

Тема соотношения личности и общества осмыслялась и в литературных произведениях эпох Возрождения и Просвещения (У. Шекспир, Д. Дефо, М. Сервантес и другие). Героем, как правило, становился сильный (нередко в

трагическом ключе) человек, в той или иной степени противопоставляющий себя обществу. Это противопоставление, нередко переходящее в противостояние, принимает зачастую вселенский масштаб. Интересы личности и коллектива на данном этапе рассматриваются как два отдельных самостоятельных понятия, которые могут совпадать или, наоборот, противоречить друг другу.

Особенно значимой в этой связи оказалась так называемая «теория разумного эгоизма», разработанная в рамках этики французского Просвещения, в частности, в работах Гельвеция («Об уме», «О человеке»). Суть этой теории сводилась к тому, что личный интерес должен соответствовать общественному интересу, процветание общества в целом является прямым следствием процветания каждого индивида в условиях признания равной ценности интересов всех членов общества. Служение обществу, в свою очередь, рассматривается как личный интерес индивида. Во главу угла ставилась идея совершенствования отдельной личности посредством раскрытия индивидуальных качеств [Краткий философский словарь, 2006: 453-454].

Теория «разумного эгоизма» во многом легла в основу экономического учения Адама Смита. В своём труде «Богатство народов» (1776) он выразил идею, что, стремясь к реализации личных целей, индивид приносит обществу большую пользу, нежели в том случае, если бы он сознательно стремился служить коллективным интересам.

Более отчётливое противопоставление индивида обществу отразилось в работах немецкого мыслителя первой половины XIX века Артура Шопенгауэра. В своей работе «Афоризмы житейской мудрости» Шопенгауэр утверждает, что каждому человеку следует стремиться к свободе, а также отмечает, что общество всегда в той или иной степени ущемляет личные интересы индивида:

«Довольствоваться самим собою, быть для себя всем и иметь право сказать: *omnia mea mecum porto* (все, что мое, – я ношу с собою) – это бесспорно важнейшее данное для счастья <...> Прежде всего любое общество

неизбежно требует взаимного приспособления, уравниения и поэтому, чем общество больше – тем оно пошлее. Человек может быть всецело самим собою лишь пока он один; кто не любит одиночества – тот не любит свободы, ибо лишь в одиночестве можно быть свободным. Принуждение – это неразлучный спутник любого общества, всегда требующего жертв тем более тяжелых, чем выше данная личность» [Шопенгауэр, 2007: 52].

По словам немецкого мыслителя, одиночество, отстранённость от коллектива способствует раскрытию в человеке заложенных в него качеств – как лучших, так и худших. По его мнению, каждому человеку присуща воля к жизни, которая и обуславливает его индивидуализм и эгоизм [Там же: 52].

Большое влияние на развитие индивидуализма как философской концепции оказал Фридрих Ницше. Часто его учение о сверхчеловеке и проповедь борьбы за абсолютную свободу рассматриваются как утверждение индивидуализма. Однако, как отмечает Андрей Белый в своей статье «Фридрих Ницше», индивидуализм в понимании Ницше существенно отличается от индивидуализма в современном понимании [А. Белый, 1994: с. 177 - 195].

Работы Ницше значительно повлияли на философские и политические процессы XX века, во многом именно он заложил основу так называемой «философии жизни», экзистенциальной философии и философской антропологии.

Стоит отметить, что тема индивидуализма, противостояния личности коллективным интересам в XX веке зазвучала особенно остро. Во многом это было обусловлено технологическим прогрессом, бурным развитием средств массовой информации, которое сделало возможным манипулирование общественным сознанием; возникновением и падением тоталитарных и авторитарных режимов в разных странах; Первой и Второй мировыми войнами и их последствиями; ростом массового производства и формированием общества потребления; развитием демократии в странах Запада. В целом, зародившийся в XX веке коллективизм, а также практический и утилитарный

подход к личности вызывали протест, который мог выражаться в разных формах. В связи с этим, учений и концепций, так или иначе связанных с индивидуализмом, было великое множество.

Среди мыслителей XX века, формулировавших важные для развития индивидуализма идеи, можно выделить Жан-Поля Сартра, Карла Ясперса, Карла Густава Юнга, Анри Бергсона. Так, согласно основоположнику французского экзистенциализма Ж.-П. Сартру, человек сам выбирает свой путь и определяет своё существование и, что также немаловажно, несёт полную ответственность за свой выбор [Краткий философский словарь: 338-340].

Тема индивидуализма и индивидуальности звучит и в работах крупного швейцарского психолога Карла Густава Юнга. Он выделяет архетип Самости, который способствует достижению личной целостности и неповторимости, что рассматривается как конечная и высшая цель развития индивидуальности [К.Г. Юнг. Психологические типы, 1921].

В целом, индивидуализм, став одним из важнейших явлений в философии XX века, оказал существенное влияние практически на все сферы жизни человека, в особенности человека – носителя Западной культуры и идеологии. Развитие индивидуализма тесно связано с развитием либерализма. В этой связи среди представителей либерального течения индивидуализм трактуется, как правило, с позитивной точки зрения и рассматривается как положительное явление, способствующее освобождению и раскрытию личности человека.

Параллельно с этой трактовкой индивидуализма получила развитие и совершенно иная точка зрения. В отличие от либералов, сторонники социализма относятся к индивидуализму достаточно отрицательно. Так, французский философ и политэконом Пьер Леру (1797 – 1871), который ввёл в обиход слово «социализм», противопоставляет «стремление человека к свободе», с одной стороны, и «стремление к общественности», с другой стороны. При этом Леру отмечает, что индивидуализм (который, по его словам,

нередко переходит в эгоизм) и абсолютный социализм (который есть не что иное, как тирания) являются двумя крайностями, которые следует избегать.

Таким образом, мы видим, что понятие «индивидуализм» в западной философии имело довольно долгую, нередко сложную и противоречивую историю. В каждом обществе вопрос о месте и роли индивида и степени его свободы решается по-своему и нередко именно это определяет политическую и социокультурную жизнь той или иной страны, оказывая существенное влияние на менталитет представителей той или иной культуры.

2.2. Формирование концепта «американский индивидуализм» и его особенности.

В данной работе «индивидуализм» рассматривается как сложный культурный концепт, основополагающий для американской картины мира. Столь важная роль индивидуализма в системе ценностей американцев обусловлена рядом факторов исторического, социально-политического, культурного характера. По словам советского и американского социолога В.Э. Шляпентоха, «эта страна [Соединённые Штаты Америки – *авт.*] создана богом в качестве экспериментального полигона в целях изучения социологии функционирования общества в условиях максимального индивидуализма» [Шляпентох, 1992: 101].

Тем не менее, само понятие «индивидуализм» имеет европейские, а не американские корни. Согласно «Американской энциклопедии» (*The Encyclopedia Americana*), концепт «индивидуализм» появился во Франции, после Французской революции конца XVIII века. Слово использовалось социалистами, либералами, а также реакционерами для обозначения крайне отрицательных, с их точки зрения, явлений, вызванных революцией: разрушения старого порядка, иерархии, сосредоточие человека исключительно на собственных интересах в ущерб общественным нуждам [Encyclopedia Americana, 1991: 69].

Как отмечает социолог Стивен Льюкс (Steven Lukes), понятие «индивидуализм» пришло в Соединённые Штаты через работы различных европейских писателей и исследователей, таких как Алексис де Токвиль (Alexis de Tocqueville), Фридрих Даниэль Лист (Friedrich Daniel List), Мишель Шевалье (Michel Chevalier). В своей книге *Individualism* Льюкс отмечает, что изначально слово «индивидуализм» обладало ярко выраженной отрицательной коннотацией [Lukes, 1973: 26].

Более подробно на этом вопросе останавливается израильский автор, профессор американской истории Йегошуа Ариэли (Yehoshua Arieli). В книге *Individualism and Nationalism in American Ideology* (1964) он прослеживает путь развития индивидуализма как важнейшего элемента американской национальной идеологии.

Ариэли утверждает, что изначально термин “individualism” появился во французском языке в среде последователей французского философа и социолога конца XVIII – начала XIX вв. Анри Сен-Симона и использовался в крайне отрицательном значении, обозначая такие общественные реалии того времени, как разрыв преемственности поколений, отсутствие идеалов и веры, социальное расслоение, «бессовестная» конкуренция:

“The term “individualism” was coined by the Saint-Simonians to characterize the condition of men in nineteenth century society – their uprootedness, their lack of ideals and common beliefs, their social fragmentation, and their ruthless competitive and exploitative attitudes which evolved from legitimized anarchy” [Arieli, 1964: 211].

Как мы видим, слово “individualism” используется здесь в окружении таких отрицательно окрашенных слов, как “uprootedness”, “lack”, “ruthless”, “exploitative”. Такое негативное восприятие индивидуализма как явления, по словам Ариэли, было во многом обусловлено неприятием социалистами и консерваторами либерально-демократических убеждений, теории естественного права, свободной торговли, стремления к частной свободе.

Именно в таком виде и с такой крайне отрицательной коннотацией термин «индивидуализм» пришёл в Соединённые Штаты в первой половине XIX века.

Согласно энциклопедии *Americana*, в английском языке слово «индивидуализм» было впервые использовано применительно к эгалитарной (то есть предусматривающей равные права и возможности) модели общественного устройства на примере Соединённых Штатов Америки.

Иегошуа Ариэли, а вслед за ним и Стивен Льюкс отмечают, что уже в 1839 году в одной из статей в сборнике *The United States Magazine and Democratic Review* термин «индивидуализм» приобретает положительную окраску и начинает идентифицироваться с американскими национальными ценностями и идеалами. Само развитие цивилизации рассматривается как эволюция форм индивидуализма. Более того, именно в развитии индивидуальных прав и свобод автор статьи видит особое предназначение и долг Соединённых Штатов:

“The course of civilization is the progress of man from a state of savage individualism to that of an individualism more elevated, moral and refined <...> The peculiar duty of this country has been to exemplify and embody a civilization in which the rights, freedom, and mental and moral growth of individual men should be made the highest end of all social restrictions and laws” [цит. по: Arieli, 1964 op.cit.: 191-192].

В приведённом выше отрывке слово “individualism” употребляется среди слов, обладающих ярко выраженной положительной коннотацией: “elevated”, “moral”, “refined”, “rights”, “freedom”, “growth”, “the highest end”. Это указывает на тот факт, что понятие «индивидуализм» обретало всё более положительные интерпретации по мере того, как развивалась и укреплялась американская национальная идеология. Можно сказать, что такое радикальное изменение окраски слова «индивидуализм» отражает идеологическое отмежевание жителей Нового Света от европейского мировоззрения, ведущее к тому факту,

что американцы стали осознавать себя как нацию со своим собственным мировоззрением и своей картиной мира.

Огромное влияние на развитие индивидуализма в США оказал фундаментальный труд французского историка и политического деятеля Алексиса де Токвиля (Alexis de Tocqueville) «Демократия в Америке» (*Democracy in America*) (1835–1840), английский перевод которой вышел в 1840 году. Эта книга стала знаковой работой, и до сих пор именно на неё в первую очередь ссылаются различные учёные и писатели при обсуждении индивидуализма в Америке.

Генри Рив (Henry Reeve), автор перевода «Демократии в Америке» на английский язык, счёл необходимым обосновать использование в переводе заимствованного слова “individualism”, поскольку ни одно из известных ему английских слов не могло выразить соответствующее понятие:

“I adopt the expression of the original [individualism], however strange it may seem to an English ear, partly because it illustrates the remark on the introduction of general terms into the democratic language...and partly because I know of no English word exactly equivalent to the expression” [цит. по Arieli, 1964: 194].

В первой половине XIX века термин «индивидуализм» не являлся устоявшимся ни в английском, ни во французском языке. Об этом пишет Токвиль. По его словам, само слово “individualism” являлось для его времени совершенно новым, как и само явление, обозначаемое им. Его предшественником и ближайшей по значению лексической единицей являлось слово “égoïsme”, или “selfishness” (эгоизм): “*Individualism* is a novel expression, to which a novel idea has given birth. Our fathers were only acquainted with *égoïsme* (selfishness)” [Tocqueville, 1966: 98].

Исходя из этого, Токвиль сопоставляет понятия “selfishness” и “individualism” и формулирует различие между ними. Автор утверждает, что эгоизм (“selfishness”) является следствием чрезмерной любви человека к себе, он основан на «слепых инстинктах» и, будучи пороком, старым как мир, не

привязан ни к какой общественно-политической системе. Что же касается индивидуализма, он представляет собой выработавшееся, осознанное отношение к миру. Индивидуализм основан не на инстинктах, а на ложных суждениях (“erroneous judgment”) [Там же: 98].

Токвиль определяет индивидуализм как «взвешенное и спокойное чувство, побуждающее гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском кругу. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек перестает тревожиться обо всем обществе в целом» [Токвиль, 1994: 373].

Несмотря на то, что внешне кажется, что индивидуализм сначала лишь «поражает только ростки добродетелей общественного характера», Токвиль считает его гораздо более опасным проявлением человеческой природы, чем эгоизм, поскольку индивидуализм в конечном итоге «поражает и убивает» все общественные блага и сам превращается в эгоизм [Там же: 373].

Противопоставляя новый, демократический строй Соединённых Штатов аристократизму Старого Света, Токвиль выражает резко отрицательное отношение к индивидуализму. По словам Токвиля, если аристократия основана на преемственности традиций и поколений, то демократия эту преемственность разрывает, в результате чего человек предоставляется сам себе, начинает рассчитывать только на самого себя и считать, что его судьба находится только в его руках. Это явление трактуется Токвилем в крайне отрицательном ключе:

“Thus does not only democracy make every man forget his ancestors, but it hides his descendants and separates his contemporaries from him: it throws him back forever upon himself alone and threatens in the end to confine him entirely within the solitude of his own heart” [Tocqueville, 1966: 99].

«Демократия в Америке» вызвала в Соединённых Штатах многочисленные дискуссии и споры. Примечательно, что индивидуализм как важнейший культурный концепт американской картины мира сформировался

во многом через разнообразные критические и публицистические работы, посвящённые труду Алексиса де Токвиля.

Первый комментарий по поводу трактовки Токвилем понятия «индивидуализм» появился в одной из статей в *Boston Quarterly Review* в 1841 году. Автор статьи не столько обобщает взгляды Токвиля, сколько даёт своё толкование термина «индивидуализм», отражающее формирующееся в то время отношение к этому явлению. Индивидуализм описывается как уверенность в себе, полагание исключительно на свои усилия и ресурсы: “that strong confidence in self, or reliance upon one’s own exertion and resources”. По словам автора статьи, индивидуализм – это ещё и сильное стремление человека к собственным достижениям и победам вместо опоры на заслуги и почести предков: “the strife of all our citizens for wealth and distinction of their own, and their contempt of reflected honors” [цит. по Arieli, 1965: 195].

Слова “confidence” (“the belief that you have the ability to do things well or deal with situations successfully” – *LCDE*), “wealth” (“a large amount of money, property etc. that a person or country owns” – *LCDE*), “distinction” (“the quality of being excellent and important” – *LCDE*) имеют положительную эмоционально-экспрессивную окраску. Таким образом, явление, которое изначально рассматривалось как опасное и разрушительное, стало играть, в глазах американцев, положительную роль, ведя, прежде всего, к освобождению человека как в общественной, так и в нравственной сфере.

В этой связи стоит также упомянуть эссе *Aristocratic Opinions of Democracy*, написанное основателем и редактором журнала *The Nation* Эдвином Лоуренсом Годкином (Edwin Lawrence Godkin) в 1865 году. В нём автор приводит гораздо более резкую критику отношения Токвиля к индивидуализму и опровергает его взгляды. Годкин связывает развитие индивидуалистического отношения к миру в Соединённых Штатах с укладом жизни колонистов и с жизнью на Фронтире (“the frontier life”) [Godkin, 1865: 26], с теми трудностями и препятствиями, с которыми сталкивались первые переселенцы и их потомки.

Автор пишет о том, что, находясь на новом, ещё недостаточно хорошо изученном континенте и пытаясь построить на нём общество заново, колонисты вынуждены были полагаться исключительно на свои силы. Они могли добиться материальных благ только за счёт собственных стараний и труда, а не путём получения наследства, как это часто происходило в Старом Свете [Там же: 28]. Это привело к идеологическому обособлению переселенцев от европейцев и к созданию в Соединённых Штатах собственной системы ценностей и взглядов:

“The settler gets into the habit of looking at himself as an individual, of contemplating himself and his career separate and apart from the social organization. We do not say that this breeds selfishness – far from it; it breeds individualism” [Там же: 39].

Если члены такого общества вынуждены упорно трудиться для достижения благополучия и успеха и преодолевать многочисленные сложности, по словам Годкина, результатом этого становится выработка огромной энергии, отваги и уверенности в себе, переходящей порой в тщеславие:

“If the members of such a society are compelled to work hard for the gratification of their desires, to meet and overcome great difficulties and hardships and dangers, the result is naturally the production of great energy, of great audacity, and of a self-confidence that rises into conceit” [Там же: 40]

По словам Стивена Льюкса, к концу Гражданской войны (1865 год) слово «индивидуализм» стало занимать важное место в словаре американской идеологии. Автор подчёркивает, что практически любая критика американского общества и государства в то время последовательно осуществлялась в пользу расширения прав и свобод индивида и поощрения инициативы с его стороны [Lukes, 1973: 28].

Джон Уильям Дрейпер (John William Draper), знаменитый американский учёный, философ и историк XIX века, незадолго после окончания Гражданской

войны и победы Севера отметил успехи новой общественной системы, тесно связывая их с идеологией индивидуализма:

“This wonderful spectacle of social development was the result of INDIVIDUALISM; operating in an unbounded theatre of action. Everyone was seeking to do all that he could do for himself” [Draper, 1870: 207-208].

Американский поэт и публицист Уолт Уитмен (Walt Whitman) также приветствовал демократическую систему победившего Севера, воплощающую, по его словам, прогрессивную силу современной истории, в рамках которой стало возможным сочетание личной свободы человека с социальной ответственностью. Основу демократического строя Уитмен связывает с идеей индивидуализма, который он определяет как “the singleness of man” [Whitman, 1871: 207].

С лингвистической точки зрения, вышеперечисленные работы отражают кардинальное изменение коннотации, заложенной в слове “individualism”: ингерентная отрицательная коннотация в языке-источнике превратилась в адгерентную положительную коннотацию в американском варианте английского языка.

По мере развития американского общества понятие «индивидуализм» всё прочнее укреплялось в словарном составе американского варианта английского языка, развивалось, усложнялось, обретало новые оттенки значений и интерпретации под последовательным влиянием различных философских, социально-политических и культурных явлений, таких как новоанглийский пуританизм, джефферсоновская демократия, философия естественного права, унитаризм, трансцендентализм, евангеликанизм, необходимость Севера выработать собственную идеологию и противопоставить её идеологии южан, социологические идеи Герберта Спенсера, социальный дарвинизм, а также возрастающая самоидентификация американцев как нации и связанное с этим противопоставление себя европейцам [Lukes, 1973: 28].

Т.Ю. Ма в диссертации «Национальное сознание в контексте языка и культуры», ссылаясь на различные публицистические работы конца XIX века, говорит о становлении в это время новых общественных ориентиров: «Individualism, Private Property, the Law of Accumulation of Wealth, the Law of Competition» [Ма, 2001: 142]. По словам автора, индивидуализм стал широко восприниматься как один из важнейших принципов американского общества:

«Индивидуалистический идеал приобрёл самодовлеющую значимость и его стали рассматривать как один из важнейших элементов системы ценностей и принципов функционирования общества, основу прогресса и дальнейшего развития американской цивилизации» [Там же: 142].

В своей докторской диссертации Т.Ю. Ма перечисляет следующие основные черты американского характера: индивидуализм, свободолюбие, оптимизм, прагматизм, уверенность в собственных силах, устремлённость в будущее [Ма, 2012: 23].

Уже в XX веке важную роль в формировании понятия «американский индивидуализм» как основополагающего культурного концепта сыграла фигура 31-го президента Соединённых Штатов Америки (1929 – 1933), республиканца Герберта Кларка Гувера. Управляя страной в крайне тяжёлое время начала Великой депрессии, Гувер провозгласил концепцию «твёрдого индивидуализма» (“rugged individualism”) как основу американского образа жизни и американского национального характера. С точки зрения экономического развития, это фактически означало отказ государства от вмешательства в коммерческую деятельность, а также отказ от какой-либо значительной социальной поддержки населения. Гувер высказывал опасения, что широкие правительственные программы по борьбе с бедностью и безработицей могут привести к утере американцами таких важных черт национального характера, как инициативность и предприимчивость (“the individual initiative and enterprise”):

“We were challenged with a peace-time choice between the American system

of *rugged individualism* and a European philosophy of diametrically opposed doctrines – doctrines of paternalism and state socialism. The acceptance of these ideas would have meant the destruction of self-government through centralization of government. It would have meant the undermining of *the individual initiative and enterprise* through which our people have grown to unparalleled greatness” [Hoover: <http://millercenter.org/president/speeches/detail/6000>].

В своей книге «Американский индивидуализм» (*American Individualism*, 1922) Гувер рассматривает индивидуализм как важнейшую, фундаментальную составляющую американского национального характера. По словам автора, устройство американской общественно-политической и экономической системы основано на идеях индивидуализма, достижений конкретного индивида. При этом автор предупреждает о том, что чрезмерный индивидуализм может перейти в эгоизм и привести к доминированию более сильного, тирании, социальной несправедливости. Уравновешивающим компонентом здесь является понятие *равенства возможностей* (“an equality of opportunity”): каждый член общества должен иметь равные права и равные возможности для реализации своих целей через личную инициативу, предприимчивость, конкуренцию с другими. В этом Гувер видит ключевую особенность американского индивидуализма:

“If we would have the values of individualism, their stimulation to initiative, to the development of hand and intellect, to the high development of thought and spirituality, they must be tempered with that firm and fixed ideal of American individualism – *an equality of opportunity*” [Hoover, 1922: 8-9].

Поясняя философские основы американского индивидуализма, Гувер говорит о том, что согласно данной концепции, в человеке заложено божественное начало, *искра божья* (“the divine spark”), которая позволяет ему развивать свои таланты и способности, принося пользу как себе, так и обществу:

“...it [individualism] alone admits the universal divine inspiration of every human soul. I may repeat that the divine spark does not lie in agreements, in organizations, in institutions, in masses or in groups” [Там же: 26].

Рассуждая о чрезвычайной культурной значимости индивидуализма в системе ценностей американцев, Уолтер Фрайр Декстер (Walter Friar Dexter), автор книги *Herbert Hoover and American Individualism*, говорит об индивидуализме как образе жизни американцев и основе демократического строя. Он приводит следующие слова 31-го президента США:

«American Individualism is not a form of government; it is a way of life. It involves every physical and mental activity of a people who are concerned with the development of a liberal political philosophy. It is not a tool of government. It is a spiritual principle upon which the government rests. “Democracy”, says President Hoover, “arises out of individualism and prospers through it alone” [Dexter, 1932: 115].

Концепция «твёрдого индивидуализма», наиболее чётко сформулированная в предвыборной речи Гувера от 22 октября 1928 года (*Principles and Ideals of the United States Government*), в целом вписывалась в условия американской жизни того времени. В течение 1920-х годов в стране наблюдался небывалый экономический подъём. Данный фактор, а также свободная, неконтролируемая торговля привели к росту благосостояния значительной части общества (но также усилили разрыв между богатыми и бедными). Во многом экономические успехи этого периода связывались с деятельностью республиканской партии и с фигурой успешного бизнесмена и видного политического деятеля Герберта Кларка Гувера.

В своей речи от 22 октября 1928 года Гувер противопоставляет «твёрдый индивидуализм» патерналистской европейской политике, которая, напротив, в то время ставила во главу угла социальную опеку со стороны правительства.

Представление об индивидуализме и отношение к нему не оставались статичными по мере развития американского общества, появления новых тенденций в разных областях жизни страны. В социологическом эссе Ирен Т. Томсон (Irene T. Thomson) *Individualism and Conformity in the 1950s vs. the 1980s* даётся краткий обзор этапов эволюции понятия «индивидуализм» в США в 30-х – 80-х годах XX века.

Автор отмечает чередование периодов индивидуализма и периодов коллективистских, порой конформистских настроений. По словам автора, если 1920-е годы отличались сугубо индивидуалистическими настроениями, то в 1930-х на смену им пришло преобладание групповых ценностей.

Во многом это было вызвано трудностями социально-экономического кризиса 1929 – 1933 гг., а также избранием в 1932 году Франклина Делано Рузвельта на пост президента Соединённых Штатов Америки и провозглашением политики «нового курса» (англ. *the New Deal*), которая включала в себя ряд мер, направленных на выведение страны из «Великой депрессии». В частности, в рамках «нового курса» реализовывались широкомасштабные программы помощи государства безработным и социально незащищённым гражданам. Противники Рузвельта считали, что такая политика идёт вразрез с интересами бизнеса и нарушает принципы свободного предпринимательства, а самого президента обвиняли чуть ли в симпатиях к идеям социализма⁴.

Томсон отмечает, что героем десятилетия стал носитель коллективных добродетелей (“the bearer of specific group virtues”). Как показательный пример она приводит крайне популярную в то время книгу Д. Карнеги под названием “How to Win Friends and Influence People” (1939). В основе книги лежал тезис о

⁴ См. Leuchtenburg, W.E. Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932-1940. - Harper & Row, 1963, 393 p.; McElvaine, R. S. The Great Depression: America, 1929-1941. - Three Rivers Press, 1993, 402 p.; Яковлева Н.Н. Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение. – М.: Междунар. Отношения, 1981, 416 с.; Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии: Историко-документальные очерки. - М.: Мысль, 1988, 348 с. И др.

том, что для достижения успеха необходимо быть популярным и любимым всеми (“well-liked”) в той или иной группе людей.

Эта идея развивалась и, по мере роста массового производства и массового потребления, привела к тому, что основной характеристикой 1950-х годов стал, по словам Ирен Т. Томсон, конформизм (conformity). В *The Longman Dictionary of Contemporary English* конформизм (conformity) определяется как тип поведения, который основан на подчинении правилам, устанавливаемым обществом или группой людей, на следовании примеру большинства (“behaviour that obeys the accepted rules of society or a group, and is the same as that of most other people” – *LDCE*).

Об этой тенденции говорит и Эрик Ф. Голдмэн (Eric F. Goldman) в книге *The Crucial Decade. America, 1945 – 1955* (1956). По словам автора, 1950-е прошли под знаком активного развития и распространения различных организаций и объединений: профсоюзов, корпораций, местных сообществ. В этих условиях люди не столько стремились к личной свободе, сколько старались примкнуть к наиболее удобному и материально выгодному сообществу [Goldman, 1956: 264].

1960-е Ирен Т. Томсон определяет как время «бунтарского индивидуализма» (“rebellious individualism”). В немалой степени это было обусловлено расцветом субкультур, рок-н-ролла, ростом антивоенных настроений. Отчасти эти явления стали реакцией на политику маккартизма (McCarthyism), проводившуюся с переменным успехом в течение предыдущего десятилетия и ставшую широко известной как «охота на ведьм». Сопутствующие этому подавление любого инакомыслия, расширение полномочий контролирующих ведомств и усиление контроля над средствами массовой информации подрывали основы индивидуализма как мировоззренческого принципа, традиционно считающегося основным для американцев. Представляется вполне закономерным, что деятели культуры и

искусства, в том числе литературы, выражали свой протест против этих тенденций.

1970-е определяются в эссе И. Томсон как эпоха нарциссического индивидуализма (“narcissistic individualism”). 1980-е, по словам автора, стали противоречивой смесью индивидуализма и конформизма (“...images of the 1980s contain an ambiguous mixture of individualism and conformity”) [Thomson, 1992: 497].

Начиная с середины XX века исследователи, принадлежащие к разным сферам гуманитарного знания, стали всё больше говорить о глубоких противоречиях, связанных с концептом «американский индивидуализм» в его современном виде.

К примеру, социолог Филипп Слейтер в книге *The Pursuit of Loneliness* (1970) говорит о том, что, наряду с другими факторами, индивидуалистский взгляд на мир изолирует американцев не только от внешнего мира и общества в целом, но и от собственных семей, и поэтому может привести к распаду общества:

“Technological change, mobility, and the individualistic ethos combine to rupture the bonds that tie each individual to a family, community, a kinship network, a geographical location – bonds that give him a comfortable sense of himself” [Slater, 1970: 7].

Похожую идею выразил двадцать пять лет спустя политолог Уильям Хадсон (William Hudson). В книге *American Democracy in Peril* он перечисляет восемь факторов, которые могут представлять угрозу будущему демократии в Соединённых Штатах Америки. Одним из этих факторов, по словам Хадсона, является радикальный индивидуализм (“radical individualism”). Ссылаясь на Алексиса де Токвиля и других авторов, Хадсон утверждает, что американцы склонны отгораживаться от общества, отдавать приоритет своим личным интересам, забывая таким образом о своих общественных обязанностях и о положительных сторонах совместных усилий [Hudson, 2009: 76-102].

Некоторые современные исследователи (Barry Alan Shane, Claude S. Fischer и др.) говорят об определенном «кризисе» индивидуализма в Соединенных Штатах Америки.

К примеру, Клод С. Фишер пишет о том, что несмотря на то, что американцы считают себя наиболее свободной, индивидуалистической и демократической нацией, в реальности, американцы проявляют индивидуализм в гораздо меньшей степени, чем остальные нации: “there is considerable evidence that Americans are *not* more individualistic – in fact, are *less* individualistic – than other peoples.”

Однако, что представляет наибольшую важность для данного исследования, на всех этапах американской истории концепт «индивидуализм» являлся и до сих пор является одним из ключевых моментов в определении и описании американского национального характера и американской картины мира.

Дискуссии об индивидуализме и его месте в системе ценностей американца во многом способствовали сплочению общества, формированию национальной идеологии, осознанию американцами себя как уникальной нации, обладающей уникальными возможностями и образом жизни. Несмотря на то, что как термин “individualism”, так и обозначаемое им явление имели неамериканское происхождение, формирование концепта «индивидуализм» в его американской версии стало как бы символом национальной самоидентификации.

Одновременно причиной и следствием этого стала замена изначально отрицательной коннотации слова “individualism” в языке-источнике на положительную. Рассуждая о столь резкой смене эмоционально-экспрессивной окраски слова и её историко-культурном значении, Иегошуа Ариэли (Iehoshua Arieli) резюмирует это следующим образом:

“The term, which in the Old World was almost synonymous with selfishness, social anarchy, and individual self-assertion, connoted in America self-determination, moral freedom, the rule of liberty, and the dignity of a man” [Arieli, 1964: 193].

Пытаясь объяснить с исторической точки зрения важность индивидуализма в американской картине мира, некоторые исследователи выделяют американский фронтир (Frontier) и связанные с ним условия жизни в качестве одного из ключевых факторов, способствовавших формированию индивидуализма как важнейшей составляющей американской национальной идеи. Под фронтиром принято понимать зону освоения Дикого Запада, расположенную в западной части материка. Эта территория постоянно расширялась по мере того, как осваивались новые земли. Поселенцы вынуждены были преодолевать значительные трудности, связанные с природными условиями, конфликтами с коренным населением, отсутствием комфорта и удобств. Как отмечает Н. Ю. Замятина в статье «Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах», благодаря этим факторам, фронтир стал «местом совершения подвигов национальных героев», а зачастую и олицетворением Америки и американского национального характера [Замятина Н.Ю. Образ фронта в США и России: эл. ресурс].

Фредерик Джексон Тёрнер (Frederick Jackson Turner), американский историк конца XIX – начала XX веков сформулировал так называемую теорию границы, или теорию фронта (Frontier Thesis), которая получила широкое признание в американской историографии. Согласно данной теории, именно опыт Фронта определил формирование и развитие американского национального характера, ценностей, мировоззрения, устоев. В суровых условиях Дикого Запада человек вынужден был полагаться исключительно на свои силы, проявлять мужество, энергичность, смекалку, выносливость, силу, а не рассчитывать на какие бы то ни было общественные учреждения или организации. Формирование в таких обстоятельствах индивидуализма как

мировоззренческого принципа представляется вполне естественным и закономерным:

«That coarseness and strength combined with acuteness and inquisitiveness; that practical, inventive turn of mind, quick to find expedients; that masterful grasp of material things, lacking in the artistic but powerful to effect great ends; that restless nervous energy; that dominant individualism, working for good and for evil, and withal that buoyancy and exuberance which comes with freedom – these are the traits of the frontier, or traits called out elsewhere because of the existence of the frontier» [Turner. The Significance of the Frontier in American History: эл. ресурс].

В данном отрывке словосочетание “dominant individualism” используется в рамках перечисления типичных черт характера, ассоциирующихся с Фронтиром.

Черил и Стивен Бенц (Cheryl and Stephen Benz), авторы пособия *Impressions. America through Academic Readings*, пишут о том, что одним из проявлений американского индивидуализма стало недоверие к власти. По мнению авторов, это могло быть вызвано тем, что, оказавшись в суровых условиях новой территории, которую необходимо было осваивать, люди как бы выпадали из политической или социальной системы. В этих обстоятельствах человек вынужден был полагаться исключительно на свои силы: “Organized government was far away. As a result, people had to survive on their own. In such an environment, self-reliance and individualism became important” [Benz, Benz, 2007: 13].

В эпилоге к своей книге *Individualism and Nationalism in American Ideology* Иегошуа Ариэли приходит к заключению, что именно концепт «индивидуализм» послужил цементирующей силой для американского общества и определил общественно-политический и культурный курс его развития:

“Individualism supplied the nation with a rationalization of its characteristic attitudes, behavior patterns and aspirations. It endowed the past, the present and the

future with the perspective of unity and progress. It explained the peculiar social and political organization of the nation – unity in spite of heterogeneity – and it pointed toward an ideal of social organization in harmony with American experience” [Arieli, 1964: 345-346].

2.3. Лингвокогнитивные особенности концепта «индивидуализм» в современном английском языке (на материале словарей и справочно-энциклопедической литературы).

Базовый признак понятия «индивидуализм» можно сформулировать следующим образом: признание приоритета интересов и потребностей отдельной личности над интересами и потребностями того или иного коллектива, а также утверждение ценности свободы личности в обществе. Этот компонент и объединяет определения понятия «индивидуализм» (individualism), встречающиеся в различных источниках.

Как уже было сказано выше, термин «индивидуализм» пришёл в словарный состав американского варианта английского языка во многом благодаря переводу книги французского писателя и политического деятеля Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» на английский язык. Токвиль вкладывает в понятие «индивидуализм» крайне негативные ассоциации. Сопоставляя индивидуализм и эгоизм, он заключает, что индивидуализм представляет для общества гораздо большую опасность, поскольку он способен уничтожить все общественные блага. Эти ингерентные отрицательные коннотации отразились в словарных дефинициях слова «индивидуализм».

Так, в частности, в изданиях 1864, 1879 и 1884 годов словаря *American Dictionary of the English Language* Ноа Уэбстера (Noah Webster) слово “individualism” определяется как “an excessive or exclusive regard to one’s personal interest; self-interest; selfishness”. Здесь понятия “individualism” и “selfishness” фактически уравниваются между собой, даются как синонимы.

В словаре *The American Dictionary of the English Language* под редакцией Дэниэла Лайонса (1910 год) представлена следующая дефиниция слова “individualism”: “the state of regard to individual interests instead of those of society at large”. Здесь индивидуализм определяется через чёткое противопоставление личных интересов интересам общества в целом. По эмоционально-экспрессивной оценке данное определение можно назвать нейтральным, не выражающим каких-либо отрицательных ассоциаций, связанных с данным понятием.

Что касается определений слова “individualism”, представленных в более или менее современных словарях и энциклопедиях, можно выделить три тенденции в трактовке данного понятия: 1) индивидуализм как приоритет собственных интересов, эгоизм; 2) индивидуализм как признание права личности на свободу выбора; 3) индивидуализм как противопоставление личности обществу, власти, интересам государства. Зачастую в рамках одной и той же словарной статьи могут отражаться все три вышеперечисленные тенденции.

К примеру, в *The Longman Dictionary of Contemporary English* приводятся два определения данного слова: 1) система взглядов, согласно которой права и свобода индивида играют наиболее важную роль в обществе (“the belief that the rights and freedom of individual people are the most important rights in a society”); 2) поведение или отношение, при котором человек совершает поступки, не опираясь на мнения других людей (“the behaviour or attitude of someone who does things in their own way without being influenced by other people”). В данных определениях разграничиваются социально-политический и личностно-прагматический аспекты понятия «индивидуализм».

В словаре *The American Heritage Dictionary of the English Language* (1973 год) индивидуализм понимается как превосходство личных интересов индивида над интересами государства: “the doctrine that the interests of the individual take precedence over those of the state”.

В определении, приведённом в *The Longman Dictionary of English Language and Culture*, «индивидуализм» рассматривается как определённый тип мировоззрения, являющийся основным для стран Запада, особенно США: “the idea that the rights and freedom of the individual are the most important rights in a society, a central belief in most western countries, especially the US”.

В *The Oxford English Reference Dictionary* даётся три определения слова «индивидуализм». В первых двух индивидуализм тесно ассоциируется с такими качествами, как независимость (“being independent”) и уверенность в себе, склонность полагаться только на собственные силы (“self-reliance”):

“Individualism – 1. The habit or principle of being independent and self-reliant. 2. A social theory favouring the free action of individuals”.

Прилагательные “independent” и “self-reliant” традиционно воспринимаются американцами как положительные качества и входят в состав фундаментальных американских ценностей. Об этом говорится в работах многих как отечественных, так и зарубежных авторов (Л.Л. Баранова, Т.Ю. Ма, Н.Ю. Замятина, Steve Lukes, Yehoshua Arieli, Frederick Jackson Turner, Ralph Barton Perry, и др.)

Третье определение слова «индивидуализм» отражает отрицательные коннотации, которые могут быть заложены в данном понятии: “Self-centered feeling or conduct, egoism”. Слова “self-centered” (“paying so much attention to yourself that you do not notice what is happening to other people” – *LDCE*) и “egoism” (“the belief that you are much better or more important than other people” – *LDCE*) обозначают отрицательный аспект понятия «индивидуализм», связанный с концентрацией индивида исключительно на себе и своих целях и его мнимым превосходством над другими.

Стоит отметить, что *The Oxford English Reference Dictionary* не является единственным современным словарём, в котором индивидуализм, прежде всего, фактически отождествляется с эгоизмом и поэтому само слово обладает отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской.

Так, к примеру, в *Collins English Dictionary* в статье, посвящённой слову “individualism”, приведены четыре дефиниции. Примечательно, что на первое место вынесено следующее определение: “The action or principle of asserting one’s independence and individuality; egoism”. Как и в предыдущем примере, слова “individualism” и “egoism” являются здесь синонимами.

Ещё один пример негативно окрашенного определения слова «индивидуализм» можно увидеть в *Cambridge International Dictionary of English*: “the idea that freedom of thought and action for each person is the most important quality of a society, rather than shared effort and responsibility”. Свобода мысли и действий (“freedom of thought and action”) противопоставляется здесь коллективным усилиям (“shared effort”) и ответственности (“responsibility”) с помощью оборота “rather than”.

В ряде словарей определения слова “individualism” выражают идею противостояния отдельной личности контролю со стороны власти. К примеру, в *Oxford Advanced Learner’s Dictionary* (2000) приводится следующее толкование данного слова: “the belief that individual people in society should have the right to make their own decisions, etc., rather than be controlled by the government”. В данной дефиниции снова используется противительный оборот “rather than” для обозначения контраста. Право личности на принятие собственных решений (“the right to make their own decisions”) противопоставлено правительственному контролю (“be controlled by the government”). Интересно, что при этом личность противопоставляется не обществу, а именно правительству. Само слово «общество» (“society”) употребляется в первой части сложносочинённого предложения и образует словосочетание со словом “individual” (“individual people in society”).

В отличие от *Oxford Advanced Learner’s Dictionary*, в *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* (2008) свобода индивида прямо противопоставляется не только правительству или власти, но и нуждам общества в целом: “The belief that the freedom of individual people is more

important than the needs of society or the government”. Антитеза выражена здесь через сравнительную степень сравнения прилагательного “important”. Примечательно, что во втором определении из словарной статьи “individualism” данное понятие рассматривается как поведение, близкое к эгоизму, когда индивид не учитывает интересы окружающих: “The behavior of someone who does things in their own way without worrying about what other people think or do”.

Энциклопедия *Britannica* приводит довольно полную и в целом положительно окрашенную трактовку понятия «индивидуализм», согласно которой под данным словом следует понимать политическую и социальную систему взглядов, которая ставит на первое место свободу индивида и придаёт особое значение самостоятельности, самодостаточности и относительной свободы человека. При этом считается, что интересы среднего взрослого человека наилучшим образом реализуются в условиях максимальной свободы в сочетании с ответственностью за выбор целей и средств для их достижения. Таким образом, в основные ценности индивидуалистического сознания входят полагание на собственные силы, право на личное пространство и уважение к другим индивидам. В своей отрицательной форме индивидуализм подразумевает противостояние власти и любым формам контроля над индивидом, особенно тем, которые исходят со стороны государства:

“...political and social philosophy that places high value on the freedom of the individual and generally stresses the self-directed, self-contained, and comparatively unrestrained individual or ego. <...> The individualistic theory of human nature holds that the interests of the normal adult are best served by allowing him maximum freedom and responsibility for choosing his objectives and the means for obtaining them, and acting accordingly.<...> As a general attitude, then, individualism embraces a high valuation on self-reliance, on privacy, and on respect for other individuals. Negatively, it embodies opposition to authority and to all manners of control over the individual, especially when they are exercised by the state”.

Слова “self-directed” (“responsible for judging and organizing your own work, rather than getting instructions from other people” – *LDCE*) и “self-contained” (“complete and not needing other things or help from somewhere else to work” – *LDCE*) несут положительную эмоциональную окраску и имеют общее значение, которое можно обозначить как «самостоятельность, полагание на собственные силы». Примечательно, что в данном определении личная свобода не противоречит ответственности, а сочетается с ней, что подчёркивается с помощью соединительного союза “and” (“maximum freedom and responsibility”).

Хотя в приведённом выше определении упоминаются возможные негативные стороны индивидуалистического мировоззрения, оно рассматривается вкупе с основополагающими либерально-демократическими ценностями и выступает как в целом положительное явление общественно-политической жизни.

В энциклопедии *Americana* (1961) приводится следующее определение слова “individualism”: “a regard for and emphasis of the individual. In the field of ethics, those doctrines which dwell upon individual welfare and are based upon the dictates of individual feeling”. Согласно данной дефиниции, понятие «индивидуализм» базируется на идее индивидуального благосостояния (“individual welfare”). Стоит отметить, что слово “welfare” имеет в английском языке исключительно положительные коннотации и определяется как синоним слов «счастье» и «успех»: “1. Someone’s welfare is their health and happiness; 2. Help that is provided for people who have personal or social problems”. (*LDCE*); “The health and happiness of people, wellbeing” (*Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*).

В новом издании энциклопедии (1991) даётся ещё более подробный анализ значения слова «индивидуализм». Помимо важных исторических сведений, касающихся эволюции данного понятия, в статье “individualism” говорится о двух способах определения значения этого слова. Первое (“ideal definition”) представляет собой наиболее общее определение индивидуализма

как доктрины, которая ставит потребности индивида на первое место, а общество рассматривает как всего лишь средство для удовлетворения нужд личности (“The first procedure defines individualism as a doctrine that asserts the supreme value of the individual and sees society as only a means to the satisfaction of individual ends”). В этом смысле понятие “individualism” резко противостоит понятию “collectivism”.

Что же касается второго способа толкования термина «индивидуализм» (“historical meanings”), он предусматривает попытку сформулировать определение данного слова с учётом разнообразных факторов исторического характера. Согласно энциклопедии *Americana*, с развитием и усложнением общественных учреждений и институтов и, соответственно, ростом зависимости людей друг от друга изменилось и понимание сущности индивидуализма: под этим словом стали подразумевать уже не свободу от общественных ограничений, а самореализацию индивида через участие в общественных делах: “...individualism as the realization of self through participation in society. Freedom of the individual became freedom to do what was good for society” [The Encyclopedia Americana, 1991]. Согласно данной точке зрения, «индивидуализм» и «коллективизм» уже не являются диаметрально противоположными понятиями.

В новом полном издании словаря *Webster’s Third New International Dictionary of the English Language* (Vol. II) также приводятся несколько определений слова “individualism” с учётом разных точек зрения на обозначаемое им явление. Согласно составителям словаря, “individualism” – это, прежде всего, приоритет личных интересов над всеми остальными, этический эгоизм: “the ethical doctrine or principle that the interests of the individual himself are or ought to be paramount in determination of conduct, ethical egoism”. Помимо этого, под индивидуализмом может пониматься концепция, что личность, индивид является источником и мерилем всех ценностей, прав и обязанностей: “the conception that all values, rights, and duties originate in

individuals and that the community or social whole has no value or ethical significance not derived from its constituent individuals”.

По словам составителей, индивидуализм также можно рассматривать как некую теорию, согласно которой права личности, особенно те, которые связаны с экономическими и политическими свободами, являются приоритетом в обществе: “a theory or policy having primary regard for individual rights and especially maintaining the political and economic independence of the individual or maintaining the independence of the individual initiative, action, and interest (as in industrial organization or in government)”.

Наконец, в словаре приводится и определение термина «индивидуализм», содержащее отрицательные коннотации и приравнивающее индивидуализм к социальной безответственности и эгоизму: “any vigorous and independent striving toward an individual goal or any markedly independent assertion of individual opinions especially without regards for others or in defiance with of an institution or larger authority”.

Данная дефиниция содержит эмоционально-экспрессивно окрашенное словосочетание “rigorous striving” (“rigorous”: “very severe or strict; striving: making a great effort to achieve something” – *LCDE*)

Таким образом, в словарно-энциклопедической литературе в полной мере отражается противоречивость и неоднозначность понятия «индивидуализм», различные аспекты его значения, а также его способность обладать как положительными, так и отрицательными коннотациями.

2.4. Лингвокогнитивные особенности концепта

«американский индивидуализм»

(на материале романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»).

В данном разделе рассматриваются лингвокогнитивные особенности концепта «американский индивидуализм» на основе анализа текста

произведения художественной литературы – романа Кена Кизи (Ken Kesey) «Пролетая над гнездом кукушки» (*One Flew over the Cuckoo's Nest*).

Представляется, что анализ текста произведения будет неполным без краткого изложения экстралингвистических факторов, связанных с романом: социокультурных, политических, мировоззренческих особенностей периода 1950 – 1960-х годов.

Роман «Пролетая над гнездом кукушки» вышел в свет в 1962 году и вскоре стал не только культовой книгой 60-х, но и книгой-манифестом, зеркалом жизни целого поколения американцев. В романе отразились важные противоречия, социальные и культурные особенности современной автору эпохи: рост протестного движения среди представителей молодёжи, вызванного американской военной агрессией в Юго-Восточной Азии; «молодёжная революция» 1960-х и связанное с этим зарождение и расцвет контркультурных течений (в частности, движений битников и хиппи). Помимо этого, стремительный научно-технический прогресс, всевозрастающее массовое производство и потребление вызывали ощущение деперсонализации и дегуманизации общества.

Эти явления породили в западном обществе острый мировоззренческий и культурный кризис, реакцией на который стало отрицание традиционных культурных ценностей, поиск новых идеалов и эстетических форм, бунт против норм протестантской этики, всплеск нонконформизма. Прежним идеалам материального благополучия и успеха противопоставлялись безграничная свобода и естественность личности, способность индивида жить, не оглядываясь на общественные нормы, правила и общепринятую мораль. Понятие нормы стало считаться чем-то посредственным и безликим, в то время как ценность отдельной личности в глазах представителей «разбитого поколения», наоборот, возрастала. Безусловно, это отразилось и в литературе того поколения, которая воспевала простую и естественную жизнь американских бродяг, отбросивших общепринятые ценности и нормы

поведения (наиболее ярко эта тенденция проявилась в произведениях Джека Керуака, Аллена Гинзберга, Уильяма С. Берроуза и др.).

Считается, что впервые термин «контркультура» (*counter-culture*) был использован в программной работе Теодора Розака (Theodore Roszak) *The Making of a Counter Culture. Reflections of the Technocratic Society and Its Youthful Opposition* (1968). Само слово «контркультура» подразумевает протест, противопоставление (англ. *counterculture*, приставка *counter-* соответствует в русском языке префиксам «контр-», «противо-»). В названии работы Розака указывается на один из главных идеологических и культурных конфликтов того времени: противостояние технократическому обществу. Этот конфликт толкал представителей молодого поколения на поиск способов утверждения ценности и уникальности отдельной личности. Поиск выражался через разнообразные формы: увлечение восточными духовными практиками (в частности, дзен-буддизмом), попытку преодолеть границы сознания (отсюда следует массовое увлечение психоделическими наркотическими веществами), повышенный интерес к темам, связанным с сексуальностью человека (принято считать, что в 1960-е на Западе произошла «сексуальная революция», оказавшая сильное влияние на общественную и культурную жизнь того времени), внимание к проблемам национальных меньшинств и национальной самоидентификации.

Говоря о контркультурных течениях, стоит упомянуть, прежде всего, движение битничества, или «разбитого поколения» (*Beat movement*), которое просуществовало с конца 1940-х до начала 1960-х гг. и во многом сформировало последующие молодёжные протестные движения, такие как «чёрные пантеры», хиппи, яппи.

Лидерами «разбитого поколения» считают писателя Джека Керуака (Jack Kerouac, 1922 – 1969), поэтов Аллена Гинзберга (Allen Ginsberg, 1926-1997) и Уильяма Берроуза (William S. Burroughs, 1914 – 1997). Как отмечает О.Ю. Бондаренко в диссертации «Антиномия «мудрость – безумие» в контркультуре США 1950-1960-х гг.», движение битников во многом появилось как реакция

на период 1950-х годов с присущими ему конформистскими настроениями (поколение 1950-х годов вошло в историю как 'silent generation'), распространявшейся философией потребительства, вызванными политикой маккартизма идеологическими преследованиями и цензурой, расовой сегрегацией, набиравшей силу холодной войной и угрозой применения ядерного оружия. В связи с этим появляется характерный для того поколения образ «героя-бродяги, индивидуалиста, бунтаря, нигилиста, бегущего от общества и странствующего в поисках свободной Америки» [Бондаренко, 2009: 4]. Мотив бродяжничества становится сквозным и зачастую сюжетообразующим элементом в литературе того времени.

В 1960-х годах протестные антивоенные настроения и массовые студенческие волнения породили коммуны хиппи, которые, как и битники, стремились к неограниченной свободе личности. Бурное развитие фармацевтической промышленности в этот период привело к широкому распространению психоделических веществ, изменяющих сознание (это явление часто обозначается как «психоделическая революция»). В этой связи в разных областях искусства проснулся бурный интерес к изучению человеческого «я», попыткам преодолеть границы сознания.

Ещё одним стимулом для культурных и мировоззренческих поисков того периода стало развитие психологии и психиатрии. Темы безумия, абсурдности бытия, соотношения рационального и иррационального обретали всё большую популярность не только среди профессиональных психологов и психиатров, но и в творческой среде.

Многочисленные трагические события XX века поставили под сомнения достижения западного рационализма и природу научного знания. В противовес этому на первый план вышло иррациональное, бессознательное начало как некая точка опоры в противостоянии личности технократическому и обезличивающему обществу. Одним из следствий этого явилась критика методов официальной психиатрии. В начале 1960-х эта критика вылилась в так

называемое движение антипсихиатрии, в рамках которого психиатрия считалась формой насилия и подавления личности. Немалый вклад в разработку этой теории внёс французский исследователь Мишель Фуко. В своей программной работе «Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху» (1961) он прослеживает развитие институциональной психиатрии и говорит о том, что после исчезновения проказы именно безумие стало одним из средств сегрегации общества [Фуко, 1961: 25-28]. Движение антипсихиатрии оказало существенное влияние на мировоззрение представителей контркультурных течений.

Тема соотношения рационального и иррационального в современном обществе была выражена во многих программных философских и социологических работах того периода (Хоркхаймер М. и Адорно Т. «Диалектика Просвещения» (1947), Маркузе Г. «Одномерный человек» (1947), «Эрос и цивилизация» (1955), Фромм Э. «Здоровое общество» (1955) и др.)

Как отмечает О.Ю. Бондаренко, американские контркультурные течения во многом продолжали традиции так называемого «карнавального безумия», когда безумие (или мнимое безумие) героя-бунтаря становится формой утверждения истинных ценностей на фоне охваченного ложными идеалами «безумного мира», который воспринимается большинством как норма [Бондаренко, 2009: 7].

Помимо этого, автор говорит о том, что тема безумия в произведениях американской литературы имеет глубокие корни, среди которых особенно выделяются античные и библейские истоки антиномии «мудрость – безумие». О. Ю. Бондаренко отмечает также, что традиция «пленяющего юродства» является весьма характерной для американской литературной традиции: «Для американского генетического контекста антиномии, несомненно, важны фольклорные корни образа мудрого безумца» [Бондаренко, 2009: 74].

Ещё одной важной темой «разбитого поколения», а вслед за ним и поколения хиппи стал вопрос национально-этнической идентичности. Бунтуя

против расовой сегрегации, характерной для 1950-х годов, представители молодого поколения проявляли интерес к проблемам национальных меньшинств, в частности, афроамериканской и коренной (индейской) части населения Соединённых Штатов.

Особенно бурно развивался в указанный период интерес к индейской культуре. Это выразилось, главным образом, в работах социологов, культурологов, произведениях художественной литературы⁵. Представители «бунтующего поколения» видели в индейцах и индейской культуре ещё одну точку опоры в противостоянии устаревшим и ложным догмам традиционной культуры и технократическому обществу. Джек Керуак в романе «На дороге» (*On the Road*, 1951) отмечает: «земля принадлежит индейцам» (“the Earth is an Indian thing”).

Таким образом, героем-протагонистом 1950-1960-х годов становится по тем или иным причинам оказавшийся за пределами «нормального» общества бунтарь и индивидуалист, бросающий вызов ложным, по мнению представителей молодого поколения, традиционным ценностям. Эту идею сформулировал Г. Маркузе. По его словам, протест против «цивилизации Танатоса» (так автор называет традиционную культуру) должен идти со стороны тех, кто не видит себя частью этой цивилизации, но ощущает давление и притеснение с её стороны: «...прослойка отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цветов кожи, безработных и нетрудоспособных. Они остаются за бортом демократического процесса, и их жизнь являет собой самую непосредственную и реальную необходимость отмены невыносимых условий и институтов ... эта стихийная сила нарушает правила игры и тем самым разоблачает её как бесчестную игру» [Маркузе, 2002: 250].

⁵ См., например, Gary Snyder *Myths and Texts*, 1960; Paul Radin *The Evolution of an American Indian Prose Epic*, 1954-56; *The Trickster: A Study in Native American Mythology*, 1956; Jack Kerouac *On the Road*, 1951.

Таким образом, произведение Кена Кизи полностью лежит в русле эстетики контркультурных течений того времени. В романе «Пролетая над гнездом кукушки», действие которого разворачивается в психиатрической больнице, отражены некоторые факты из биографии писателя: Кизи работал ночным санитаром в госпитале для ветеранов *Menlo Park*. Там он не только общался с пациентами, но и участвовал в экспериментальной программе по изучению воздействия психотропных веществ на организм человека. Этот опыт автора, бесспорно, повлиял на замысел романа и его художественную реализацию.

Повествование в романе ведётся от лица индейца Бромдена, пациента психиатрической лечебницы, который притворяется глухо-немым, чтобы минимизировать свой контакт с окружающим миром. Жизнь в больнице похожа на идеально отлаженный механизм, руководит которым сестра Рэтчед (в одном из переводов на русский язык – сестра Гнусен). Сама больница изображена как безликая машина, комбинат (вождь называет её “the Combine”). В первой части романа перед читателем предстаёт вереница образов остальных пациентов лечебницы. В основном это люди, которые не смогли приспособиться к окружающим условиям (“adjust to surroundings”) и не нашли в себе сил для борьбы с трудностями мира вне стен больницы.

Привычный распорядок меняется, когда в больницу попадает Рэндл Патрик Макмёрфи, бродяга и бунтарь, который решил симитировать душевное расстройство, чтобы избежать исправительных работ на ферме. Центральной коллизией романа является противостояние между Макмёрфи и сестрой Рэтчед, в образе которой представлено обезличивающее технократическое общество-комбинат. Несмотря на то, что Макмёрфи проигрывает в этой схватке, его пример радикально меняет жизнь многих других пациентов и приводит к духовному выздоровлению Вождя Бромдена.

Иными словами, центральный конфликт романа можно обозначить как конфликт между механическим, обезличивающим человека обществом и личностью, отстаивающей свою свободу и индивидуальность.

Таким образом, текст романа предоставляет довольно богатый материал для изучения лингвокогнитивных особенностей концепта «американский индивидуализм». Для большей наглядности и структурированности анализа языкового материала представляется целесообразным выделить несколько аспектов, посредством которых концепт «индивидуализм» воплощается в тексте романа Кена Кизи. Каждый из этих аспектов может рассматриваться через ту или иную антитезу. Эти аспекты (и антитезы) могут быть сформулированы следующим образом:

1. индивидуализм как противостояние личности технократическому обществу (антитеза «свободный человек – общество угнетения»);
2. индивидуализм как восстановление связи человека с природой (антитеза «природное, естественное – механическое, искусственное»);
3. индивидуализм как обретение человеком самого себя, самоопределение личности (антитеза «личное, человеческое – безличное, нечеловеческое»);
4. индивидуализм как осознание человеком своей национально-культурной принадлежности (антитеза «осознание национальной принадлежности – подавление национальной принадлежности»).

Вышеперечисленные аспекты концепта «индивидуализм» реализуются в тексте романа при помощи разнообразных языковых средств, принадлежащих к разным уровням: графическому, фонетическому, грамматическому, лексическому, синтаксическому. Стоит отметить, что вышеперечисленные аспекты выступают как неотъемлемые и тесно взаимосвязанные части единого целого, в связи с чем едва ли возможно исследовать их изолированно друг от друга.

2.4.1. Индивидуализм как противостояние технократическому обществу.

Механизированное, технократическое общество, как правило, являлось главным объектом протеста со стороны бунтующей молодёжи. В литературных произведениях этот образ мог воплощаться по-разному. В романе Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» реализуется развёрнутая метафора «общество – это механизм».

По определению О.С. Ахмановой, *развёрнутая метафора* представляет собой «ряд внутренне связанных и взаимно друг друга дополняющих метафор» [Ахманова, 1966: 231].

Компоненты развёрнутой метафоры «общество – это механизм» встречаются в разных частях текста и реализуются на разных уровнях, начиная с названий и имён героев.

Индеец Бромден называет больницу «комбинатом» (“the Combine”). В *The Longman Dictionary of Contemporary English* слово “combine” имеет следующую дефиницию: “a machine used by farmers to cut grain, separate the seeds from it, and clean it”. С самого начала романа автор устами рассказчика даёт понять, что слову “the Combine” он придаёт гораздо более широкое значение. Так, в четвёртой главе первой части романа Вождь Бромден определяет «комбинат» как огромную организацию, которая стремится привести в соответствие внешний мир и внутренний: “a huge organization that aims to adjust the Outside as well as she has the Inside”.

Слово “Combine” пишется в тексте романа с заглавной буквы, что можно рассматривать как пример использования стилистических возможностей средств горизонтальной стратификации.⁶ Систематическое использование

⁶ Под горизонтальной стратификацией принято понимать разделение текста на различные уровни с помощью знаков препинания. Сам термин «горизонтальная стратификация» был создан на кафедре английского языкознания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (см. Арапиева Л.У. Теория и практика системы знаков препинания в современном английском языке. дисс. канд.филол. наук, М., 1985.; Практический курс английского языка. Под ред. О.С. Ахмановой и О.В. Александровой, Изд. Московского Университета, 1989 и др.; Баранова Л.Л.

заглавной буквы в написании данного слова указывает на масштабность и всеохватывающую силу того явления, которое рассказчик подразумевает под словом “Combine”.

Ещё один пример экспрессивной функции заглавной буквы в тексте художественного произведения можно увидеть в словах “Inside” и “Outside” из приведённой выше цитаты. Написание этих слов с заглавной буквы отражает чёткое отделение мира больницы от внешнего мира в сознании Вождя Бромдена.

Вождь Бромден видит больницу то как самодостаточный замкнутый мир, то как лишь некую часть внешнего мира, общества, которое стремится полностью подчинить себе индивидуальность человека. В четвёртой главе первой части романа индеец определяет больницу как фабрику, работающую на некий большой «комбинат», целью которой является исправление ошибок общественной воспитательной системы:

“Yes. This is what I know. The ward is a factory for the Combine. It’s for fixing up mistakes made in the neighborhoods and in the schools and in the churches, the hospital is” [Kesey, 2008: 51].

Слово “factory”, безусловно, принадлежит к сфере технической лексики. *The Longman Dictionary of Contemporary English* даёт следующую дефиницию слова “factory”: “a building or group of buildings in which goods are produced in large quantities, using machines”. Таким образом, психиатрическая клиника

Онтология английской письменной речи. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1996; Титова И.В. Лингво-когнитивные особенности горизонтальной стратификации художественного текста: На материале произведений английской и американской литературы и их экранизаций. Автореф. дисс. канд. филол. наук., М., 2005).

Было отмечено важное различие между знаками препинания вертикальной сегментации (vertical segmentation) и знаками препинания горизонтальной стратификации (horizontal stratification). Вертикальная сегментация подразумевает членение текста на синтагмы, синтаксические единства различной протяженности и выражает синтаксические отношения внутри текста. Что касается горизонтальной стратификации, то относящиеся к этой группе знаки препинания (кавычки, скобки, сдвоенные тире, сдвоенные запятые, а также курсив, разрядка и заглавные буквы) помогают выделить в тексте разного рода парентетические внесения и способствуют стратификации его на разные уровни.

уподобляется фабрике, а пациенты – её продуктам. Это сравнение играет важную роль в реализации развёрнутой метафоры «общество – это механизм».

По мере своего выздоровления рассказчик обретает способность к связной и структурированной речи, способность более ясно мыслить и более чётко, чем в начале романа, выражать свои мысли. В двадцать второй главе второй части романа Вождь говорит о том, что больница – это только часть общенационального «комбината», а сестра Рэтчед – просто его высокопоставленный служащий: “...it’s not just the Big Nurse by herself, but it’s the whole Combine, the nation-wide Combine that’s the really big force, and the nurse is just a high-ranking official for them” [Kesey, 2008: 239].

Прилагательное “nation-wide” (более современное написание *nationwide*) означает “happening or existing in every part of the country” (LCDE). Использование данного слова в качестве определения подчёркивает масштабность «комбината» и указывает на то, что автор романа понимает под этим словом всю общественную структуру.

Далее Вождь Бромден называет психиатрическую лечебницу «самой неприступной твердыней комбината» [Кизи, 2004: 215] (“the center of the Combine’s most powerful stronghold” [Kesey, 2008: 385]).

Фамилия возглавляющей комбинат старшей сестры (Miss Ratched) также является достаточно коннотативной и ассоциативной. С одной стороны, она может быть соотнесена с прилагательным “wretched” (рус. – *неприятный, скверный, мерзкий*), имеющим схожее звучание с фамилией медсестры. Чтобы сохранить отрицательную ингерентную коннотацию, заложенную в фамилии героини, автор одного из переводов на русский язык дал ей имя Гнусен (от слова «гнусный»).

С другой стороны, фамилия Ratched как по звуковой оболочке, так и по написанию напоминает существительное “ratchet” (рус. – *храповой механизм*).

Фамилию старшей медсестры (Ratched) также можно рассматривать как пример использования автором выразительных возможностей фонем⁷. Как отмечают М.В. Давыдов и Г.Т. Окушева в работе «Значение и смысл созвучий в современном английском языке», фонестема *-r-* в художественном тексте может выполнять звукоподражательную функцию, имитируя такие громкие звуки, как рокот или гроыхание. В данном контексте она может также вызывать ассоциации с агрессией и насилием⁸.

Таким образом, элементы метафоры «общество как механизм» содержатся в самом имени героя-антагониста и в условном названии больницы, в образе которой воплощаются наиболее негативные черты современного автору общества.

В самом начале романа появление сестры Рэтчед предваряет следующее описание чернокожих санитаров (“black boys”):

“They laugh and then I hear them mumbling behind me, heads close together. Hum of black machinery, humming hate and death and other hospital secrets” [Keseey, 2004: 5].

Смех и бормотание – вполне «человеческие» действия санитаров – превращаются в воображении Вождя в гудение чёрных машин, которые гудят «смертью, ненавистью и другими больничными секретами». С точки зрения категорий, “humming hate and death” является коннотативным,

⁷ Фонестема – повторяющееся сочетание звуков, подобное морфеме в том смысле, что с ним более или менее отчётливо ассоциируется некоторое содержание или значение, но отличающееся от морфемы полным отсутствием морфологизации остальной части словоформ [Дечева С.В. Слоговоеделение в английской речи (когнитивная силлабика). Автореф. дисс. ...доктора филол. Наук. М.:1995. С. 9]. Фонестемика как предмет филологической семиотики была рассмотрена в книге Т.Б. Назаровой «Филология и семиотика» (Назарова Т.Б. Филология и семиотика. Современный английский язык. Учеб. Пособие. 2-е изд., сипр. М.: Высш. Шк., 2003)

⁸ Вопрос о когнитивном подходе к силлабике, психолингвистических, концептуальных, социоллингвистических и функционально-коммуникативных особенностях слогоделения в разнообразных речевых ситуациях, а также о взаимодействии слога с фонемой, фонестемой и морфемой был подробно и многосторонне рассмотрен в работах С.В. Дечевой (С.В. Дечева. Слоговоеделение в английской речи (когнитивная силлабика). автореф. и дисс. ... доктора филол. Наук. М.: 1995; С.В. Дечева. Когнитивная силлабика. Диалог-МГУ, Москва, 1998; Decheva S. English Syllabification as Part of the Learner-Oriented Speechology. — Издательство Московского университета Москва, 1994).

неклишированным, неидиоматическим, социолингвистически не обусловленным, концептуально не детерминированным словосочетанием.⁹

С его помощью с самого начала романа создаётся мрачная и уничтожающая всё человеческое атмосфера психиатрической клиники. Читатель видит больницу глазами страдающего от психического расстройства и галлюцинаций рассказчика, что даёт автору дополнительные выразительные возможности.

Образ сестры Рэтчед, главного проводника идеологии общего блага и коллективных ценностей, последовательно создаётся с помощью лексических единиц, относящихся к области техники и обозначающих те или иные части механизмов. Первое появление сестры Рэтчед в романе описывается следующим образом:

“She slides through the door with a gust of cold and locks the door behind her and I see her fingers trail across the polished steel – tip of each finger the same color as her lips. Funny orange. Like the tip of a soldering iron. Color so hot or so cold if she touches you with it you can’t tell which” [Keseey, 2004: 6].

Примечательно, что сестра Рэтчед воспринимается и описывается рассказчиком не полностью, а через отдельные детали, в частности, её пальцы и сумку. Это способствует лишению её образа человеческих черт и в ещё большей степени уподобляет её механизму.

В частности, цвет кончиков пальцев старшей сестры сравнивается с цветом наконечника раскалённого паяльника (“like the tip of a soldering iron”; в пер. В.П. Голышева: «как жало паяльника»). С помощью данного сравнения передаётся ощущение угрозы и агрессии, которое рассказчик постоянно испытывает со стороны сестры Рэтчед.

⁹ Метод рассмотрения словосочетания с точки зрения пяти категорий (connotativeness, reproducibility, idiomaticity, conceptual determination, sociolinguistic determination) был разработан на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. См. Н.Б. Гвишиани. Полифункциональные слова в языке и речи. М.: 1979; О.В. Александрова, Т.А. Комова. Современный английский язык: морфология и синтаксис. М.: Издательский центр «Академия», 2007.

В сумочке старшей сестры нет места для помады и маленького зеркала, традиционных дамских аксессуаров. По словам рассказчика, она наполнена механизмами и частями механизмов:

“It’s a loose weave and I can see inside it; there’s no compact or lipstick or woman stuff, she’s got that bag full of thousand parts she aims to use in her duties today – wheels and gears, cogs polished to a hard glitter, tiny pills that gleam like porcelain, needles, forceps, watchmakers’ pliers, rolls of copper wire ...” [Kesey, 2008: 6]

Слова “wheels”, “gears”, “cogs”, “needles”, “forceps”, “pliers”, “copper wire” относятся к технической лексике, обозначая части механизмов. В данном контексте они представлены в виде синонимической конденсации, что усиливает «механичность» образа мисс Рэтчед, её сходство с роботом или прибором.

Вождь Бромден наделён богатым воображением и тонким восприятием, которое усиливается галлюцинациями. В его описаниях больницы и старшей сестры задействованы все виды ощущений: визуальные, слуховые, вкусовые, обонятельные, тактильные. Нередко эти ощущения смешиваются, способствуя созданию выразительных сюрреалистических образов.

Так, Вождь не только видит мисс Рэтчед как машину, но и чувствует машинный запах внутри неё: “she blows up bigger and bigger, big as a tractor, so big I can smell the machinery inside the way you smell a motor pulling too big a load”. “Smell the machinery” представляет собой ещё один пример концептуально не детерминированных словосочетаний, которые являются достаточно частотными в речи Вождя и придают ей особую образность и выразительность.

Кроме того, сестра Рэтчед сравнивается рассказчиком с трактором: “big as a tractor”, что также может рассматриваться как элемент развёрнутой метафоры «общество – это механизм».

Как уже было отмечено, если Бромден и Макмёрфи выступают в романе как люди природы, то сестра Рэтчед, напротив, является воплощением механического, технократического начала. Для обеспечения стабильной и бесперебойной работы «комбината» она стремится подавить в своих подопечных природное, человеческое начало. Она смогла подавить почти всё природное, женское начало и в себе самой. Единственная деталь, которая выдаёт в ней женщину и от которой она не может избавиться – её большая грудь. Эта характеристика последовательно используется автором в создании её образа. Она упоминается рассказчиком в самом начале романа:

“A mistake was made somehow in manufacturing, putting those big, womanly breasts on what would of otherwise been a perfect work, and you can see how bitter she is about it” [Kesey, 2008: 8].

Большая женственная грудь воспринимается Вождём Бромденом как «ошибка при сборке» [Кизи: 5]. Слово “manufacturing” (“the process or business of producing goods in factories” – *LDCE*) представляет собой очередной пример употребления технической лексики в описании сестры Рэтчед. Его использование в данном контексте уподобляет сестру Рэтчед механизму.

По словам рассказчика, главной функцией этого механизма является приведение пациентов «в соответствие» (“adjusting to surroundings”) с нормами и требованиями как больницы, так и общества в целом. Это происходит через лишение человека его индивидуальных качеств и подавление его личных свобод. Слово “adjusting” может переводиться на русский язык как «приспособление», «регулирование», «настройка», «наладка», «подгонка». Как правило, оно используется в контекстах, связанных с оборудованием, приборами, но не с людьми.

Если больница является «комбинатом», или фабрикой, то пациенты больницы воспринимаются Вождём Бромденом как ‘изделия’, ‘продукты’, которые фабрика возвращает в общество после исправления:

“When a completed product goes back out into society, all fixed up good as new, *better* than new sometimes, it brings joy to the Big Nurse’s heart; something that came in all twisted different is now a functioning, adjusted component, a credit to the whole outfit and a marvel to behold” [Kesey, 2008: 51].

Пройдя в больнице процесс «настройки», человек становится работоспособным настроенным компонентом, который полностью приспособлен для выполнения своей функции в общественном механизме. Таким образом, человек приравнивается к детали какого-то механизма или прибора. Иногда эта деталь выходит из конвейера даже в лучшем состоянии, чем новый компонент (“*better* than new sometimes”). В приведённом выше отрывке романа слово “*better*” выделено курсивом, что может рассматриваться как случай использования средств горизонтальной стратификации в художественных целях. Графически выделяя это слово, автор передаёт интонацию рассказчика, ставит на нём смысловое ударение. При помощи выразительного средства графического уровня, которым является в данном контексте курсив, автор показывает, насколько эффективны и результативны методы обработки человека в технократическом обществе.

Перед попаданием в психиатрическую клинику пациент является, по словам Вождя, «запутанным, искорёженным» (“all twisted different”), тогда как больница превращает его в «исправную, пригнанную деталь» [Кизи, 2004: 29]. Таким образом, процесс лишения человека индивидуальности представлен как сглаживание и уничтожение его особенностей, слабостей и недостатков, которые являются неотъемлемой частью его личности.

Неслучайно в описаниях сестры Рэтчед неоднократно используется слово “smooth” (рус. – *гладкий, ровный*): “Her face is smooth, calculated, and precision-made”, “a smooth, accurate, precision-made machine”, “a clean, smooth forehead, not a line in it to show weakness or worry” (подчёркивание моё – Е.Ш.) Согласно *The Longman Dictionary of Contemporary English*, прилагательное “smooth” имеет следующие значения: 1) “a smooth surface has no rough parts, lumps, or

holes, especially in a way that is pleasant and attractive to touch”; 2) “happening or operating successfully, without any problems”; 3) “someone who is smooth is polite, confident, and relaxed, but is often not sincere”.

Из приведённых выше дефиниций следует, что слово “smooth” обладает в основном положительной ингерентной коннотацией. Однако, поскольку в романе это слово часто используется применительно к сестре Рэтчед, оно меняет коннотацию на противоположную, обретает отрицательную адгерентную коннотацию. В контексте романа слово “smooth” ассоциируется с обезличиванием человека, лишением его индивидуальных качеств и особенностей и превращением в функциональную деталь, которая не доставляет обществу неудобств проявлениями своей индивидуальности.

Продолжая повествование о сущности терапии в психиатрической больнице, Вождь Бромден называет эту процедуру и процесс социального воздействия на человека в более широком смысле «индустрией»: “A successful Dismissal like this is a product brings joy to the Big Nurse’s heart and speaks good of her craft and the whole industry in general” [Kesey, 2008: 52-53] (подчёркивание моё – Е.Ш.).

Человек, прошедший курс лечения, называется здесь «продуктом» (“product”), а сам процесс исправления человека обществом – индустрией. Слова “product” и “industry”, использованные в данном контексте, играют важную роль в создании образа технократического общества, стремящегося уничтожить в человеке любые проявления индивидуализма, и, безусловно, являются важными компонентами метафоры «общество – это механизм».

Рассказчик также называет пациента, прошедшего курс лечения в психиатрической больнице, очередным роботом для «комбината»: “he’s just another robot for the Combine” [Kesey, 2008: 21]. В *The Longman Dictionary of Contemporary English* приводится следующее определение слова “robot”: “a machine that can move and do some of the work of a person, and is usually controlled by a computer”. Данное слово, безусловно, также относится к сфере технической

лексики и подразумевает противопоставление человеческому и личностному началу.

Иногда как пациенты больницы, так и её персонал называются рассказчиком «марионетками» (“puppets”):

“Pete: wag your head like a puppet”; “he becomes a wild, jerky puppet doing a high-strung dance”; “powerful magnets in the floor maneuver personnel through the ward like arcade puppets”; “The technicians go trotting off, pushing the man on the Gurney, like cartoon men – or like puppets, mechanical puppets in one of those Punch and Judy acts” [Kesey, 2008: 47] (подчёркивание моё – Е.Ш.)

Согласно *The Longman Dictionary of Contemporary English*, “puppet” – “a model of a person or animal that you move by pulling wires or strings, or by putting your hand inside it”. Люди, проходящие лечение в больнице и работающие в ней, уподобляются в воображении Вождя Бромдена механическим куклам, что также подразумевает противопоставление индивидуальному, личностному началу в человеке.

Таким образом, одним из главных средств создания в романе образа механизированного, технократического общества, стремящегося подавить в человеке любые проявления его индивидуальности, является развёрнутая метафора «общество – это механизм». Текст произведения содержит множество элементов, реализующих данную метафору, которые выражаются через языковые средства разных уровней: графического, фонетического, лексического. Технократическое общество – это то, что противостоит индивидуализму и всем его проявлениям, поэтому антитеза «живое – механическое», выступающая как часть более широкого противопоставления «индивид – общество», является важной лингво-когнитивной характеристикой концепта «американский индивидуализм».

2.4.2. Индивидуализм как восстановление связи человека с природой.

Образу технократического общества в романе противопоставлены образы, ассоциирующиеся с природой. Если в начале романа доминирует мир

больницы и образность, связанная с механикой и техникой, то во второй половине, где описывается духовное возрождение Вождя Бромдена, на первый план выходит тема природы. Ощущение человеком связи с природой, а также его умение наблюдать за ней и чувствовать её воспринимается как мощное средство противостояния обезличивающей машине общества и как важное проявление индивидуализма. В этой связи представляется возможным утверждать, что индивидуализм является для американской картины мира естественным, близким к природе явлением, в то время как подавление индивидуальных свобод и особенностей человека полностью противоречит законам природы. Реализовать эту идею в тексте романа помогает антитеза «природное, естественное – механическое, искусственное».

Стоит отметить, что образность, связанная с природой, является в романе довольно сложной, разнообразной и многофункциональной.

Тема природы в романе, прежде всего, связана с образом Патрика Рэндла Макмёрфи. Макмёрфи в полной мере воплощает свойственный поколению хиппи идеал свободолюбивого бродяги и человека природы. Попав в психиатрическую больницу после исправительных работ на ферме, Макмёрфи не может понять и принять замкнутость мира больницы и его отгороженность от внешнего мира.

Именно Макмёрфи приносит с собой запахи природы и свободной жизни, давно забытые пациентами больницы, в том числе и рассказчиком: “the man smell of dust and dirt from the open fields, and sweat, and work”. Художественный эффект достигается здесь через перечисление с союзом “and”. Экспрессивную функцию выполняет также ритмическая организация предложения: короткие синтагмы в данном примере образуют отрывистый ритм. Также здесь содержится скрытое противопоставление: запах пыли, грязи, пота и работы противостоит абсолютной стерильности и чистоте, царящим в больнице.

Естественность Макмёрфи и его близость природе подчёркиваются в основном через его речь, которая изобилует примерами просторечия, сленга, ругательной лексики, а также разнообразными сравнениями и метафорами.

К примеру, впервые присутствуя на сеансе групповой терапии, во время которого пациенты должны рассказывать о своих сокровенных желаниях, слабостях и проступках, Макмёрфи вспоминает о своих наблюдениях за птицами на исправительной ферме и сравнивает пациентов со стаей кур, которые готовы заклевать друг друга до смерти:

“Why then, I’ll explain to you...the flock gets sight of a spot of blood on some chicken and they all go to peckin’ at it, see, till they rip the chicken to shreds, blood and bones and feathers. But usually a couple of the flock gets spotted in the fracas, then it’s their turn. And a few more gets spots and gets pecked to death, and more and more. Oh, a peckin’ party can whipe out the whole flock in matter of few hours, buddy, I seen it. A mighty awesome sight. The only way to prevent it – with chickens – is to clip blinders on them. So’s they can’t see» [Kesey, 2008: 74].

Выразительный эффект в данном отрывке также достигается при помощи ритмической организации текста: чередование коротких и длинных синтагм образует переменный ритм, который придаёт повествованию динамику и напряжённость. К тому же, выражение “blood and bones” может рассматриваться как пример аллитерации, что также сообщает рассказу Макмёрфи особую экспрессивность.

Метафорические сравнения, связанные с образами животных, присутствуют и в речи других пациентов больницы. Так, пытаясь объяснить Макмёрфи суть происходящего в больнице, один из пациентов по фамилии Хардинг уподобляет отношения между сестрой Рэтчед и людьми, проходящими курс терапии, с естественным отбором, описанным Чарльзом Дарвином:

“This world ... belongs to the strong, my friend! The ritual of our existence is based on the strong getting stronger by devouring the weak. We must face up to this.

No more than right that it should be this way. We must learn to accept it as a law of the natural world.”

Хардинг сравнивает себя и других душевнобольных с кроликами, а мисс Рэтчед – с волком:

“Mr. McMurphy ... my friend ... I’m not a chicken, I’m a rabbit. The doctor is a rabbit. Cheswick there is a rabbit. Billy Bibbit is a rabbit. All of us in here are rabbits of varying ages and degrees, hippity-hopping through our Walt Disney world. Oh, don’t misunderstand me, we’re not in here because we are rabbits – we’d be rabbits wherever we were – we’re all in here because we can’t adjust to our rabbithood. We need a good strong wolf like the nurse to teach us our place” [Kesey, 2008: 84].

Данный текст достаточно экспрессивен. Экспрессивность достигается, в том числе, посредством использования синтаксического параллелизма в начале отрывка. Хардинг называет всех пациентов больницы кроликами и в начале отрывка неоднократно повторяет слово “rabbit”. Это придаёт его речи особенную убедительность, передаёт его эмоциональное состояние и акцентирует внимание читателя на смысловой нагрузке его слов. Кроме того, многократно повторяя слово “rabbit”, автор ставит на нём смысловое ударение. Согласно Хардингу и другим пациентам, “rabbit” – это слабый человек, который не способен самостоятельно справиться со своими комплексами и страхами, а также трудностями внешнего мира и поэтому нуждается в постоянном контроле со стороны кого-то более сильного. Соответственно, слово “rabbithood” можно рассматривать как авторский неологизм, образованный по продуктивной словообразовательной модели путём присоединения суффикса -hood, который обычно используется для образования абстрактных существительных (к примеру, brotherhood, motherhood, likelihood). В данном контексте значение слова может быть сформулировано как «образ жизни, при котором субъект чувствует себя слабым и не готовым принимать самостоятельные решения».

Выразительность данного отрывка достигается также с помощью ритмической организации текста. Короткие синтагмы в начале текста сменяются на более длинные, что образует постепенный ритм. Возрастание длительности синтагм помогает передать напряжённость и драматизм рассказа Хардинга о происходящем в больнице.

«Кролики» нуждаются в волке, и такого волка Хардинг видит в сестре Рэтчед и, возможно, в Макмёрфи: “The rabbits accept their role in the ritual and recognize the wolf as the strong <...> We need a good strong wolf like the nurse to teach us our place <...> Friend [McMurphy] ... you ... may be a wolf” [Kesey, 2008: 83].

Прибегая к сравнению людей с животными, автор использует ассоциации, традиционно связанные с ними в сознании носителей языка. Если кролик, как правило, ассоциируется с трусостью, слабостью, желанием убежать от проблем, то образ волка часто связан с силой, агрессией, опасностью. Называя волком как мисс Рэтчед, так и Макмёрфи, Хардинг подразумевает, что они обладают равными силами и могут противостоять друг другу, в то время как «кролики» способны лишь наблюдать за этой битвой.

Тема природы и связанные с ней образы наиболее полно раскрываются применительно к фигуре рассказчика, индейца Бромдена. Выбор индейца на роль центральной фигуры романа соответствует представлениям поколений битников и хиппи о национальных меньшинствах как о людях, имеющих наиболее тесную связь с природой и поэтому обладающих серьезным потенциалом для противостояния обществу.

Отец рассказчика был вождём индейского племени. Его урождённое имя в переводе на английский язык означает “The-Pine-That-Stands-Tallest-on-the-Mountain”. С точки зрения морфологической организации, данная форма представляет собой сложный эквивалент слова (complex word equivalent). В воображении читателя оно вызывает образ одинокого высокого дерева, стоящего на горе. Использование превосходной степени прилагательного

(“tallest”) подразумевает выделение объекта, указывает на его единичность, изолированность от группы. Кроме того, употребление определённого артикля “the” также способствует конкретизации объекта, созданию индивидуалистического образа.

Женившись на белой женщине и взяв её фамилию, отец рассказчика утратил свою силу и потерял себя как личность. Сам рассказчик в начале романа предстает слабым, притворяющимся глухонемым, страдающим от галлюцинаций человеком, который стремится уклониться от любых взаимодействий с внешним миром. Спасение от окружающей действительности он ищет в «туманной машине» (“fog machine”) – воображаемом устройстве, выпускающем дым, в котором можно укрыться от мира. Появление в больнице Макмёрфи заставляет его вспомнить своё детство, проведённое среди природы. Эти воспоминания помогают ему бороться с паническим страхом перед «комбинатом»:

“(Papa tells me to keep still, tells me that the dog senses a bird somewheres right close. We borrowed a pointer dog from a man in The Dalles. All the village dogs are no-‘count mongrels, Papa says, fish-gut eaters and no class a-tall; this here dog, he got *insteek*! I don’t say anything, but I already see the bird up in a scrub cedar, hunched in a gray knot of feathers. Dog running in circles underneath, too much smell around for him to point for sure. The bird safe as long as he keeps still. He’s holding out pretty good, but the dog keeps sniffing and circling, louder and closer. Then the bird breaks, feathers springing, jumps out of the cedar into the birdshot from Papa’s gun.) <...>

A bluetick hound bays out there in the fog, running scared and lost because he can’t see. No tracks on the ground but the ones he’s making, and he sniffs in every direction with his cold red-rubber nose and picks up no scent but his own fear, fear burning down into him like steam” [Kesey, 2008: 10-11].

В данных отрывках впервые в романе появляется мотив охотничьей собаки, который проходит через весь роман, обрастая разными интерпретациями и коннотациями.

Исследователь романа Стивен Л. Тэннер (Stephen L. Tanner) отмечает, что можно провести параллель между охотничьей собакой и Вождём Бромденом. Оба отрывка введены в текст в качестве парентетических внесений при помощи скобок. Как отмечает О.В. Александрова, парентетические внесения, введённые с использованием скобок, несут вспомогательную, дополнительную информацию [Александрова, 2009: 50]. В данном случае парентетические внесения демонстрирует чёткое разделение в сознании вождя между замкнутым миром больницы, сосредоточенном на настоящем моменте и абсолютно одинаковых, каждодневно повторяющихся процедурах, и внешним миром, в котором существуют природа и воспоминания человека о своём прошлом.

Смысловая нагрузка образа собаки в приведённых выше отрывках разная. В первом примере собака убивает птицу, что можно считать отражением страхов самого рассказчика.

Во втором отрывке потерявшаяся в тумане собака сама охвачена страхом (“A bluetick hound bays out there in the fog, running scared and lost because he can’t see”), что вызывает ассоциации с рассказчиком. Собака чувствует только запах страха (“picks up no scent but his own fear”). Эта деталь также сближает образ собаки с образом рассказчика – обоняние является для Вождя Бромдена одним из важнейших средств восприятия и познания мира.

В следующий раз образ собаки появляется во второй части романа. По мере своего духовного восстановления Вождь Бромден начинает осмыслять мир вокруг себя. Проснувшись ночью и подойдя к окну, он замечает молодую собаку:

“Something moved on the grounds down beneath my window – cast a long spider of shadow out across the grass as it ran out of sight behind a hedge. When it ran back to where I could get a better look, I saw it was a dog, a young, gangly

mongrel slipped off from home to find out about things went on after dark. He was sniffing digger squirrel holes, not with a notion to go digging after one but just to get an idea what they were up to at this hour. He'd run his muzzle down a hole, butt up in the air and tail going, then dash off to another. The moon glistened around him on the wet grass, and when he ran he left tracks like dabs of dark paint spattered across the blue shine of the lawn. Galloping from one particularly interesting hole to the next, he became so took with what was coming off – the moon up there, the night, the breeze full of smells so wild makes a young dog drunk – that he had to lie down on his back and roll. He twisted and thrashed around like a fish, back bowed and belly up, and when he got to his feet and shook himself a spray came off him in the moon like silver scales” [Kesey, 2008: 206].

Собака, которую видит Вождь описывается как “a young, gangly mongrel” (рус. – молодой долговязый метис). Здесь также можно увидеть параллель между рассказчиком - метисом и собакой смешанной породы.

Стиль приведённого выше отрывка чрезвычайно экспрессивен, что отражает выздоровление Вождя Бромдена, обретение им заново своей врождённой способности чувствовать природу. Описывая пейзаж, он использует поэтические индивидуально-авторские метафоры и сравнения: “a long spider of shadow”; “tracks like dabs of dark paint spattered across the blue shine of the lawn”; “a spray came off him in the moon like silver scales.” Использование этих тропов подчёркивает тонкость восприятия рассказчика.

Кроме того, отрывок изобилует глаголами движения: “moved”, “slipped off”, “ran”, “he'd run”, “galloping”, “lie down”, “roll”, “twisted”, “thrashed”, “got to his feet”, “came off”. Глаголы движения придают динамичность образу собаки и отражают внутренние метания рассказчика. Как собака, так и Вождь Бромден испытывают пробуждение новых чувств.

Беспокойство собаки вызвано стаей гусей, летящей в лунном свете:

“I listened for a long time. Then, from a long way off, I heard a high, laughing gabble, faint and coming closer. Canada honkers going south for the winter. I

remembered all the hunting and belly-crawling I'd ever done trying to kill a honker, and that I never got one.

I tried to look where the dog was looking to see if I could find the flock, but it was too dark. The honking came closer and closer till it seemed like they must be flying right through the dorm, right over my head. Then they crossed the moon – a black, weaving necklace, drawn into a V by that lead goose. For an instant that lead goose was right in the center of that circle, bigger than the others, a black cross opening and closing, then he pulled his V out of sight into the sky once more” [Keseey, 2008: 207].

Стая гусей на фоне луны, ведомая вожаком, сравнивается рассказчиком с ожерельем: “a black weaving necklace”. Это индивидуально-авторское сравнение также характеризует цельность и поэтичность восприятия природы индейцем Бромденом.

Если собака вызывает ассоциации с фигурой рассказчика, то гуся-вожака стаи можно рассматривать как отражение образа Макмёрфи. Индеец Бромден последовательно называет Макмёрфи большим (“big”). Вожак стаи гусей также описывается как “bigger than the others”.

Представляется возможным говорить о тесной взаимосвязи между этими образами и заголовком романа (“Flying over the Cuckoo’s Nest”). Помимо общепринятого значения слово “cuckoo” (“a grey European bird that puts its eggs in other birds’ nests and that makes a sound that sounds like its name” – *LDCE*), существует и сленговое значение, характерное в основном для американского варианта английского языка: “a crazy person” [<http://onlineslangdictionary.com/meaning-definition-of/cuckoo>]. Поскольку действие романа происходит в психиатрической больнице, можно утверждать, что в его заголовке реализуется и второе значение слова “cuckoo”.

В приведённом выше эпизоде мы наблюдаем как бы визуализацию заголовка романа, где в роли вожака стаи выступает Макмёрфи, в то время как Вождь Бромден смотрит на пролетающих птиц и чувствует внутреннее

пробуждение и порыв к свободе. Образ вожака стаи, летящего в лунном свете, является по сути индивидуалистическим. Он воплощает стремление личности вырваться из-под тотального контроля общества-комбината. Как отмечает исследователь романа Барри Лидз (Barry H. Leeds), образ птицы в романе символизирует гордость и решительность, к которой должен стремиться человек: “this bird comes to represent the pride and self-determination to which men should aspire” [Leeds, 1981: 28].

В конце романа, когда Вождь Бромден находит в себе силы для побега из больницы, он идёт именно в ту сторону, в которую бежала собака из приведённого выше эпизода: “I ran across the grounds in the direction I remembered seeing the dog go, toward the highway” [Kesey, 2008: 410]. Вырвавшись из оков «комбината», рассказчик чувствует себя так, как будто он летит: “I felt like I was flying. Free” [Kesey, 2008: 410]. Таким образом, параллель с образом гуся переходит от Макмёрфи к Вождю Бромдену, поскольку именно ему удалось воплотить мечту об освобождении индивида.

Как отмечалось выше, способность воспринимать природу выступает в романе как духовное выздоровление человека, его возвращение к своей индивидуальности. Природа и связанные с ней спокойствие и гармония являются сильным средством сопротивления технократическому, основанному на страхе и подчинении индивида обществу.

В том же эпизоде, где Вождь видит молодую собаку и пролетающую над ней стаю гусей, встречается первое в романе связанное описание природы. Смотря из окна, рассказчик впервые замечает, что больница находится за городом среди прекрасной и гармоничной природы. Впервые за долгое время он способен осознавать мир вокруг себя, замечать смену времён года и изменения пейзажа:

“It’s fall coming, I thought, I can smell that sour-molasses smell of silage, clanging the air like a bell – smell somebody’s been burning oak leaves, left them to smolder overnight because they’re too green.

It's fall coming, I kept thinking, fall coming; just like that was the strangest thing ever happened. Fall. Right outside here it was spring a while back, then it was summer, and now it's fall – that's sure a curious idea" [Kesey, 2008: 205].

Несмотря на то, что в данном тексте практически отсутствует коннотативная лексика, отрывок обладает большой экспрессивностью, которая достигается, в частности, при помощи сравнения "...smell of silage, clanging the air like a bell". Сочетание глагола "to clang", обозначающего звенящий звук (to clang: "to make a loud deep ringing sound" – *LDCE*), и слова "smell" представляет очередной пример переплетения в восприятии вождя обонятельных и слуховых ощущений.

Слуховые ощущения рассказчика, наблюдающего за природой, передаются при помощи аллитерации: "smell that sour-molasses smell of silage". Многократное повторение фонемы -s- в рамках одного предложения имеет звукоподражательный эффект и создаёт ощущение приглушённого шелеста осенней травы.

Выразительность текста достигается и через его синтаксическую организацию. Синтаксически параллельные предложения, поддержанные рефреном "it's fall coming", приближают организацию речи к поэтической. Это не просто придаёт тексту экспрессивность, но и отражает духовное возрождение Вождя. Экспрессивный, близкий к поэтическому стиль данного отрывка можно противопоставить сбивчивым, несвязным, грамматически неправильным монологам рассказчика в первой половине романа.

Ритм данного отрывка можно охарактеризовать как переменный, образующийся чередованием длинных и коротких синтагм. Кроме того, текст отрывка содержит достаточно много парентетических внесений, что передаёт движение мысли рассказчика и как бы вовлекает читателя в этот процесс, заставляя сопереживать герою.¹⁰

¹⁰ Лингвокогнитивные особенности средств горизонтальной стратификации были детально изучены в диссертационной работе И.В. Титовой (Титова И.В. Лингвокогнитивные особенности горизонтальной стратификации художественного текста (на материале произведений английской и американской литературы и их экранизаций). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: 2005

Под влиянием бунтаря Рэндала Патрика Макмерфи, который воплощает индивидуалистические ценности, свободу и силу воли, жизнелюбие, бунтарский дух, рассказчик вновь начинает осознавать себя как индивидуальность, как человека природы.

В богатом, поэтическом воображении Вождя Бромдена звёздное ночное небо оживает:

“The moon was low in the sky over the pastureland; the face of it was scarred and scuffed where it had just torn up out of the snarl of scrub oak and madrone trees on the horizon. The stars up close to the moon were pale; they got brighter and braver the farther they got out of the circle of light ruled by the giant moon” [Kesey, 2008: 206].

Данный отрывок также крайне метафоричен. Луна представляется рассказчику существом с покрытым шрамами поцарапанным лицом: “the face of it was scarred and scuffed”. Выразительность этого образа усиливается с помощью аллитерации (“scarred and scuffed”; “snarl of scrub”). Луна предстаёт в воображении Вождя Бромдена гигантом, управляющим звёздами (“ruled by the giant moon”). Здесь, как и в других частях романа, большой размер символизирует власть и силу. По мере удаления от луны звёзды, по словам рассказчика, становятся ярче и смелее: “brighter and braver”. Здесь снова используется аллитерация (-br-) для усиления выразительности. В описании луны и звёзд автор использует такой троп, как олицетворение (personification). Это не только передаёт особенности мышления и восприятия рассказчика, но и позволяет провести параллель между огромной луной и властной сестрой Рэтчед, между бледными около луны звёздами и пациентами психиатрической больницы.

В конце третьей части романа некоторые пациенты под предводительством Макмёрфи отправляются на рыбалку в открытое море. В этой части романа, когда пациенты покидают пределы больницы, природа и естественное начало выходят на первый план.

Для всех пациентов, кроме Макмёрфи, эта поездка стала первым за долгое время опытом прямого взаимодействия с внешним миром. Борьба с трудностями на открытом воздухе, погружение, хоть и кратковременное, в простую и естественную жизнь, необходимость самостоятельно действовать и решать проблемы привели к значительным изменениям в их внутреннем мире. Участники рыбалки вернулись в больницу другими людьми:

“They watched us march into the hall, blood-speckled, sunburned, stinking of beer and fish, toting our salmon like we were conquering heroes” [Kesey, 2008: 321].

Сравнение “like we were conquering heroes” не просто подчёркивает значимость этого путешествия, но и способствует индивидуализации образов пациентов. Слово «герой» (hero: “a man who is admired for doing something extremely brave” – *LDCE*) имплицитно предполагает исключительность, уникальность лица, которое оно обозначает. Таким образом, автор показывает отделение участвовавших в рыбалке пациентов (в особенности, Вождя Бромдена) от стерильного, обезличивающего мира больницы-комбината, которое произошло благодаря недолгому пребыванию на природе.

Подводя итоги данного раздела настоящей главы, можно сказать, что природа рассматривается в романе как одно из главных средств противостояния технократическому обществу. Проанализировав материал, представляется возможным утверждать, что индивидуализм и связанные с ним проявления личности воспринимаются как природные, естественные, тогда как общество и его правила, ярко воплощённые в образах психиатрической больницы и её старшей медсестры, становятся носителями механического, искусственного начала. Данный аспект и его языковое выражение в тексте романа «Пролетая над гнездом кукушки» образуют важную лингвокогнитивную характеристику концепта «американский индивидуализм».

2.4.3. Индивидуализм как обретение человеком самого себя, самоопределение личности

Ещё один важный аспект концепта «американский индивидуализм» и его языкового выражения в романе Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» связан с личностной самоидентификацией человека и его попыткой обрести или сохранить свою индивидуальность в условиях технократического общества, основанного на тотальном контроле и подавлении индивидуальных черт и особенностей человека.

Этот аспект выражается, в том числе, в имени и прозвище рассказчика. Утратив своё исконное имя, Вождь носит фамилию матери – Бромден (Bromden). В психиатрической больнице слабый и постоянно охваченный страхом рассказчик получает насмешливое прозвище “Chief Broom” (в переводе романа на русский язык – Вождь Швабра). В тексте оригинала задействуется фонетическое и орфографическое сходство слов “Bromden” и “broom”. Другими словами, «комбинат» лишает индивида его имени и приравнивает его к инструменту, вещи.

В тексте романа последовательно используется развёрнутая метафора, в рамках которой размер рассматривается как мерило внутренней силы человека. Прилагательные “big” и “little” используются в переносном значении, синонимично, соответственно, лексемам «сильный» и «слабый».

Прилагательное “big” в современном английском языке обладает несколькими значениями. В *The Longman Dictionary of Contemporary English* приводится множество дефиниций этого слова, первыми двумя из которых являются следующие: 1) “of more than average size or amount”; 2) “important and serious”. В контексте романа реализуются оба эти значения, постоянно переплетаясь и взаимодействуя. По мере развития действия романа второе значение трансформируется, обретает дополнительные оттенки и коннотации. Кроме того, в самой семантической структуре слова “big” заложен элемент

индивидуализации: данное прилагательное имплицитно выделяет объект из группы, делает его более заметным.

Это проявляется, прежде всего, в том, как рассказчик называет старшую медсестру: “Big Nurse”. В данном контексте эпитет “big” получает адгерентную отрицательную коннотацию и обозначает не просто внутреннюю силу, но и агрессию, стремление к абсолютному контролю над окружающими.

Когда сестра Рэтчед приходит утром в больницу, в глазах Вождя, она стремительно увеличивается и предстает в образе устрашающей машины:

“She’s swelling up, swells till her back’s splitting out the white uniform and she’s let her arms section out long enough to wrap around the three of them five, six times. She looks around her with a swivel of her huge head. Nobody up to see, just old Broom Bromden the half-breed Indian back there hiding behind his mop and can’t talk to call for help. So she really lets herself go and her painted smile twists, stretches to an open snarl, and she blows up bigger and bigger, big as a tractor, so big I can smell the machinery inside the way you smell a motor pulling too big a load” [Kesey, 2008: 7].

В данном отрывке используется ряд лексических единиц, объединённых семантическим признаком «большой размер»: “she’s swelling up”, “swells”, “long”, “huge”, “stretches”, “blows up”, “bigger and bigger”, “big”. Эти слова создают яркий и выразительный образ старшей сестры и отражают панический страх Вождя Бромдена перед ней.

Рассматривая лексико-грамматическое оформление текста данного отрывка, можно обнаружить множество нарушений грамматических и пунктуационных норм американского варианта английского языка. С помощью этого приёма автор передаёт сбивчивость, бессвязность внутренних монологов Вождя, страдающего от галлюцинаций и охваченного паническим страхом перед “комбинатом”.

Интересен также выбор временных форм глагола: рассказчик начинает повествование в the Present Continuous Tense, которое, как правило,

используется для описания действия, совпадающего с моментом речи (“she’s swelling”). Затем он переходит на the Present Simple Tense (“swells”, “looks”, “lets”, “stretches”). Такая форма делает повествование более живым и динамичным. В данном случае использование формы Present Simple передаёт стремительность, с которой сестра Рэтчед увеличивается в воображении рассказчика.

Противостоять мисс Рэтчед и стоящей за ней системе может только очень «большой» человек, каким оказывается Макмёрфи. Его “величина” – первое, что замечает индеец Бромден, когда ирландец появляется в лечебнице. Описывая голос Макмёрфи, рассказчик отмечает: “He sounds big” [Kesey, 2008: 15].

В отношении пяти категорий, словосочетание “sounds big” можно охарактеризовать как коннотативное, неклишированное, неидиоматическое, социолингвистически не обусловленное, концептуально не детерминированное. Оно демонстрирует характерное для Вождя Бромдена восприятие мира через смешение разного рода ощущений: в данном случае, слуховых (“sounds”) и зрительных (“big”). Громкий и дерзкий голос Макмёрфи сразу же делает его “большим” в глазах Вождя.

Макмёрфи приносит в мир больницы смех. Способность смеяться над происходящим, даже если оно само по себе лишено комического начала, является ещё одним средством противостояния обществу и утверждения индивидуальности. Будучи неотъемлемой чертой внутренне свободного человека, в глазах Вождя, смех и способность смеяться делают человека сильным и решительным. Сам смех Макмёрфи кажется рассказчику “большим”: “big wide-open laugh of his”. Здесь мы имеем дело с примером использования метонимического переноса: признаки (“big wide-open”) переносятся на конкретную деталь образа персонажа (“laugh”). Этот художественный приём характеризует особенности восприятия мира Вождём, а также выступает как поддерживающий элемент развёрнутой метафоры, в

рамках которой физический размер человека является показателем его внутренней силы.

В конце романа метафора доходит до кульминационного момента, и Макмёрфи предстаёт в образе гиганта, сошедшего с небес: “McMurphy was a giant come out of the sky to save us from the Combine”. В *The Longman Dictionary of Contemporary English* существительное “giant” сопровождается следующими дефинициями: 1) “an extremely tall strong man, who is often bad and cruel, in children’s stories”; 2) “a very big man, animal, or plant”. Данное слово подразумевает выделение объекта из общей массы и его возвышение над другими. Можно утверждать, что в настоящем контексте слово “giant” обладает положительной адгерентной коннотацией.

Как показывает анализ материала, слово “big” обладает в тексте романа разными коннотациями в зависимости от того, кого оно описывает: применительно к сестре Рэтчед определение “big” ассоциируется с ненавистью и агрессией, тогда как в контекстах, связанных с Макмёрфи данное слово приобретает положительную коннотацию и сближается по значению со словами «свободный», «открытый», «сильный», «дерзкий».

Вспоминая своего отца, в прошлом вождя индейского племени, рассказчик говорит о том, что его отец некогда был большим, но под влиянием различных компонентов общества стал «маленьким»:

“The Combine. It worked on him for years. He was big enough to fight it for a while <...> Oh, the Combine’s big – big. He fought it a long time till my mother made him too little to fight any more and he gave up” [Kesey, 2008: 274].

Данный отрывок демонстрирует использование как положительной, так и отрицательной коннотации слова “big”. Говоря об отце: “he was big enough to fight”, Вождь Бромден имеет в виду его былую внутреннюю силу, энергию, способность отстаивать свои права и сопротивляться системе. Используя же данное слово применительно к «комбинату», рассказчик демонстрирует силу, влияние и вездесущность последнего. Это значение усиливается с

помощью повтора слова “big”. В тексте между этими повторяющимися словами стоит тире, что, безусловно, можно рассматривать как пример авторской расстановки знаков препинания. Это отражает просодические характеристики речи рассказчика и ставит на слове “big” смысловое ударение.

Сам факт отождествления физического размера и моральной силы человека может рассматриваться как элемент мифологического сознания, в рамках которого герой всегда является обладателем высокого роста и недюжинной силы. Это также характеризует естественность и природность образа индейца Бромдена.

Метафоризация размера имеет особую значимость в связи с образом самого Вождя Бромдена. Будучи внешне широким и высокорослым, он ощущает себя маленьким и бессильным. Это вызвано его постоянным, временами паническим чувством страха перед сестрой Рэтчед и «комбинатом». Пытаясь оставаться как можно более незаметным, Вождь притворяется глухонемым. Под влиянием Макмёрфи рассказчик начинает задумываться о том, кем он стал, пытается идентифицировать и понять самого себя:

“And later, hiding in the latrine from the black boys, I’d take a look at my own self in the mirror and wonder how it was possible that anybody could manage such an enormous thing as being what he was” [Kesey, 2008: 203].

В данном отрывке Вождь описывает себя как “enormous” (“very big in size or in amount; huge” – *LDCE*). Использование в настоящем контексте прилагательного, обозначающего крайнюю степень проявления признака, усиливает контраст между величиной и физической силой Вождя (данными ему от природы) и его внутренней слабостью (навязанной обществом-комбинатом).

Постепенно под влиянием Макмёрфи Вождь снова становится «большим» и находит в себе силы для побега из больницы. Показателем возвращения его природной силы, которая свидетельствует и о его внутреннем возрождении, стала его способность поднять и выбросить в окно огромный контрольный пульт.

Этот объект играет в романе символическую роль. В первой части романа Макмёрфи пытается поднять пульт, но его сил для этого не хватает:

“I don’t know what he’s driving at; broad and big as he is, it’d take three of him to move that panel, and he knows it. He can just look at it and see he probably couldn’t even tip it, let alone lift it. It’d take a giant to lift it off the ground” [Kesey, 2008: 160].

По словам Вождя, для поднятия панели нужен гигант (“a giant”). Макмёрфи, несмотря на то, что рассказчик называет его «гигантом, сошедшим с небес», не смог до конца реализовать себя как «гигант».

Перед побегом из больницы Вождю удаётся выполнить то, что не выполнил Макмёрфи в начале романа. Символичность этого эпизода заключается в том, что, освобождаясь от оков «комбината», Вождь ломает техническое устройство, позволявшее контролировать пациентов.

Таким образом, самоопределение личности, попытка человека понять самого себя и найти своё место в мире составляет важный аспект концепта «индивидуализм». Что касается его языкового выражения, автор прибегает к развёрнутой метафоре, в рамках которой слова “big” и “little” употребляются в переносном значении, обозначая духовную силу или слабость человека. В целом, слово “big” в контексте романа синонимично понятию «индивидуализм». Важнейшим средством утверждения права человека на индивидуальные проявления выступает его способность смеяться. Смех (“laugh”, “laughter”) может рассматриваться как важный компонент концепта «индивидуализм».

2.4.4. Индивидуализм как осознание человеком своей национально-культурной принадлежности.

Концепт «американский индивидуализм» реализуется в романе также через тему национальной идентичности. Данный аспект тесно связан с личностным самоопределением человека (см. предыдущий раздел данной

главы): начиная осознавать себя и своё место в мире, индивид не может не задуматься о своей национальной идентичности – характеристике, которая, с одной стороны, подразумевает принадлежность человека к большой группе людей (например, этнической группе), а с другой стороны, выделяет его среди остальных, является важной индивидуальной чертой.

Стоит отметить, что тема национальной идентичности связана в романе с образами Макмёрфи и Вождя Бромдена. Несмотря на то, что санитары в больнице являются афро-американцы, тема их национального самосознания никак не раскрывается в романе. Они обозначаются как “black boys” и предельно лишены каких бы то ни было личностных характеристик, поскольку выступают как инструменты, подручные средства «комбината» и старшей сестры. Кроме того, в слове “black” (согласно *The Longman Dictionary of Contemporary English*, одним из значений слова является “full of feelings of anger or hate”) заложена отрицательная ингерентная коннотация.

Макмёрфи – урождённый ирландец, о чём неоднократно упоминается в тексте романа: “all two hundred and ten red-headed psychopathic Irishman pounds of him”; “the big redheaded brawling Irishman”; “this Irish rowdy from a work farm”. Префикс Мак- (Mc-) является одним из характерных признаков ирландских фамилий. С ирландскими корнями Макмёрфи, возможно, связан его свободолюбивый, бунтарский дух. В XIX веке иммигранты из Ирландии составляли существенную часть иммиграции в США. Ассимилировавшись с американским обществом, они не только не утратили своей национальной идентичности, но и внесли важный культурный вклад в американский «плавильный котёл».

Некоторые исследователи романа утверждают, что Макмёрфи, бунтаря и апологета индивидуализма, можно отнести к архетипическим образам истинного американца. К примеру, Тони Тэннер (Tony Tanner) говорит о том, что Макмёрфи воплощает в своем образе исконно американское стремление к абсолютной свободе и независимости: “He [McMurphy] is acting out one of the

most enduring and simple of American fantasies – the will to total freedom, total bravery, total independence” [Tanner, 1971: 373].

В статье *The Moving Target: Ken Kesey’s Evolving Hero* Ричард Блессинг (Richard Blessing) называет Макмёрфи героем Фронттира. Фронтиром называется территория на западе Соединённых Штатов, освоение которой сыграло огромную роль в формировании американского национального характера, американских ценностей и американской картины мира. Попадая в суровые условия неизведанной земли, переселенцы вынуждены были полагаться на свои силы, проявлять изобретательность и смелость, чтобы выжить и устроить свою жизнь.

По словам Р. Блессинга, Макмёрфи, с присущими ему твёрдым индивидуализмом, неисчерпаемой энергией, практицизмом, мужественной грубоватостью и созидательной силой, по существу является героем Фронттира: “Essentially, the McMurphy who enters the ward is a frontier hero, an anachronic paragon of rugged individualism, relentless energy, capitalistic shrewdness, virile coarseness and productive strength” [Blessing, 1971: 620].

Стивен Тэннер называет *One Flew over the Cuckoo’s Nest* «западным романом», отражающим традиционно ассоциирующиеся с Фронтиром нравы, ценности и языковые особенности [Tanner, 1971: 18-20].

Таким образом, представляется возможным утверждать, что в образе Макмёрфи концепт «индивидуализм» реализуется как неотъемлемая и крайне важная часть американского национального характера.

Особое звучание тема национально-культурной идентичности обретает применительно к образу Вождя Бромдена, рассказчика. Будучи сыном вождя индейского племени и белой женщины, под воздействием «комбината» он утратил не только своё имя, но и свою национальную идентичность.

Как было сказано выше, урождённое имя его отца звучало по-английски как “The-Pine-That-Stands-Tallest-on-the-Mountain”. Однако, женившись на матери рассказчика, он отказался от своего имени и взял фамилию жены, что

стало одним из факторов, сделавших его отца «маленьким»: “Oh, the Combine’s big – big. He fought it a long time till my mother made him too little to fight any more and he gave up.” Развёрнутая метафора, связанная с размером, контекстуальное значение прилагательного “big” и его коннотации уже обсуждались в предыдущем разделе главы. Смена имени символизирует в романе утрату человеком исторической памяти и связи с культурным наследием своего народа.

В первой части романа Вождь полностью сосредоточен на попытке спрятаться от «комбината» и от реальности в целом, в его монологах нет места воспоминаниям или каким бы то ни было размышлениям о своей собственной жизни и об участии его народа. Однако под влиянием Макмёрфи в нём начинает просыпаться память. По мере того, как разворачиваются события романа, воспоминания об отце и индейской деревушке, где прошло его детство, обретают всю большую ясность, стиль описаний становится всё более экспрессивным.

В главе 17, рассматривая своё лицо в зеркале и пытаясь осмыслить свой жизненный путь, Вождь Бромден задумывается и о своих соплеменниках:

“There’d be my face in the mirror, dark and hard with big, high cheekbones like the cheek underneath them had been hacked out with a hatchet, eyes all black and hard and mean-looking, just like Papa’s eyes or the eyes of all those tough, mean-looking Indians you see on TV, and I’d think, That ain’t me, that ain’t my face” [Kesey, 2008: 203].

Индейцы описаны рассказчиком как “tough” и “mean-looking”. Данные прилагательные обладают ингерентными отрицательными коннотациями: “tough” – “likely to behave violently and having no gentle qualities; mean (mean-looking) - cruel or not kind” (*LDCE*). Характеризуя индейцев таким образом, автор передаёт переживания рассказчика о том, что случилось с его народом.

Став снова «большим» и вырвавшись из психиатрической клиники в конце романа, Вождь Бромден решает остановиться на какое-то время в родных

местах у реки Колумбия, чтобы увидеть, что стало с ними и с людьми, проживавшими в них:

“I might go to Canada eventually, but I think I’ll stop along the Columbia on the way. I’d like to check around Portland and Hood River and The Dalles to see if there’s any of the guys I used to know back in the village who haven’t drunk themselves goofy. I’d like to see what they’ve been doing since the government tried to buy their right to be Indians” [Kesey, 2008: 411].

В приведённом выше отрывке каждое предложение начинается с местоимения первого лица единственного числа “I”, что способствует индивидуализации образа Вождя: он проявляет свою способность связно, открыто и прямолинейно заявлять о своих желаниях.

Роман завершается следующими словами индейца Бромдена:

“Mostly, I’d just like to look over the country around the gorge again, just to bring some of it clear in my mind again.

I been away a long time” [Kesey, 2008: 411].

Для полного выздоровления Вождю необходимо снова увидеть родные места. Без осознания исторической и культурной связи со своим народом человек не способен по-настоящему утвердить свою индивидуальность, быть самодостаточной и самостоятельной личностью, а не безликим инструментом общественной машины. Таким образом, осознание человеком своей национально-культурной принадлежности, его память о предках, размышления о пути своего народа образуют важный аспект концепта «американский индивидуализм».

Выводы к главе 2.

На основе анализа текста романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» можно сделать следующие выводы:

1. Концепт «индивидуализм» принадлежит к числу сложных культурных концептов.

2. Формирование данного культурного концепта имеет долгую историю и тесно связано с социокультурными, историческими, социологическими, политическими философскими факторами.
3. Формирование концепта «американский индивидуализм» проходило в условиях становления молодой нации, в связи с чем именно разнообразные дискуссии, посвящённые оценкам данного понятия и различным его интерпретациям, сыграли важную роль в формировании американской картины мира и американского национального характера.
4. Противоречивость понятия «индивидуализм», возможность его различных интерпретаций и оценок отражены в различных словарях и энциклопедиях. В целом, можно утверждать, что в американском варианте английского языка слово «индивидуализм» обладает положительной коннотацией.
5. Роман Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» стал культовым произведением американской литературы 1960-х, оказав существенное влияние на современников и потомков и выразив основные конфликты и противоречия поколения, к которому принадлежал автор. 1950-е и 1960-е вошли в историю как период борьбы молодого поколения с конформизмом, попытки утвердить права и свободы отдельной личности в технократическом обществе, а также как время стремления познать разные аспекты личности, выйти за пределы сознания. Все эти факторы отразились в мировоззрении поколения битников (The Beat Generation), а затем и поколения хиппи (hippy). Одним из основных компонентов мировоззрения этих контркультурных течений стал вопрос о свободе личности в обществе и её праве на проявление своей индивидуальности. Поэтому текст романа Кена Кизи, за сюжетную основу которого берётся история противостояния отдельной яркой личности технократической обезличивающей системе, может служить

материалом для изучения лингвокогнитивных особенностей концепта «американский индивидуализм».

6. При исследовании лингвокогнитивных характеристик концепта «американский индивидуализм» на материале романа «Пролетая над гнездом кукушки» представляется целесообразным выделить несколько аспектов данного концепта. В данном случае эти аспекты можно сформулировать следующим образом: 1) индивидуализм как противостояние личности технократическому обществу; 2) индивидуализм как восстановление связи человека с природой; 3) индивидуализм как обретение человеком самого себя, самоопределение личности; 4) индивидуализм как осознание человеком своей национально-культурной принадлежности.
7. Все эти аспекты концепта «американский индивидуализм» выражаются в романе при помощи средств художественной выразительности, принадлежащих к разным языковым уровням: графическому, фонетическому, лексическому, грамматическому, синтаксическому. Важную роль в реализации авторского замысла играет развёрнутая метафора.
8. Анализ текста романа показывает, что «индивидуализм» следует рассматривать в качестве одного из основополагающих концептов американской картины мира и неотъемлемой части американского национального характера.

Рассуждая о месте романа Кена Кизи в американской литературе, профессор Орегонского университета Джордж Уикс (George Weekes) отмечает:

«Роман «Пролетая над гнездом кукушки» чрезвычайно традиционен для американской литературы. Как и многие наши произведения, этот роман написан о противоборстве одиночки-индивидуалиста с жесткой общественной структурой. Общество в романе – это население и служба больничного отделения. Одиночка – симулянт Мак Мерфи, свободная душа. А цербер,

стоящий на страже рутины, стандартов и правил, –старшая медсестра Рэтчед. Популярность этого романа в Америке трудно преувеличить» [Уикс Дж.: эл. ресурс].

ГЛАВА 3

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА «МАТЕРИАЛИЗМ»

3.1. Понятие «материализм» и его интерпретации в справочной литературе.

В зависимости от сферы употребления, термин «материализм» может иметь разные значения. В философском понимании, материализм – это направление философской мысли, в рамках которого материя, или материальное начало, признаётся основанием и субстанцией всех форм бытия [Новейший философский словарь: 407]. С точки зрения социологии и антропологии, материализм (или культурный материализм) рассматривается как подход, при котором материальные факторы считаются первопричиной многих сторон человеческой культуры [Джери Д., Джери Дж.: 360]. Важно отметить, что в большинстве русскоязычных словарей содержится именно философская интерпретация понятия «материализм».

Под термином «материализм» также можно понимать мировоззренческую позицию, в рамках которой стремление обладать материальными благами превалирует над духовными ценностями. Поэтому соответствующий перевод английского слова “materialism” в данной работе можно считать весьма условным.

Для полноценного рассмотрения материализма как национального культурного концепта представляется необходимым сделать краткий обзор дефиниций слова в различных словарях. Стоит отметить, что в английском языке понятие «материализм» нередко обладает отрицательными коннотациями, что может отражаться в определениях, приводимых в словарях.

К примеру, в *The Longman Dictionary of Contemporary English* дано следующее определение существительного “materialism”: the belief that money and possessions are more important than art, religion, moral beliefs, etc. – used in

order to show disapproval; the belief that only physical things really exist. Таким образом, слово в первом значении имеет негативную коннотацию и обозначает явно отрицательно оцениваемое явление.

Отрицательная эмоционально-экспрессивная окраска слова “materialism” отражена и в *The Longman Dictionary of English Language and Culture* (1999): 1) “*especially derog.* (too) great interest in and desire for possessions, money etc., rather than spiritual matters, art, etc.”; 2) *tech.* “the belief that only matter exists, and that there is no world of the spirit”.

В *The Oxford Advanced Learner’s Dictionary* (2000) приводятся следующие определения слова “materialism”: 1) “the belief that money, possessions and physical comforts are more important than spiritual values”; 2) “(*philosophy*) the belief that only material things exist”. Первая дефиниция помечена как выражающая отрицательную оценку (“*usually disapproving*”), то есть, согласно данному словарю, слово также обладает ингерентной отрицательной коннотацией.

Заложенные в значении слова отрицательные коннотации отражены в определении, приведённом в *The Chambers 21st Century Dictionary* (1999): 1) “*often derog.* excessive interest in or devotion to material possessions and financial success”; 2) “*philos.* the theory stating that only material things exist, especially denying the existence of a soul or spirit”. В первой словарной дефиниции слово помечено как “derogatory” (*рус. – крайне неодобрительная*).

Однако, на отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску слова “materialism” указывают далеко не все издания. Так, в *The Cambridge Advanced Learner’s Dictionary* (2008) данное существительное сопровождается следующими дефинициями: 1) “The belief that having money and possessions is the most important thing in life; 2) the belief that only physical matter exists and the spiritual world does not”. Как мы видим, здесь слово “materialism” лишено каких бы то ни было коннотативных значений.

Подобная ситуация наблюдается и в *The Collins English Dictionary* (1999): 1) “interest in and desire for money, possessions, etc., rather than spiritual or ethical values”; 2) “*Philosophy*. the monist doctrine that matter is the only reality and that the mind, the emotions, etc., are merely functions of it”.

Таким образом, дефиниции из различных современных англоязычных словарей показывают, что значение слова «материализм» может сопровождаться ингерентными отрицательными коннотациями или же может изначально быть представлено в нейтральном освещении. В независимости от этого, из всех вышеперечисленных определений следует, что основным значением слова «материализм» (“materialism”) можно считать преобладание материальных ценностей над духовными. Как показывают словарные дефиниции, в лексических единицах «материализм» и «материальный» изначально заложено противопоставление духовному началу и духовным ценностям.

Обобщая приведённые выше дефиниции, можно сформулировать следующее определение материализма как одного из основополагающих концептов американской картины мира: способ восприятия и понимания действительности, при котором материальные ценности воспринимаются как наиболее важные для достижения успеха и счастья.

3.2. Освещение роли материализма в американской картине мира в литературе исторического, социологического, культурологического и лингвистического характера.

О важности материализма в системе ценностей американца писали многие авторы, как зарубежные, так и отечественные.

Мишель Шевалье (Michel Chevalier), французский экономист и политический деятель середины XIX века, в произведении *Society, Manners and Politics in the United States* отмечает, что любая мысль американца направлена на овладение материальным миром. Этой цели, по словам Шевалье,

подчиняются все сферы: образование, политика, общественная и частная жизнь [Chevalier, 1961: 262].

Алексис де Токвиль (Alexis de Tocqueville), ещё один известный французский автор, внёсший значительный вклад в исследования социокультурной жизни Соединённых Штатов Америки, в первой части книги «Демократия в Америке» (1835) утверждает, что он не знает страны, где страсть к материальным благам имела бы такой размах, как в Соединённых Штатах Америки: “I know of no country, indeed, where the love of money has taken stronger hold on the affections of men” [Tocqueville, 1945: Vol.1, p. 51].

Во второй части своего труда Токвиль развивает эту идею и называет стремление к благополучию основным пристрастием нации: “The love of well-being has now become the predominant taste of the nation; the great current of human passions runs in that channel and sweeps everything along its course”. [Tocqueville, 1945: Vol. 2, p. 130] Токвиль также называет материализм опасной болезнью рассудка (“a dangerous disease of the human mind”) и предупреждает о том, что в демократическом обществе материализм может быть особенно опасным [Tocqueville, 1945: Vol.2, p. 145].

Говоря о значимости концепта «материализм» в американской культуре и в национальной картине мира, стоит также упомянуть высказывание американского философа и писателя-трансценденталиста Ральфа Уолдо Эмерсона (Ralf Waldo Emerson) о том, что человек рождён для того, чтобы быть богатым или же стать таковым благодаря своим способностям и единению мысли с природой: “Man was born to be rich or inevitably grows rich by the use of his faculties; by the union of thought with nature. Property is an intellectual production” [Emerson, 1876: эл. ресурс].

Ральф Бартон Перри, американский философ конца XIX – первой половины XX вв., в своём лекционном курсе *Characteristically American*, ссылаясь на Генри П. Фэйрчайлда, упоминает “material mindedness” среди основополагающих характеристик типичного американца [Perry, 1949: 4]. В то

же время, автор подчёркивает, что было бы ошибочным считать, что успех для американцев сводится лишь к обладанию материальными ценностями [Perry, 1949: 25].

Нил Чемберлен (Neil W. Chamberlain) в книге *Remarking American Values. Challenge to a Business Society*, рассуждая о материализме как о явлении американского национального характера, подчёркивает, что само по себе стремление к выгоде не является сугубо американской чертой, однако же именно у американцев это стремление стало столь сильным и неутолимим. По мнению автора, этот фактор во многом сформировал мысли и действия большинства американцев и его значимость со временем лишь возросла: “What has distinguished the United States is the ubiquity and depth of such passion. It has molded if not preoccupied the thought and actions of most Americans from the nation’s beginning. Its hold has increased, not diminished, with the passage of time” [Chamberlain, 1977: 41 - 42].

С точки зрения Чемберлена, можно выделить три основные причины склонности американцев к материализму. Прежде всего, автор говорит о беспрецедентных условиях, в которых оказались первые переселенцы. По его словам, колонистам неоткуда было ждать финансовой и материальной поддержки, они были вынуждены самостоятельно бороться за своё существование, и во многом поэтому экономическое развитие стало вопросом выживания. Во-вторых, согласно Чемберлену, существенное влияние на мировоззрение американцев оказала пуритано-протестантская этика, в рамках которой поощрялось преодоление препятствий на пути к материальному благополучию.

В качестве третьей причины автор приводит демократическую основу американского общества. Как отмечает автор, если система ценностей аристократического общества основана на памяти о предках, чувстве гордости за свою семью, повышенном интересе к искусству и науке, идее гражданского долга, то обществу, устроенному по принципу демократии, необходима идея,

которая была бы понятна и доступна для всех. В американском обществе такой идеей стало стремление к материальному благополучию.

Развивая мысль о демократии как идеологической основе материализма, Чемберлен приходит к следующему заключению: демократия легко отождествила себя с материализмом, а бизнес (по сути, конституированный материализм) стал отождествлять себя с демократией. Являясь наиболее демократическим из всех обществ, Америка стала также самым материалистическим [Chamberlain, 1977: 42].

Эдвард Стюарт (Edward C. Stewart) и Милтон Беннет (Milton J. Bennett), авторы книги *American Cultural Patterns. A Cross-Cultural Perspective*, также рассматривают материализм, идею неприкосновенности частной собственности как основу Конституции Соединённых Штатов и американской демократии [Stewart, Bennett, 1991: 118].

Американский историк и писатель Мозес Ришин (Moses Rischin) в книге *The American Gospel of Success: Individualism and Beyond* говорит о том, что США – это, возможно, единственная страна в мире, в которой стремление к обладанию материальными благами стало трансцендентальной идеей [Rischin, 1965: 3].

О важности материальных благ в системе ценностей американца пишет и антрополог Роберт Коулз (Robert L. Cohls) в статье *The Values Americans Live By*. Автор утверждает, что, хотя, по мнению американцев, люди других национальностей преувеличивают их страсть к материальным приобретениям и накоплениям, материализм является одним из краеугольных камней американской картины мира, превосходя по степени значимости межличностные отношения:

“But by any standard, Americans are materialistic. This means that they value and collect more material objects than most people would ever dream of owning. It also means they give higher priority to obtaining, maintaining and protecting their

material objects than they do in developing and enjoying interpersonal relationships” [Cohls: эл. ресурс].

Кэри Алтхен (Cary Althen) и Дженет Беннет (Janet Bennett) в книге *American Ways. A Cultural Guide to the United States* отмечают, что для американцев стремление к обладанию материальными благами не просто является правильным и естественным, но и лежит в одном русле с идеей упорного труда, личных достижений, обеспечения лучшего будущего для своей семьи [Althen, Bennett, 2011: 22-23].

Таким образом, как видно из приведённого выше обзора литературы, материализм является важным культурным концептом, составляющим неотъемлемую часть американской национальной языковой картины мира.

3.3. Лингвокогнитивные характеристики концепта «материализм» (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»)

В данной главе лингвокогнитивные особенности концепта «материализм» рассматриваются на материале текста романа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби».

Произведение вышло в свет в 1925 году, в разгар так называемых «ревущих двадцатых» (“The Roaring Twenties”), или «эпохи джаза» (“The Jazz Age”). Оно стало символом и манифестом того времени, в полной мере отразившим особенности жизни американского общества в указанный период: большой разрыв между богатыми и бедными, возведение атрибутов роскоши и развлечений в ранг культа, безудержный материализм, всевозрастающее массовое потребительство. Эти явления были связаны, прежде всего, с небывалым экономическим подъёмом, который страна переживала после Первой мировой войны.

Экономический подъём, а также принятый в 1920 году Сухой закон и последующее распространение незаконной торговли алкоголем открыли для многих путь к «лёгким деньгам», полученным часто нелегальным путём, а не в

результате упорного честного труда, считавшихся основополагающей ценностью и традиционным образом жизни американцев.

В течение 1920-х годов значительные изменения произошли не только в том, что касалось уровня жизни довольно большой части населения страны. Изменения коснулись практически всех сфер жизни людей. Феминизм, значительное расширение прав женщин, технический прогресс, рост массового производства и потребления привели к тому, что радикально изменились культурная жизнь, ценности, отношения. Значительную роль сыграло также завершение Первой мировой войны. После трудностей военного времени люди искали развлечений и удовольствий и предпочитали жить настоящим. Стремление к удовольствиям в сочетании с резко увеличившейся покупательной способностью значительной части населения привели к росту значимости материальных ценностей.

Своеобразным эпиграфом к этому периоду можно считать следующие слова Ф.С. Фицджеральда: “The buildings were higher, the parties were bigger. The morals were looser and the liquor was cheaper”. [Fitzgerald, 2005: 112]

Роман «Великий Гэтсби» ярко и наглядно демонстрирует образ жизни, свойственной среднему и высшему классам американского общества «ревуших двадцатых»: беззаботность, часто переходящая в безответственность, распространение нелегального бизнеса, стремление к наживе, «лёгким деньгам» и сиюминутным удовольствиям, неограниченный материализм, приводящий порой к трагическим последствиям.

Гай Рейнолдс, автор предисловия к роману (серия *Wordsworth Classics*), утверждает, что роман Фицджеральда не просто достоверно и точно описал жизнь общества потребления периода 1920-х, но также стал во многом пророческим. По словам Рейнолдса, изображённые в романе разрушительные последствия сугубо материалистического подхода к жизни предвосхищают последовавший в 1929-м году сильнейший биржевой крах и начавшуюся за ним Великую депрессию 1929 – 1933 годов [Reynolds, 2001: эл. ресурс].

Таким образом, текст романа «Великий Гэтсби» даёт богатый материал для изучения лингвокогнитивных характеристик концепта «американский материализм». В данной работе в целях большей наглядности лингвокогнитивного анализа выделяется несколько аспектов концепта «материализм»:

1. материализм как основополагающий компонент «американской мечты»;
2. материализм как фактор разложения общества;
3. материализм и его проявления в личной сфере человека;

Языковое выражение каждого из этих аспектов будет рассматриваться отдельно.

3.3.1. Материализм как основополагающий компонент «американской мечты».

Материализм является важной составляющей сложного культурного концепта «американская мечта» (*the American Dream*). Об этом говорится в разных источниках, посвящённых исследованию данной темы.

К примеру, современный американский историк Мэттью Ворсхауэр (Matthew Warshauer) в статье “Who Wants to be a Millionaire: Changing Conceptions of the American Dream” отмечает, что жажда денег является неотъемлемым и наиболее устойчивым компонентом «американской мечты»: “One component of the American Dream seems, however, to be fairly consistent: the quest for money. Few will deny that Americans are intently focused on the “almighty dollar” [Warshauer: эл. ресурс].

Такая точка зрения находит подтверждение и при обращении к словарям. В *The Longman Dictionary of English Language and Culture* приводится следующее определение понятия “the American Dream”: “the idea that the US is a place where everyone has the chance of becoming rich and successful”. В словаре *Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus* понятие “The American

Dream” определяется как “an American social ideal that stresses egalitarianism and especially material prosperity”. В данной дефиниции также подчёркивается идея материального успеха как основы «американской мечты».

О тесной взаимосвязи концептов «материализм» и «американская мечта» говорит Л.Л. Баранова в статье «Концепт "американская мечта": его структура и реализация в языковой деятельности людей». Автор выделяет три главных компонента «американской мечты»: «1) стремление к материальному благополучию; 2) достижение счастья, идеалов демократии, равенства и свободы; 3) Соединённые Штаты Америки – исключительная страна, где можно этого добиться» [Баранова, 2007: 79]. Как отмечает Л.Л. Баранова, первая составляющая «американской мечты» впервые была более или менее чётко обозначена в романе Горацио Элджера (Horatio Alger) *Ragged Dick* (1867). Данное произведение основано на типично американской идее, что упорный и честный труд должен привести человека к материальному успеху и исполнению его мечты [Баранова, 2007: 79].

Одним из аспектов материализма является потребительство, или консюмеризм (транслитерация англ. *consumerism*) – стремление приобретать как можно больше товаров и услуг; нередко неодобрительное (“the belief that it is good to buy and use a lot of goods and services; often used to show disapproval” – *LDCE*).

Т.Ю. Ма в диссертационной работе «Национальное самосознание в контексте языка и культуры» причисляет потребительство (консюмеризм) к основным чертам американского сознания. По словам автора, именно консюмеризм, среди нескольких других характеристик, «ассоциируется в сознании представителей других этнических групп с американской нацией» [Ma, 2001: 80].

Американский историк и писатель Джим Куллен (Jim Cullen) утверждает, что несмотря на то, что «американская мечта» является общенациональным, глобальным явлением, существует несколько её разновидностей. Это часто

обусловлено историко-географическими и социально-политическими факторами. В первую очередь, автор выделяет «пуританскую мечту» (“the Puritan dream”). Её исторической родиной является Новая Англия (регион на северо-востоке США, место одного из первых поселений пилигримов). В основе «пуританской мечты» лежат идеи пуритано-протестантской трудовой этики, в частности, убеждение, что упорный и постоянный труд является единственным приемлемым путём к успеху, а также вера в реформы и постепенный прогресс.

«Пуританская мечта» тесно связана со второй разновидностью «американской мечты», которая восходит к Декларации независимости США и получила наибольшее распространение на юге страны. Автор обозначает эту мечту как «мечту о равенстве» (“the Dream of Equality”) и связывает её с лозунгом “Life, liberty and the pursuit of happiness”, который впервые приводится именно в этом историческом документе.

В качестве третьей разновидности «американской мечты», имеющей, по словам автора, сильный среднезападный акцент, Куллен приводит желание продвижения по социальной лестнице (“the Dream of Upward Mobility”), что имеет тесную связь с характерно американским понятием “self-made man”. Четвёртый вариант «американской мечты», согласно автору, восходит к учениям Мартина Лютера Кинга и обозначается им как «мечта о социальном равенстве» (“the Dream of Social Equality”). Пятой (и наиболее полно реализованной) мечтой является мечта о владении домом (“the Dream of Home Ownership”), которая имеет ярко выраженную западную ориентацию.

Если все вышеперечисленные аспекты «американской мечты», основанные на идеях упорного труда, справедливости, равенства и прогресса, являются более или менее взаимосвязанными и лежат в одной и той же мировоззренческой плоскости, то шестая разновидность им в значительной степени противоречит. Речь идёт о так называемой «мечте побережья» (“the dream of the Coast”). Её источниками можно считать золотую лихорадку,

распространение азартных игр и финансовых спекуляций. «Мечта побережья» основывается на желании очень быстро заполучить как можно больше благ не путём честного и упорного труда, а с помощью везения, умелых манипуляций с финансами или нелегальной деятельности. Как подчёркивает Куллен, если предыдущие пять вариантов «американской мечты» учитывают опыт предков и направлены на будущее (через постепенный прогресс, стабильность и улучшение условий), то шестая мечта сконцентрирована лишь на настоящем, на желании сиюминутных развлечений и удовольствий [Cullen, 2003: 160-161]. Стоит добавить, что именно такой подход стал доминировать в эпоху «ревуших двадцатых».

В романе «Великий Гэтсби» представлены, главным образом, первое и последнее представления об «американской мечте». Идея «пуританской мечты» реализуется в образе Ника Каррауэя, рассказчика, который приезжает в начале романа на Лонг Айленд, чтобы заняться облигациями. Как отмечает Гай Ж. Рейнолдс, семья Каррауэев воплощает в романе традиционный американский подход к зарабатыванию денег, основанный на самостоятельных достижениях, упорном труде и материализме (в традиционном понимании): “They incarnate the old American economy of the self-made man, solid workmanship and materialism” [Reynolds: эл. ресурс].

Примечательно, что именно в связи с линией Ника в романе возникает тема семьи и преемственности поколений:

“My family have been prominent, well-to-do people in this middle-western city for three generations. The Carraways are something of a clan and we have a tradition that we’re descended from the Dukes of Buccleuch, but the actual founder of my line was my grandfather’s brother who came here in fifty-one, sent a substitute to the Civil War and started the wholesale hardware business that my father carries on today” [Fitzgerald, 2013: 5].

Семья рассказчика характеризуется эпитетами “prominent” и “well-to-do”. Согласно *LDCE*, “prominent” означает “important”, а “well-to-do” определяется

как “rich and with a high social position”. Таким образом, данные прилагательные обладают положительными коннотациями, что отражает отношение автора к такому «традиционному» материализму. Ритмическая организация текста здесь также является значимой. В рассказах Ника Каррауэя о его семье используется постепенный ритм, основанный на возрастающей длительности синтагм, что отражает идею медленного, но уверенного прогресса, заложенную в пуритано-протестантской этике, приверженцем которой является рассказчик.

Однако, линия Ника Каррауэя в романе является, безусловно, второстепенной. Рассказчик является, пожалуй, единственным персонажем романа, для которого традиционные ценности и мораль имеют значение. С точки зрения мировоззрения, Ник противопоставлен всем остальным персонажам романа, что отражает антитезу старых и новых ценностей. Это ярко проявляется в описании Лонг-Айленда и дома рассказчика:

“Twenty miles from the city a pair of enormous eggs, identical in contour and separated only by a courtesy bay, jut out into the most domesticated body of salt water in the Western Hemisphere, the great wet barnyard of Long Island Sound. <...>

I lived at West Egg, the – well, the less fashionable of the two, though this is a most superficial tag to express the bizarre and not a little sinister contrast between them. My house was at the very tip of the egg, only fifty yards from the Sound, and squeezed between two huge places that rented for twelve or fifteen thousand a season. The one on my right was a colossal affair by any standard – it was a factual imitation of some Hotel de Ville in Normandy, with a tower on one side, spanking new under a thin beard of raw ivy, and a marble swimming pool and more than forty acres of lawn and garden. It was Gatsby’s mansion. Or rather, as I didn’t know Mr. Gatsby it was a mansion inhabited by a gentleman of that name. My own house was an eye-sore, but it was a small eye-sore, and it had been overlooked, so I had a view of the water, a partial view of my neighbor’s lawn, and the consoling proximity of millionaires – all for eighty dollars a month” [Fitzgerald, 2013: 9].

В отрывке подчёркивается разница между двумя похожими, с точки зрения внешнего вида, частями Лонг-Айленда. Этому способствуют такие слова, как “separated”, “jut out”, “contrast”. Их объединяет семантический признак, который можно обозначить как «различие, противоречие». Контраст между двумя частями характеризуется как “the bizarre and not a little sinister contrast”. Слово “bizarre” (“very unusual or strange” – *LDCE*) подчёркивает неестественность этой ситуации, а прилагательное “sinister” (“making you feel that something evil, dangerous, or illegal is happening or will happen” – *LDCE*) обладает ярко выраженными ингерентными отрицательными коннотациями, что усиливает ощущение глубокого противоречия между двумя укладами жизни.

Части Лонг-Айленда разделяет только небольшая бухта – “a courtesy bay”. В *LDCE* слово “courtesy” сопровождается следующими дефинициями: “polite behaviour and respect for other people; something you do or say to be polite.” Это словосочетание выполняет в тексте важную эмоционально-экспрессивную функцию. С точки зрения пяти категорий, словосочетание можно охарактеризовать как коннотативное, неклишированное, неидиоматическое, социалингвистически не детерминированное, концептуально не обусловленное. Данное словосочетание не только вносит в текст экспрессию, но и подчёркивает разрыв между социальными группами. Оно также является характерным для стиля рассказчика и передаёт его ироничное отношение к окружающим его атрибутам роскоши.

Вторая часть данного отрывка построена на противопоставлении роскошного особняка Гэтсби и скромного дома Ника Каррауэя. Дом Гэтсби обозначается рассказчиком как а “colossal affair” и “mansion”. Слова “colossal” (“used to emphasize that something is extremely large”) и “mansion” (“a very large house”) объединены значением «чрезвычайно большой размер» и передают грандиозность и небывалую роскошь дома Гэтсби. Этой огромной постройке противопоставлен дом рассказчика, который он иронично называет «бельмом

на глазу» (an eyesore: “something that is very ugly, especially a building surrounded by other things that are not ugly” – *LDCE*).

Среди прочих возможностей, жизнь на Лонг-Айленде позволяет Каррауэю наслаждаться «приятным сознанием непосредственного соседства миллионеров – все за восемьдесят долларов в месяц» (пер. Е. Калашниковой). Слово “millionaires”, выражающее идею роскоши, иронично противопоставлено в данном контексте конкретной небольшой сумме денег, которую рассказчик платил за своё жилище: “eighty dollars a month”. В широком смысле, данная антитеза является важным элементом представленного в романе противопоставления двух вариантов «американской мечты» и, соответственно, двух разных взглядов на материализм.

В целом, описание предметов роскоши играет важную роль в романе. Ярким символом неограниченного материализма выступает автомобиль Гэтсби. Описанию лимузина отводится важная роль не только из-за его символического значения, но и из-за сюжетообразующей функции, выполняемой им (находясь за рулём автомобиля Гэтсби, Дэйзи Бьюкенен становится невольной виновницей смерти Миртл Уилсон, любовницы её мужа Тома).

“I'd seen it. Everybody had seen it. It was a rich cream color, bright with nickel, swollen here and there in its monstrous length with triumphant hat-boxes and supper-boxes and tool-boxes, and terraced with a labyrinth of wind-shields that mirrored a dozen suns. Sitting down behind many layers of glass in a sort of green leather conservatory, we started to town” [Fitzgerald, 2013: 57].

Как известно, собственный автомобиль является неотъемлемым атрибутом «американской мечты». К примеру, профессор Ворсхауэр отмечает: “In a society dedicated to capitalism and the maxim that, “the one who dies with the most toys wins,” the ability to purchase a big house and a nice car separates those who are considered successful from those who are not” [Warshauer: эл. ресурс]. В романе Фицджеральда этот аспект мечты снова доведён до абсолюта. С одной стороны, в описании показывается грандиозность автомобиля Гэтсби. Эффект

достигается с помощью словосочетания “triumphant hat-boxes and supper-boxes and tool boxes”. Прилагательное “triumphant” является очень экспрессивным и обладает ярко выраженной ингерентной коннотацией. В значении слова присутствует компоненты «победа», «успех» (triumphant – “having achieved a great victory (= winning a war or competition) or success, or feeling very happy and proud because of such an achievement” – *LDCE*). Примечательно, что данное прилагательное сочетается со словами, обозначающими части автомобиля: “hat-boxes”, “supper-boxes”, “tool-boxes”. Рассматривая данное словосочетание с точки зрения пяти категорий, можно охарактеризовать его как коннотативное, невоспроизводимое, неидиоматичное, концептуально не обусловленное, социолингвистически не обусловленное.

Идее успеха и победы, заложенной в слове “triumphant”, противоречит ощущение угрозы и опасности, выражаемое с помощью словосочетания *monstrous length*. Прилагательное “monstrous” имеет ярко выраженную отрицательную ингерентную коннотацию, подразумевая сравнение автомобиля с чудовищем: (monstrous: “very bad and cruel; like a monster” – *LDCE*). Так автор не только намекает на важную, во многом роковую роль лимузина Гэтсби в романе, но и говорит об угрозе, заключённой в том, что символизирует этот автомобиль – во всепоглощающем материализме, свойственном американцам во время «ревуших двадцатых».

Эта идея реализуется и при помощи ритмической организации текста. В отрывке использован переменный ритм и нарастание:

“It was a rich cream color, | bright with nickel, | swollen here and there in its monstrous length with triumphant hat-boxes and supper-boxes and tool-boxes, | and terraced with a labyrinth of wind-shields that mirrored a dozen suns.”

Нарастание, поддержанное в третьей синтагме синтаксическим параллелизмом, помогает передать напряжение и чувство опасности, связанное с автомобилем Гэтсби.

Важную смысловую и символическую роль играет в романе описание вечеринки Гэтсби. С его помощью автор показывает всепоглощающее стремление своих современников к развлечениям и потреблению.

“By seven o'clock the orchestra has arrived, no thin five-piece affair, but a whole pitful of oboes and trombones and saxophones and viols and cornets and piccolos, and low and high drums. The last swimmers have come in from the beach now and are dressing up-stairs; the cars from New York are parked five deep in the drive, and already the halls and salons and verandas are gaudy with primary colors, and hair shorn in strange new ways, and shawls beyond the dreams of Castile. The bar is in full swing, and floating rounds of cocktails permeate the garden outside, until the air is alive with chatter and laughter, and casual innuendo and introductions forgotten on the spot, and enthusiastic meetings between women who never knew each other's names” [Fitzgerald, 2013: 37].

Атмосфера беззаботного веселья создаётся здесь с помощью разного рода языковых средств, в первую очередь, лексических. В начале отрывка перечисление музыкальных инструментов с помощью союза “and” (“a whole pitful of oboes and trombones and saxophone and viols and cornets and piccolos”) способствует воссозданию музыкального фона вечеринки. Примечательно, что перечисляются инструменты, которые используются в джазовой музыке: духовые (*oboes, trombones, saxophone, cornet, piccolos*), струнные (*viols*) и ударные (*drums*).

Ощущение быстрого и беспорядочного движения привносится с помощью соответствующих лексических единиц: глаголов “arrive”, “permeate” и причастия “floating”. Важную лексическую группу образуют слова, имеющие общее значение «веселье»: “chatter”, “laughter”, “enthusiastic”. Важно отметить, что все эти слова обозначают только внешнее проявление радости. Таким образом, автор намекает на поверхностность и внутреннюю пустоту людей, охваченных неутолимой жадой развлечений и материальных благ. Ощущение поверхностности и, в какой-то степени, неестественности

происходящего поддерживается словосочетаниями “casual innuendo” и “introductions forgotten on the spot.”

Большое значение для реализации замысла автора имеет словосочетание “gaudy with primary colors.” Прилагательное “gaudy” имеет ингерентную отрицательную коннотацию, вызывая ассоциации с кричащими цветами, претензией на роскошь и дешевизной (gaudy: “clothes, colours etc. that are gaudy are too bright and look cheap – used to show disapproval” – *LDCE*). Помимо этого, здесь мы можем видеть пример использования Фицджеральдом цветовой символики. *Primary colours* – это красный, синий и жёлтый цвета (*primary colours*: “one of the three colours red, yellow, and blue, which you can mix together to make any of the other colours” – *LDCE*).

Если обратить внимание на ритмико-синтаксическую организацию отрывка, можно заметить, что она также вносит в текст экспрессию, создавая ощущение эйфории, беззаботного (порой доходящего до гротеска) веселья. Текст (в особенности его последняя часть) образован чередованием коротких и длинных синтагм:

“The bar is in full swing, | and floating rounds of cocktails permeate the garden outside, | until the air is alive with chatter and laughter, | and casual innuendo and introductions forgotten on the spot, | and enthusiastic meetings between women who never knew each other's names”.

Таким образом, перед нами образец переменной ритмической структуры. Ритм текста имитирует ритм джаза, который, как известно, строится на импровизации и чередовании. Кроме того, предложение организовано как перечисление. В художественном тексте перечисление обладает широкими выразительными возможностями. Как отмечает О.В. Александрова, перечисление придаёт тексту эмоциональное усиление и служит основой для такой стилистической фигуры, как нарастание [Александрова, 2009: 101–102]. Параллельное построение синтагм, соединённых союзом “and”, а также увеличение словесного объёма перечисляемых элементов указывают на то, что

данный отрывок можно считать примером использования фигуры нарастания в художественном тексте. Это также способствует ощущению того, что письменный текст имитирует музыкальный отрывок.¹¹

Оживлённость и динамика передаются также с помощью грамматических форм глаголов: повествование ведется с использованием форм настоящего времени (Present Perfect, Present Simple).

Историю превращения скромного провинциала Джея Гетца в Гэтсби можно рассматривать как классическую историю воплощения «мечты побережья» [Cullen, 2003: 161].

Согласно сюжету романа, Джей Гетц родился в Северной Дакоте и в семнадцать лет переезжает на Верхнее озеро (Lake Superior), где становится разнорабочим. Он встречает миллионера Дэна Коди, и тот нанимает его к себе на яхту. После смерти Коди оставляет Гетцу двадцать пять тысяч долларов, однако эти деньги ему так и не удалось получить. Далее он попадает на поля Первой мировой войны и получает награду за выдающиеся заслуги. О дальнейшей деятельности Джея Гетца, в результате которой он стал владельцем роскошного особняка и лимузина, в романе не говорится прямо, но читателю даётся понять, что вся эта роскошь пришла к нему в результате различных спекуляций и нелегального бизнеса. Гэтсби скрывает своё настоящее происхождение и создаёт легенду о самом себе:

“His parents were shiftless and unsuccessful farm people – his imagination had never really accepted them as his parents at all. The truth was that Jay Gatsby, of West Egg, Long Island, sprang from his Platonic conception of himself” [Fitzgerald, 2013: 130].

Настоящие родители Гэтсби характеризуются как “shiftless” (“lazy and having no interest in working hard or trying to succeed” – *LDCE*) и “unsuccessful”

¹¹ Вопросы, связанные с прагмафоностилистическими особенностями английской речи (британского и американского вариантов), а также с прагмафоностилистикой чтения прозы Ф.С. Фицджеральда (на материале романа «Великий Гэтсби») и цветообозначений в романе широко освещены в диссертации Н.Г. Дечевой «Филологическое чтение американской художественной литературы в прагмафонетическом освещении». (см. Дечева Н.Г. «Филологическое чтение американской художественной литературы в прагмафонетическом освещении». Дисс. ... канд. филол. наук. М.: 2006)

(“not having a successful result or not achieving what you wanted to achieve” – *LDCE*). Оба слова обладают отрицательными ингерентными коннотациями и объединены значением «отсутствие успеха». Желание материального успеха оказывается настолько важным для Джея Гэтца, что заставляет его внутренне отречься от своей семьи и создать «платоническую концепцию» самого себя. Согласно этой концепции, он является «сыном божьим». В данном контексте под богом понимается всепоглощающий материализм, верным слугой которого становится Гэтсби:

“He was a son of God – a phrase which, if it means anything, means just that – and he must be about His Father’s Business, the service of a vast, vulgar and meretricious beauty. So he invented just the sort of Jay Gatsby that a seventeen-year-old boy would be likely to invent, and to this conception he was faithful to the end” [Fitzgerald, 2013: 130].

Библейские аллюзии, задействованные в данном отрывке подчёркивают, насколько далеко современное автору общество ушло от традиционных пуритано-протестанских ценностей в сторону неограниченного материализма и потребительства. «Бог» американского общества 1920-х является покровителем «вездесущей, вульгарной и мишурной красоты» (пер. Е. Калашниковой). Словосочетание “vast, vulgar and meretricious beauty” обладает ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской. Экспрессивность достигается за счёт, прежде всего, коннотативных элементов значения слов. Слова “vulgar” (“rude and offensive” – *LDCE*) и “meretricious” (“something that is meretricious seems attractive but has no real value or is not based on the truth” – *LDCE*) имеют отрицательную ингерентную коннотацию. Кроме того, автор прибегает к аллитерации (“vast, vulgar”), что усиливает выразительность текста и подчёркивает, насколько всепоглощающим стал материализм в современном автору обществе. Сочетание однородных определений, состоящих из увеличивающегося количества слогов (“vast, vulgar, meretricious”), представляет

собой пример нарастания, что, в свою очередь, усиливает напряжённость и трагизм, заложенные в тексте.

Для Гэтсби успех и счастье синонимичны материальному успеху. Так, яхта Дэна Коди является для юного Джея Гетца воплощением всего самого прекрасного и удивительного в мире: “To the young Gatz, resting on his oars and looking up at the railed deck, the yacht represented all the beauty and glamor in the world” [Fitzgerald, 2013: 133]. Слова “beauty” (“a quality that people, places, or things have that makes them very attractive to look at” – *LDCE*) и “glamor” (“the attractive and exciting quality of being connected with wealth and success” – *LDCE*) обозначают весьма сложные и широкие понятия. Однако же, для юного Гэтсби они сводятся к атрибуту роскоши и богатства.

Мечта Джея Гетца о богатстве, успехе и славе описывается как “a universe of ineffable gaudiness” [Fitzgerald, 2013: 131]. Словосочетание “ineffable gaudiness” выполняет воздействующую, экспрессивную функцию. Оба слова (ineffable: “too great to be described in words” – *LDCE*; gaudiness: “clothes, colours etc. that are gaudy are too bright and look cheap – used to show disapproval” – *LDCE*) имеют оттенок значения «слишком». Части данного словосочетания обладают противоположным ингерентными коннотациями (“ineffable” – положительная, “gaudiness” – отрицательная). Таким образом, словосочетание представляет собой оксюморон («фигура речи, состоящая в соединении двух антонимических понятий») [Ахманова, 1966: 276]. Кроме того, слово “gaudiness”, обозначающее слишком яркие и крикливые цвета, может вызывать ассоциации с рекламными объявлениями.

Таким образом, можно утверждать, что в романе противопоставлены два варианта «американской мечты» и, соответственно, два варианта материализма. В связи с линией Ника Каррауэя материализм рассматривается в русле протестантской трудовой этики – как свойственное американцу стремление к лучшей жизни через усердие, честный и упорный труд, постепенное продвижение вверх по социальной лестнице, соблюдение правил и законов. Что

же касается линии Гэтсби, к которой в данном случае примыкают остальные обитатели Лонг-Айленда, материализм обретает отрицательные коннотации, рассматривается как стремление к быстрой наживе и выставленной напоказ роскоши, как нарушение общественных правил и законов для достижения материального успеха, превращение материальных ценностей в цель и смысл жизни. Примечательно, что вторая линия получает в романе гораздо более полное освещение, в ней задействовано большее количество персонажей, что отражает широкое распространение такого мировоззрения в эпоху «ревуших двадцатых».

3.3.2. Материализм как фактор разложения общества.

В романе «Великий Гэтсби» затрагивается также социальная сторона концепта «материализм» и описываются явления, к которым приводит неограниченное стремление к приобретению материальных благ: коррупция, общественное неравенство, большой имущественный разрыв между разными слоями населения.

Разрыв между социальными группами показан через противопоставление Лонг-Айленда, с его беззаботностью, нарочитой роскошью, показным блеском и громкими вечеринками, и «Долины Шлака» – гипертрофированного образа гигантской свалки, находящейся между Уэст-Эггом и Нью-Йорком. Если в описании жизни на Лонг-Айленде используются яркие, броские цвета (“gaudy colours”), то Долина Шлака (“the valley of ashes”) представлена как область серого цвета, символизирующего в романе бедность и тоску:

“About half way between West Egg and New York the motor-road hastily joins the railroad and runs beside it for a quarter of a mile, so as to shrink away from a certain desolate area of land. This is a valley of ashes – a fantastic farm where ashes grow like wheat into ridges and hills and grotesque gardens where ashes take the forms of houses and chimneys and rising smoke and finally, with a transcendent effort, of men who move dimly and already crumbling through the powdery air. Occasionally a line of grey cars crawls along an invisible track, gives out a ghastly

creak and comes to rest, and immediately the ash-grey men swarm up with leaden spades and stir up an impenetrable cloud which screens their obscure operations from your sight.

But above the grey land and the spasms of bleak dust which drifts endlessly over it, you perceive, after a moment, the eyes of Doctor T. J. Eckleburg. The eyes of Doctor T. J. Eckleburg are blue and gigantic – their retinas are one yard high. They look out of no face but, instead, from a pair of enormous yellow spectacles which pass over a nonexistent nose. Evidently some wild wag of an oculist set them there to fatten his practice in the borough of Queens, and then sank down himself into eternal blindness or forgot them and moved away. But his eyes, dimmed a little by many paintless days under sun and rain, brood on over the solemn dumping ground.

The valley of ashes is bounded on one side by a small foul river, and when the drawbridge is up to let barges through, the passengers on waiting trains can stare at the dismal scene for as long as half an hour. There is always a halt there of at least a minute and it was because of this that I first met Tom Buchanan's mistress" [Fitzgerald, 2013: 32 - 33].

В данном отрывке серый цвет обозначается как напрямую ("grey cars", "the ash-grey men"), так и вводится косвенно, через упоминание предметов, традиционно ассоциирующихся с данным цветом ("ashes", "chimneys", "rising smoke", "leaden spades", "bleak dust"). Многочисленные упоминания серого цвета создают безрадостную картину гигантской свалки, обратной стороны лёгкой и беспечной жизни на Лонг-Айленде.

Отрывок также изобилует эмоционально-экспрессивно окрашенной лексикой, имеющей отрицательные ингерентные коннотации: "desolate" ("a place that is desolate is empty and looks sad because there are no people there" – *LDCE*), "grotesque" ("unpleasant, shocking, and offensive; extremely ugly in a strange or unnatural way" – *LDCE*), "ghastly" ("very bad or unpleasant; making you very frightened, upset, or shocked" – *LDCE*), "foul" ("very unpleasant; very dirty" – *LDCE*), "dismal" ("if a situation or a place is dismal, it is so bad that it makes you

feel very unhappy and hopeless” – *LDCE*). Само слово “ashes” может являться достаточно экспрессивным и коннотативным, так как в форме множественного числа оно сопровождается следующими дефинициями: “the ash that remains when a dead person’s body is burned”; “a situation in which something is completely destroyed”. Таким образом, само название данного места вызывает ассоциации с разрушением и смертью.

Как уже отмечалось выше, если жизнь обитателей Лонг-Айленда описывается с помощью ярких, насыщенных красок, то Долина Шлака предстаёт перед читателем областью сплошного серого цвета, из которой выделяются только глаза доктора Т. Дж. Эклберга (“blue and gigantic”) на рекламном объявлении. Ощущение размытости и сюрреалистичности этой местности создаётся, в том числе, с помощью лексики с более общим значением «неясный, бесцветный, смутный»: “dimly”, “powdery”, “invisible”, “impenetrable”, “obscure”, “paintless”, “nonexistent”. Важную экспрессивную функцию выполняет в данном контексте словосочетание “eternal blindness”. С точки зрения пяти категорий, оно может быть охарактеризовано как коннотативное, неклишированное, неидиоматическое, социолингвистически не обусловленное, концептуально обусловленное. Данное словосочетание, вкуче с другими лексическими единицами, обладающими значениями «неясный», «смутный», помогает изобразить духовную слепоту общества неограниченного материализма.

В конце второго абзаца приведённого выше отрывка Долина Шлака обозначается как “a solemn dumping ground”. Данное словосочетание можно считать примером оксюморона, поскольку лексическое значение слова “solemn” (“very serious and not happy, for example because something bad has happened or because you are at an important occasion” – *LDCE*) противоречит как денотативному, так и коннотативному значениям лексической единицы “dumping ground” (“a place where people get rid of waste material” – *LDCE*). Таким образом, в тексте реализуется метафорическое изображение обратной

стороны беспечной и лёгкой жизни, ориентированной исключительно на материальные блага и ценности, как большой свалки. Джим Куллен отмечает, что образ Долины Шлака может рассматриваться как модернистская метафора: “a kind of modernist metaphor for the wasteland of humanity in a godless age” [Cullen, 2003: 181].

Гигантские глаза доктора Т. Дж. Эклберга также несут в тексте романа экспрессивную и символическую нагрузку. Абстрактный, символический характер данного образа усиливается тем фактом, что они лишены человеческого лица: “They look out of no face but, instead, from a pair of enormous yellow spectacles which pass over a nonexistent nose.”

Примечательно, что после внезапной гибели Миртл Уилсон, любовницы Тома, её муж Джордж смотрит на глаза доктора Эклберга и говорит о Боге:

“Standing behind him Michaelis saw with a shock that he was looking at the eyes of Doctor T. J. Eckleburg which had just emerged pale and enormous from the dissolving night.

‘God sees everything,’ repeated Wilson.

‘That’s an advertisement,’ Michaelis assured him. Something made him turn away from the window and look back into the room. But Wilson stood there a long time, his face close to the window pane, nodding into the twilight” [Fitzgerald, 2013: 212].

Глаза Т. Дж. Эклберга описываются как «гигантские», «огромные» (“gigantic”, “giant”, “enormous”). Трансцендентальный характер этого образа усиливается метафорой “emerged <...> from the dissolving night”.

Обращение Джорджа Уилсона к рекламному объявлению как к Богу отражает отсутствие правильных нравственных ориентиров в обществе, охваченном материализмом и жаждой наживы. В эссе, посвящённом роману «Великий Гэтсби», Фредерик Миллет (Frederick C. Millett) утверждает, что глаза доктора Т. Дж. Эклберга меняют свою смысловую нагрузку по мере развития сюжета романа. Если в начале произведения этот образ служит для

демонстрации вышедших из-под контроля материализма и рекламы, то в эпизоде с Джорджем Уилсоном, он символизирует разрушение традиционных американских духовных ценностей под напором всепоглощающего стремления к богатству и материальному имуществу [Millett, 2008: эл. ресурс].

Движимые материализмом герои романа описываются как «беспечные» (“careless”). Так, рассказчик говорит о безответственности и беспечности Джордан Бейкер, приятельница Дейзи:

“You’re a rotten driver,” I protested. “Either you ought to be more careful or you oughtn’t to drive at all.”

“I am careful.”

“No, you’re not.”

“Well, other people are,” she said lightly.

“What’s that got to do with it?”

“They’ll keep out of my way,” she insisted. “It takes two to make an accident.”

“Suppose you met somebody just as careless as yourself.”

“I hope I never will,” she answered. “I hate careless people. That’s why I like you” [Fitzgerald, 2013: 79 - 80].

Согласно *The Longman Dictionary of Contemporary English*, прилагательное “careless” означает “not paying enough attention to what you are doing, so that you make mistakes, damage things etc.” Применительно к Джордан Бейкер, данное слово не обладает ярко выраженными отрицательными коннотациями, что, вероятно, объясняется симпатией Ника к Джордан (далее он заявляет: “for a moment I thought I loved her”).

В конце романа рассказчик говорит о беспечности Тома и Дейзи, и в данном контексте слово “careless” обретает более широкое значение и адгерентные негативные коннотации:

“I couldn’t forgive him or like him but I saw that what he had done was, to him, entirely justified. It was all very careless and confused. They were careless people, Tom and Daisy – they smashed up things and creatures and then retreated

back into their money or their vast carelessness or whatever it was that kept them together, and let other people clean up the mess they had made...” [Fitzgerald, 2013: 237]

В данном отрывке слово “careless” (и производное существительное “carelessness”) используется три раза. «Беспечность» Тома и Дейзи обретает здесь большой размах из-за вызванных ею трагических последствий (гибель Миртл Уилсон по вине Дейзи и последующее убийство Гэтсби Джорджем Уилсоном). Основанием для подобной «беспечности» и укрытием от ответственности за свои поступки являются деньги (“retreated back into their money”).

Таким образом, в качестве одного из аспектов концепта «материализм» можно выделить социальную безответственность.

3.3.3. Материализм и его проявления в личной сфере человека.

Личные отношения героев романа во многом также обусловлены убеждением, что материальные ценности играют главную роль в жизни.

Среди героев романа, всецело поглощённых жадой денег и развлечений, выделяется фигура главного героя, который, в отличие от остальных, оказывается способным на настоящую любовь и большую мечту. Однако и чувства Гэтсби к Дейзи Бьюкенен и его мечта о ней искажены представлением о мире, в котором материальным ценностям отведена слишком большая роль.

Так, рассуждая о голосе Дейзи, Гэтсби говорит: “Her voice is full of money” [Fitzgerald, 2013: 106]. В его устах это является наивысшей похвалой. Таким образом, данная метафора демонстрирует огромную, порой слишком большую важность денег в системе ценностей главного героя. С другой стороны, данное выражение характеризует и Дейзи Бьюкенен, которая рождена среди богатства и роскоши, идеально подходит для такого образа жизни и воспринимает мир исключительно сквозь призму материальных ценностей.

Стараясь произвести на Дейзи впечатление, Гэтсби демонстрирует ей роскошное убранство своего огромного дома и показывает ей свой гардероб:

“He took out a pile of shirts and began throwing them, one by one before us, shirts of sheer linen and thick silk and fine flannel which lost their folds as they fell and covered the table in many-colored disarray. While we admired he brought more and the soft rich heap mounted higher – shirts with stripes and scrolls and plaids in coral and apple-green and lavender and faint orange with monograms of Indian blue. Suddenly with a strained sound, Daisy bent her head into the shirts and began to cry stormily.

“They’re such beautiful shirts,” she sobbed, her voice muffled in the thick folds. “It makes me sad because I’ve never seen such – such beautiful shirts before” [Fitzgerald, 2013: 123].

В описании гардероба Гэтсби автор использует многочисленные однородные перечисления, за счёт чего создаётся ощущение обилия и разнообразия одежды. Перечисление однородных компонентов, соединённых союзом “and”, задаёт определённую монотонность ритма. В перечислении цветов и фасонов рубашек Гэтсби встречаются примеры аллитерации: “shirts of sheer linen”, “fine flannel”, “lost their folds as they fell”, “shirts with stripes and scrolls”. Аллитерация в данном случае акцентирует внимание читателя на данном эпизоде и помогает понять, насколько важным для восприятия Дейзи и Гэтсби является этот момент.

Влюблённость Дейзи в Гэтсби является крайне поверхностной. В её глазах он предстаёт скорее красивым рекламным объявлением, нежели человеком:

“You always look so cool,” she repeated. <...>

“You resemble the advertisement of the man,” she went on innocently. “You know the advertisement of the man –” [Fitzgerald, 2013: 157]

В данном контексте слово “advertisement” (“a picture, set of words, or a short film, which is intended to persuade people to buy a product or use a service, or that gives information about a job that is available, an event that is going to happen

etc.” – *LDCE*) обретает коннотативность и несёт важную смысловую нагрузку, символизируя отношения между людьми эпохи массового потребления.

Детальные описания материальных ценностей и объектов отражают их значимость в глазах героев. Так, рассказывая о свадьбе Тома и Дейзи, Джордан Бейкер приводит подробности брачной церемонии и называет точную стоимость свадебного подарка Дейзи, однако же, ничего не говорит о чувствах и отношениях между молодожёнами:

“In June she married Tom Buchanan of Chicago with more pomp and circumstance than Louisville ever knew before. He came down with a hundred people in four private cars and hired a whole floor of the Seelbach Hotel, and the day before the wedding he gave her a string of pearls valued at three hundred and fifty thousand dollars” [Fitzgerald, 2013: 101].

Использование количественных числительных в данном отрывке заостряет внимание на этих деталях и демонстрирует первостепенность материальных ценностей как для Тома и Дейзи, так и для самой Джордан Бейкер.

Материальный успех является для героев романа главным критерием для оценки человека. Так, Джордж Уилсон, муж Миртл, описывается как вялый, слабый и неуспешный человек:

“He was a blonde, spiritless man, anaemic, and faintly handsome” [Fitzgerald, 2013: 35].

Слова “spiritless” (“having no energy or determination” – *LDCE*) и “anaemic” (“suffering from anaemia; seeming weak and uninteresting” – *LDCE*) обладают отрицательными ингерентными коннотациями. В качестве их обобщающего значения можно выделить «слабость, непривлекательность». Единственным словом в данном описании, имеющим положительную эмоционально-экспрессивную окраску, является прилагательное “handsome” (“a man who is handsome looks attractive” – *LDCE*), однако его положительные коннотации приглушаются наречием “faintly”.

В глазах Миртл, противоположностью Джорджа является сильный и успешный Том Бьюкенен. Влюблённость Миртл Уилсон в Тома Бьюкенена также обусловлена его материальным положением, в частности, тем, как он был одет при знакомстве:

“He had on a dress suit and patent leather shoes and I couldn’t keep my eyes off him but every time he looked at me I had to pretend to be looking at the advertisement over his head” [Fitzgerald, 2013: 49-50].

Использование в данном контексте сложносочинённого предложения с соединительным союзом “and” отражает последовательность событий, представленную как причина и следствие. Упоминание рекламного объявления (“the advertisement above his head”) способствует ощущению поверхностности и материалистичности отношений между героями.

Таким образом, одним из проявлений материализма является сфера личных отношений героев. Стремление к обладанию материальными ценностями занимает настолько важное место в системе ценностей героев, что именно оно определяет взаимоотношения и связи между персонажами романа, формирует поверхностный взгляд на мир, в рамках которого внешний вид становится основополагающей характеристикой человека. Это, безусловно, отражает негативное отношение автора к новым ценностям и идеалам, сформированным изменившимся обликом традиционного для американцев национального культурного концепта «материализм».

Выводы к главе 3.

Роман Ф.С. Фитцджеральда представляет собой весьма богатый материал для изучения лингвокогнитивных особенностей концепта «американский индивидуализм». Исходя из анализа текста произведения, можно сделать следующие выводы:

1. Материализм является сложным культурным концептом, важной составляющей американской национальной языковой картины мира.

2. Термин «материализм» может иметь различные трактовки, причём в дефинициях различных источников могут отражаться отрицательные коннотации, связанные с этим словом, или же слово может представать в нейтральном освещении. Данное исследование исходит из следующего толкования понятия «материализм»: способ восприятия и понимания действительности, при котором материальные ценности воспринимаются как наиболее важные для достижения успеха и счастья.
3. Важная роль концепта «материализм» в американской картине мира обсуждалась и продолжает обсуждаться в работах историков, социологов, психологов, культурологов, лингвистов. Говоря о более или менее современных исследованиях, можно выделить следующую тенденцию: американцы уделяют слишком много внимания материальным ценностям в ущерб духовным.
4. Период 1920-х годов, вошедший в историю как «ревущие двадцатые», или «золотые двадцатые», даёт богатый материал для изучения концепта «материализм», поскольку именно в это время ценности, отношения и сам уклад жизни претерпели значительные изменения. Из традиционной пуритано-протестантской концепции “hard work and perseverance” материализм превратился в стремление к «лёгким деньгам», показной роскоши и неограниченным удовольствиям, что во многом было обусловлено социально-экономическими факторами данного периода истории Соединённых Штатов.
5. Для более структурированного анализа лингвокогнитивных особенностей концепта «американский материализм» на материале текста художественной литературы представляется уместным выделить несколько аспектов данного концепта, которые можно условно обозначить следующим образом: 1) материализм как основополагающий компонент «американской мечты»; 2) материализм

как фактор разложения общества; 3) материализм и его проявления в личной сфере человека. Бесспорно, эти аспекты являются тесно взаимосвязанными.

6. Стремление к обладанию материальными ценностями традиционно считается важным компонентом сложного национального концепта «американская мечта». В романе представлены два противоречащих друг другу варианта «американской мечты». Во-первых, это «пуританская мечта», основанная на идее, что честный и упорный труд должен привести человека и его семью к лучшей жизни. В этом случае «материализм» может рассматриваться как традиционное и естественное для американца стремление к постепенному улучшению условий своей жизни. Носителем такой этики в романе выступает рассказчик Ник Каррауэй, однако же данная линия не получает в романе особого развития. Второй разновидностью «американской мечты», представленной в романе, является стремление к нелегальной и быстрой наживе, получившее распространение во время «ревущих двадцатых». С этим вариантом «американской мечты» так или иначе связаны практически все остальные персонажи романа.
7. В романе «Великий Гэтсби» отражаются также негативные социальные стороны концепта «материализм»: значительное имущественное расслоение в обществе, социальная безответственность, коррупция, распространение преступной деятельности.
8. Личные взаимоотношения героев романа «Великий Гэтсби» также во многом определяются их стремлением к роскоши и красивой жизни. Поэтому описания материальных благ (в частности, домов, машин, одежды) играет крайне важную роль в характеристике героев произведения.

9. С точки зрения языкового выражения, все вышеперечисленные аспекты концепта «американский материализм» реализованы в тексте романа через языковые средства, принадлежащие к разным уровням: фонетическому, лексическому, синтаксическому. Важную смысловую и выразительную функцию выполняют стилистически и эмоционально-экспрессивно окрашенные словосочетания.

Подводя итоги главы 3, можно привести следующие слова Рональда Бермана (Ronald Berman), автора главы *The Great Gatsby and the Twentieth* в книге *The Cambridge Companion to F.S. Fitzgerald*:

“The Great Gatsby” is about American issues <...> The world of “The Great Gatsby” is a version of the new social world feared by the tradition of American moralists from William James to John Dewey¹². It is a world of broken relationships and false relationships; a world of money and success rather than of social responsibility; a world in which individuals are all too free to determine their moral destinies” [Berman, 2002: 83].

¹² Уильям Джеймс (William James, 1842 - 1910) – американский философ и психолог, один из ведущих представителей таких направлений, как прагматизм и функционализм. Одна из его основных идей заключалась в обосновании примата духовных ценностей над ценностями материальными (Джемс У. Зависимость веры от воли. СПб, 1904). Джон Дьюи (John Dewey, 1859 - 1952) – американский философ и педагог, представитель философского направления «прагматизм». Он выступал за более справедливое распределение материальных благ, в соответствии с усилиями, приложенными каждым человеком (Liberalism and Social Action. New York, 1935).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Языковой концепт как предмет лингвокогнитивного исследования вошёл в круг актуальных вопросов науки о языке в 80-х годах XX века. В последнее время резко возрос интерес к изучению концептов, составляющих часть той или иной национальной языковой картины мира – результата отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного общества, конкретного этноса [Корнилов, 2008: 163].

Данное диссертационное исследование представляет собой анализ лингвокогнитивных характеристик концептов «индивидуализм» и «материализм» в американской картине мира.

Для описания данных концептов был использован комплексный подход, который заключался в следующих этапах: 1) изучение философской, социально-психологической, культурологической и мировоззренческой сторон данных концептов; 2) анализ статей толковых, культурологических, энциклопедических, философских словарей, исходя из положения, что словарные дефиниции передают понятийное содержание концепта и помогают понять его структуру; 3) анализ способов языкового выражения указанных концептов в текстах американской художественной литературы XX века (а именно в романах Кена Кизи *One Flew over the Cuckoo's Nest* и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда *The Great Gatsby*) с привлечением методов лингвостилистического и лингвопоэтического подходов к рассмотрению художественного текста.

Основные заключения, сделанные в данной работе, могут быть сформулированы следующим образом:

1. Концепты “individualism” и “materialism” являются сложными национальными культурными концептами и занимают важное место в американской национальной языковой картине мира. Как и все наиболее важные концепты, они выражены через разнообразные средства языка на разных уровнях (фонетическом, графическом,

лексическом, грамматическом, синтаксическом), что было продемонстрировано на материале рассматриваемых произведений американской художественной литературы XX века;

2. В результате анализа словарных дефиниций слова “individualism” можно выявить три основных признака концепта «индивидуализм»: 1) преобладание личных прав индивида над интересами группы; 2) полагание на свои силы, а не на помощь извне; 3) сопротивление контролю со стороны общества.
3. Контекстуальный анализ, основанный на изучении актуализации и языкового выражения концепта «индивидуализм» в художественном тексте (романе Кена Кизи *One Flew over the Cuckoo's Nest*) показывает, что данный концепт выражается через следующую систему антитез/противопоставлений: 1) свободный человек – общество угнетения; 2) природное, естественное – механическое, искусственное; 3) личное, человеческое – безличное, нечеловеческое; 4) осознание национальной принадлежности – подавление национальной принадлежности. В соответствии с этим, можно выделить четыре аспекта реализации концепта «индивидуализм»: 1) индивидуализм как противостояние личности технократическому обществу; 2) индивидуализм как восстановление связи человека с природой; 3) индивидуализм как обретение человеком самого себя, самоопределение личности; 4) индивидуализм как осознание человеком своей национально-культурной принадлежности.

В этой связи стоит отметить, что данные энциклопедических и толковых словарей дают более узкую трактовку рассматриваемых концептов. В исследуемых художественных текстах концепты «индивидуализм» и «материализм» приобретают более сложное и многоаспектное звучание, что подтвердилось и при анализе романа Ф.С. Фицджеральда.

4. Изучение материала показало, что важную роль в языковом оформлении концепта «индивидуализм» играет развёрнутая метафора «общество как механизм». Помимо своих выразительных возможностей, развернутая метафора, использованная в произведении, является значимой с когнитивной точки зрения: она позволяет проникнуть в картину мира представителей того или иного языкового коллектива, лучше понять, какие ассоциации и оценки может иметь рассматриваемое явление в сознании носителей данного языка.

В целом, упомянутые выше аспекты концепта «индивидуализм» реализуются в романе на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, синтаксическом, грамматическом. С помощью языковых средств художественной выразительности создаётся положительный, с точки зрения американского сознания, образ героя-индивидуалиста, бунтаря, полагающегося исключительно на свои силы и отвергающего попытки общественного контроля над собой. Общество же, изображённое в образе психиатрической лечебницы, предстаёт как жёсткий и слаженный механизм, нацеленный на подавление свободы человека путём лишения его индивидуальных черт.

5. Концепт «материализм» был рассмотрен примерно по такой же схеме. Анализ словарных дефиниций слова “materialism” позволяет выделить следующие основные признаки соответствующего концепта: 1) приоритет материальных ценностей над духовными; 2) стремление к улучшению условий жизни и постоянному приобретению материальных ресурсов (потребительство).

Рассматривая лингвокогнитивные характеристики концепта «материализм» на материале романа Ф.С. Фицджеральда *The Great Gatsby*, можно выделить следующие аспекты данного концепта: 1) материализм как основополагающий компонент «американской

мечты»; 2) материализм как фактор разложения общества; 3) материализм и его проявления в личной сфере человека.

6. В романе представлены две точки зрения на материализм. Первая точка зрения связана с линией Ника Каррауэя, рассказчика, и ассоциируется с традициями пуритано-протестантской трудовой этики, которая подразумевает постепенное улучшение материальных условий для себя и своей семьи через честный и упорный труд. Однако такое понимание концепта «материализм» не получает особого развития в романе, поскольку, по мнению автора, концепция достижения успеха через труд, прилежание, полагание на свои силы и самодисциплину (“industry, perseverance, self-reliance, and self-discipline” [Warshauer, 2003]) во время «ревущих двадцатых» стала отходить в прошлое, уступая место попыткам быстро и стремительно разбогатеть, используя для этой цели все доступные (в том числе незаконные) средства. Такой точки зрения придерживаются практически все герои романа, что приводит к его трагической развязке. С помощью разнообразных языковых средств, относящихся к разным уровням (фонетическому, лексическому, грамматическому, синтаксическому), Ф.С. Фицджеральд выражает резко отрицательное отношение к изменившейся концепции американского материализма. Финал романа демонстрирует, что неограниченный материализм может привести как отдельных людей, так и общество в целом к крайне драматическим последствиям.
7. Исследование художественных текстов при помощи лингвостилистического и лингвопоэтического методов подтверждает, что произведения словесно-художественного творчества могут служить ценным материалом для исследования национальных культурных концептов и процесса их вербализации. При этом также подтверждается мысль о том, что лингвостилистика и лингвопоэтика

обладают значительным когнитивным потенциалом, который может быть использован в дальнейших исследованиях как культурных концептов, так и национальных языковых картин мира.

Стоит отметить, что результаты настоящего исследования демонстрируют перспективность такого рода направления в изучении культурных концептов. В связи с этим дальнейшие исследования в данной области, возможно, помогут усовершенствовать терминологический аппарат когнитивной лингвистики, разработать новые подходы к изучению как структуры национальных культурных концептов, так и их языкового выражения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Агаркова Н.Э. Концепт "Деньги" как фрагмент английской языковой картины мира: На материале американского варианта английского языка. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Агаркова Наталья Эдуардовна. – Иркутск, 2001 – 171 с.
2. Адонина. И.В. Концепт "успех" в современной американской речевой культуре. автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Адонина Ирина Викторовна. – Хабаровск, 2005 – 21 с.
3. Александрова О.В., Т.А. Комова. Современный английский язык: морфология и синтаксис. / О.В. Александрова, Т.А. Комова. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 224 с.
4. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: На материале английского языка: Учебное пособие. – издание 2-е, испр. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 216 с.
5. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика. М.,1986. – N 28. – с. 5-33.
6. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. «Языки русской культуры». Избранные труды/ Ю.Д. Апресян. – М.: Школа, 1995. Т.2. – 512 с.
7. Арапиева Л.У. Теория и практика системы знаков препинания в современном английском языке: автореф. дисс. канд.филол. наук: 10.02.04 / Арапиева Любовь Умарбековна. – М.,1985. – 177 с.
8. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. / Н.Д. Арутюнова. – М.: 1988. – 341 с.
9. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. ВГУ, 1996.
- 10.Балашова Е. А. К вопросу об отражении наивной картины мира в лексикографии и лексикологии [Электронный ресурс] / Е.А. Балашова // Пермь, 2006. – Режим доступа: (<http://philologicalstudies.org/dokumenti/2006/vol2/14.pdf>)

11. Баранова Л. Л. Концепт «американская мечта»: его структура и реализация в языковой деятельности людей / Л.Л. Баранова // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. – Рязань, 2007. – N 5. – с. 78-84.
12. Баранова Л.Л. Онтология английской письменной речи: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. / Баранова Людмила Львовна. – М., 1996. – 336 с.
13. Белый А. Фридрих Ницше / А. Белый // Символизм как миропонимание (Серия «Мыслители XX века»): М.: Республика, 1994 – с. 177 - 195.
14. Бондаренко О.Ю. Антиномия мудрость – безумие в контркультуре США 1950-1960-х гг.: автореф. дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Бондаренко Ольга Юрьевна. – М.: 2009. – 23 с.
15. Брутян Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Научные труды высшей школы. Философские науки. – М.: 1973 – N1. – с. 108 - 111.
16. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко / Й.Л. Вайсгербер – М.: ЛИБРОКОМ, 2004. – 232 с.
17. Вежбицкая А. Лексикография и концептуальный анализ / Вежбицкая А. – Анн Арбор, 1985. – 200 с.
18. Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи / Н.Б. Гвишиани. – М.: Высшая школа, 1979. – 200с.
19. Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи. Пер. В.Ф. Котова, А.В. Сулимо - Самуйло / Г. Герц. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959 – 390 с.
20. Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию. Пер. Г.В. Рамишвили / В. Фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1984. — 400 с.
21. Давыдов М.В., Окушева. Г.Т. Значение и смысл созвучий в современном английском языке: Учебное пособие / М.В. Давыдов, Г.Т. Окушева – М.: Изд-во МГУ, 1994 – 128 с.
22. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. Пер. С.Н. Зенкин / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – СПб: Алетейя, 1998. – 286 с.

23. Дечева Н.Г. Филологическое чтение американской художественной литературы в прагмафонетическом освещении: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дечева Наталья Георгиевна. – М.: 2006. – 181 с.
24. Дечева С.В. Когнитивная силлабика / С.В. Дечева. – Диалог-МГУ Москва, 1998. – 215 с.
25. Дечева С.В. Слоговое деление в английской речи (когнитивная силлабика): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. / Дечева Светлана Владимировна. – М., 1995. – 380 с.
26. Джемс У. Зависимость веры от воли / У. Джеймс. – СПб, 1904. – 388 с.
27. Жданова Н.В. Концепт «судьба» в русском и английском языках. / Н.В. Жданова // Вестник НовГУ. Великий Новгород, 2006. – №36. – с. 52-54.
28. Задорнова В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста: Учеб. пособие для ин-тов иностр. яз и филол. фак. Университетов / В.Я. Задорнова – М.: «Высшая школа», 1984 – 152 с.
29. Задорнова В.Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования. автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Задорнова Велта Яновна. – М., 1992 – 23 с.
30. Замятина Н.Ю. Образ фронта в США и России [Электронный ресурс] / Н.Ю. Замятина // Американские исследования в Сибири. Американский и сибирский фронт. – Вып. 2. – Томск, 1997 – Режим доступа:
<http://america-xix.org.ru/library/zamyatina/>
31. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – с. 75-80
32. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В.И. Карасик. – Волгоград: 2002. – 477 с.
33. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография. Основы идеографического словаря русского языка / Ю.Н. Караулов. – М.: 1976. – 356 с.

34. Кизи К. Над Кукушкиным гнездом / Пер. В.П. Голышева / К.Кизи. – М.: 2009. – 384 с.
35. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. / Г.В. Колшанский. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.
36. Комова. Т.А. Основы сопоставительной культурологии / Т.А. Комова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 214 с.
37. Корнилов О.А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов. дис. ... д-ра культурологических наук: 24.00.04 / Корнилов Олег Александрович – М., 2000. – 460 с.
38. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картины мира. – М., 1988, – с. 141-172.
39. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
40. Липгарт А.А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы 16-20 вв): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. / Липгарт Андрей Александрович – М., 1996. – 21 с.
41. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52, N 1. – с. 3-9.
42. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. / А.Ф. Лосев. – М., «АСТ», 2000. – 628 с.
43. Ма Т.Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США XX века (опыт прототипического подхода). дис. .. д-ра филол. наук: 10.02.04 / Ма Татьяна Юрьевна – М., 2012. – 420 с.
44. Ма. Т.Ю. Национальное самосознание в контексте языка и культуры: (На материале амер. варианта англ. яз.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ма Татьяна Юрьевна. – М., 2001. – 186 с.

45. Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии: Историко-документальные очерки / В.Л. Мальков – М.: Мысль, 1988. – 348 с.
46. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. Пер. с англ. А.А. Юдина / Г. Маркузе. – М.: АСТ, 2002. – 526 с.
47. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. / В.А. Маслова – Минск, 2004. – 256 с.
48. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Общая редакция и вступительная статья М. А. Дынника. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 240 с.
49. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл Текст». М.: Языки русской культуры, 1999. – 346 с.
50. Мирандола. Речь о достоинстве человека / Перевод Л. Брагиной. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-и тт. Т.1. – М.: Искусство, 1962. – с. 506-514.
51. Назарова Т.Б. Филология и семиотика. Современный английский язык: Учеб. Пособие / Т.Б. Назарова. – 2-е изд., испр. – М.: Высш.шк., 2003 – 191 с.
52. Пашутина Т.А. Ключевые концепты американской культуры "PRIVACY" и "PATRIOTISM" и особенности их языковой репрезентации в различных типах дискурса. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Пашутина Татьяна Александровна. – Белгород, 2009 – 199 с.
53. Пичугина Е.В. Когнитивная организация и прагматическая реализация концепта FEAR: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Пичугина Елена Вячеславовна. –СПб, 2002 – 281 с.
54. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
55. Практический курс английского языка [И.М. Магидова и др.] / Под ред. О.С. Ахмановой и О.В. Александровой. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 237 с.

- 56.Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты [Электронный ресурс] / Е.В. Рахилина. – Семиотика и информатика, М.: 1998 №36. – с. 274-323
- 57.Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 1999 – 174 с.
- 58.Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
- 59.Телия В.Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) / В.Н. Телия // С любовью к языку. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.- Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002 – с. 87-97
60. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- 61.Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
- 62.Титова И.В. Лингво-когнитивные особенности горизонтальной стратификации художественного текста: На материале произведений английской и американской литературы и их экранизаций: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Титова Инна Васильевна. – М., 2005. – 24 с.
- 63.Токвиль А. де. Демократия в Америке: Пер. с франц. /Предисл. Гарольда Д. Ласки / А. де Токвиль – М.: изд. Группа «Прогресс» – «Литера», 1994. – 554с.
- 64.Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» / В.Н. Топоров // сб.: Труды по знаковым системам – [т.] 5, Тарту, 1971 – с. 9 - 62;
- 65.Уикс Дж. Пролетая над гнездом кукушки. Памяти Кена Кизи (радиопрограмма) [Электронный ресурс] / Дж. Уикс – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24200244.html>]

66. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Зарубежная лингвистика, 1960. – N 1. – с. 58 – 92
67. Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби / Пер. Е.Д. Калашниковой / Ф.С. Фицджеральд. – М.: АСТ, 2011 – 256 с.
68. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2005. – 571 с.
69. Фрумкина, Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? Текст. / Р.М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века / Под ред. акад. Ю.С. Степанова. – М. Инст-т языкознания РАН, Рос. гос. гум. ун-т., 1995. – с. 74-11
70. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Пер. с фран. И. Стаф / М. Фуко – СПб.: Университетская книга, 1997. – 576 с.
71. Хайдеггер, М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. Пер. В.В. Биbihин / М. Хайдеггер – М.: Прогресс, 1986 – с. 92-110.
72. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философия фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М.: Медиум, 1997. – 310 с.
73. Худяков А.А. Концепт и значение / А.А. Худяков // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – с. 97 – 103.
74. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т.В. Цивьян – М.: Наука, 1990. – 208 с.
75. Шляпентох Д. Незнакомые американцы / Д. Шляпентох // Родина. – М., 1992. – N10. – с. 98 - 104
76. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Пер. Ю. Айхенвальд / А. Шопенгауэр. – М.: Азбука-Классика, 2007. – 256 с.
77. Эйнштейн А. Собрание сочинений. / А. Эйнштейн – М.: Наука, 1968. – т.8
78. Юнг К.Г. Психологические типы. Перевод: София Лорие (под ред. В. Зеленского) / К.Г. Юнг – СПб: Азбука, 2001. – 538 с.
79. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

80. Яковлева Н.Н. Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение. / Н.Н. Яковлева – М.: Междунар. Отношения, 1981. – 416 с.
81. Althen C., Bennett J. American Ways. A Cultural Guide to the United States. – Third edition. – Boston: Nicholas Brealey Publishing, 2011. – 279 p.
82. Arieli I. Individualism and Nationalism in American Ideology / I. Arieli. – Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1964 – 442 p.
83. Benz C., Benz S. Impressions, America Through academic Readings / C. Benz, S. Benz. – Thomson Heile, 2008. – 176 p.
84. Blessing. R. The Moving Target: Ken Kesey's Evolving Hero / R. Blessing // Journal of Popular Culture –N 4, 1971. – pp. 615 - 627.
85. Bryce James. The American Commonwealth, in two volumes. Vol.2 / J. Bryce. – Second edition revised – New York, Macmillan and Co, 1890. – 764 p.
86. Chamberlain, N. W. Remaking American values: Challenge to a business society / N.W. Chamberlain. – New York: Basic Books, 1977. – 193 p.
87. Chevalier M. Society, manners, and politics in the United States / M. Chevalier. – New York: A.M. Kelley, 1966. – 467 p.
88. Cullen J. The American Dream: a Short History of an Idea that Shaped a Nation / J. Cullen. – Oxford [England]; New York: Oxford University Press, 2003. – 214 p.
89. Decheva S.V. English Syllabification as Part of the Learner-Oriented Speechology / S.V. Decheva. – Издательство Московского университета Москва, 1994. – 104 p.
90. Dexter W.F. Herbert Hoover and American Individualism / W.F. Dexter. – New York. The Macmillan Company, 1932. – 256 p.
91. Dewey J. Liberalism and Social Action / J. Dewey. – New York: G.P. Putnam, 1935. – 93 p.
92. Draper J. W. History of the American Civil War, 3 Vols / J.W. Draper – New York, 1868-70, Vol. I.
93. Emerson R.W. Wealth [Электронный ресурс] / R.W. Emerson. – Режим досупа: <http://www.emersoncentral.com/wealth.htm>

94. Fischer C. S. Made in America. A Social History of American Culture and Character / C.S. Fischer. – The University of Chicago Press, 2010. – 528 p.
95. Fitzgerald F.S. Tales of the Jazz Age / F.S. Fitzgerald. – N.Y.: Starbooks Classics, 2005 – 342 p.
96. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby / F.S. Fitzgerald. – СПб: КАРО, 2013. – 256 с.
97. Godkin E.L. Problems of Modern Democracy. Political and economic essays / E.L. Godkin – Second edition. – New York, 1897. – 354 p.
98. Goldman E.F. The Crucial Decade. America, 1945 – 1955 / E.F. Goldman – New York: Knopf, 1956. – 298 p.
99. Hoover H. American Individualism. Doubleday / H. Hoover. – New York: Page and Co, 1922 – 75 p.
100. Hoover H. Principles and Ideals of the United States Government (October 22, 1928) [Электронный ресурс] / Y. Hoover. – Режим доступа: <http://millercenter.org/president/speeches/speech-6000>
101. Hudson W.E. American Democracy in Peril: Eight Challenges to America's Future. / W.E. Hudson – 6th edition – Washington, D.C.: CQ Press, 2009. – 388 p.
102. Kerouac J. On the Road / J. Kerouac. – N.Y.: Penguin Books, 1991. – 310 p.
103. Kesey K. One Flew over the Cuckoo's Nest / K. Kesey. – СПб: КОРОНА принт, КАРО, 2008. – 432 p.
104. Kohls R.L. The Values Americans Live by [Электронный ресурс] / R.L. Kohls – Режим доступа: <http://www.uri.edu/mind/VALUES2.pdf>
105. Leeds B.H. Ken Kesey / B.H. Leeds. – New York: Frederick Ungar Publishing, 1981. – 134 p.
106. Leuchtenburg. W.E. Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932-1940. / W.E. Leuchtenburg. – London: Harper & Row, 1963. – 393 p.
107. Lukes S. Individualism. Key Concepts in the Social Sciences / S. Lukes. – Oxford, 1973 – 172 p.
108. McElvaine R. S. The Great Depression: America, 1929-1941 / R.S. McElvaine. – N.Y.: Three Rivers Press, 1993. – 402 p.

109. Millett F.C. Symbols in the Great Gatsby [Электронный ресурс] / F.C. Millett. – Режим доступа: <http://excellence-in-literature.com/american-lit/e3-resources/symbols-in-the-great-gatsby-by-frederick-millett>
110. Perry R.B. Characteristically American / R.B. Perry. – N.Y.: Knopf, 1949. – 162 p.
111. Radin P. The Evolution of an American Indian Prose Epic; a Study in Comparative Literature / P. Radin. – Baltimore: Waverly Press, 1954-56 – 148 p.
112. Radin P. The Trickster: a Study in American Indian Mythology / P. Radin. – New York: Schocken Books, 1972 – 211 p.
113. Reynolds G. Introduction to The Great Gatsby [Электронный ресурс] / G. Reynolds – Режим доступа: <http://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1055&context=englishfacpub>
s
114. Rischin M. The American gospel of success: individualism and beyond / M. Rischin. – Chicago: Quadrangle Books, 1965. – 429 p.
115. Roszak T. The Making of a Counter Culture. Reflections of the Technocratic Society and Its Youthful Opposition / T. Roszak. – N.Y.: Garden City, 1969 – 303 p.
116. Slater Ph. E. The Pursuit of Loneliness. American Culture at the breaking point / Ph. E. Slater. – Beacon Press, Boston, 1970. – 154 p.
117. Snyder G. Myths and Texts / G. Snyder. – New York: Published for J. Laughlin by New Directions, Pub. Corp., 1978 – 54 p.
118. Stewart E.C. and Bennett M.J. American Cultural Patterns. A Cross-Cultural Perspective / E.C. Stewart, M.J. Millett. – Boston, 1991. – 192p.
119. Talmy L. Figure and ground in complex sentences / L. Talmy //Greenberg et al. (eds.). Stanford: SUP, 1978. – vol.4. – p. 625-629
120. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000. – 565 p.
121. Tanner S.L. Ken Kesey / S.L. Tanner. – Boston: Twayne Publishers, 1983. – 159 p.
122. Tanner T. City of Words. American Fiction 1950-1970 / T. Tanner. – New York / London: Harpercollins, 1971 – 463 p.

123. Thompson I. Individualism and Conformity in the 1950s vs 1980s [Электронный ресурс] / I. Thompson. – Код доступа: http://www.researchgate.net/publication/226922783_Individualism_and_conformity_in_the_1950s_vs._the_1980s.
124. Tocqueville Alexis de. Democracy in America / A. de Tocqueville – New York, 1966. – vol. 2, 408 p.
125. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History [Электронный ресурс] / F.J. Turner – Режим доступа: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>
126. Warshauer M. Who Wants to be a Millionaire: Changing Conceptions of the American Dream [Электронный ресурс] / M. Warshauer. – Режим доступа: http://www.americansc.org.uk/Online/American_Dream.htm
127. Whitman W. Democratic Vistas. Complete Prose Works / W. Whitman. – New York, 1914. – 527 p.

СЛОВАРИ:

1. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь COLLINS, Т.1 / Д. Джери, Дж. Джери. – М.: Вече, АСТ, 1999 – 544 с.
2. Краткий философский словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев [и др.] / под ред. А.П. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2006. – 496 с.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 245 с.
4. Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983.
5. American Heriatage Dictionary of the English Language /Peter Davies, editor. – New York: Dell Publishing Co., Inc., 1973

6. American Dictionary of the English Language. Based on the latest conclusions of the most eminent philologists and comprising many thousands of new words which modern literature, science and art have called into existence and common usage. – New York: P.F. Collier & Son, 1910
7. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge University Press: 2000
8. Chambers 21st Century Dictionary by M. Robinson, G. Davidson / M. Robinson, G. Davidson, – Edinburgh: Chambers, 1999
9. Collins English Dictionary. – 2nd edition – Glasgow: Harper Collins, 2006
10. Encyclopedia Americana. International edition. Complete in thirty volumes. N.Y.: Grolier Incorporated, 1991
11. Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Longman, 2009
12. Longman Dictionary of English Language and Culture. – 4th ed. - Harlow: Longman, 2003
13. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – 2nd edition – Macmillan, 2008
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary – 8th edition – Oxford University Press, 2010
15. Oxford English Reference Dictionary. – 2d edition – Oxford University Press, 2002
16. Webster's International Dictionary of the English Language (comprising the issues of 1864, 1879, and 1884) – London and Springfield, Mass., USA, 1890.
17. Webster's Third New International Dictionary and Seven Language Dictionary. Volume II. Merriam-Webster, Inc. – 1993
18. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. - Springfield, Mass.: Merriam-Webster, 1993